

Евгений Михайлович Кожокин

ФРАНЦУЗСКИЕ РАБОЧИЕ:

от ВЕЛИКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ до РЕВОЛЮЦИИ 1848 года

М.: изд-во МГУ. 1985. 240 с.

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения*

В книге предпринят историко-социологический анализ жизни французских рабочих конца XVIII-первой половины XIX в. Автор исследует различные типы массового сознания рабочего класса, их взаимодействие и смену под влиянием Великой французской революции, промышленного переворота, политической и экономической борьбы, раскрывает сложные процессы формирования классового сознания пролетариата.

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Московского университета.

Рецензенты – д.и.н. М.А.Заборов, к.и.н. С.Г.Айвазова

Редакционная коллегия серии

«ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. ДОКУМЕНТЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ»:

д.и.н., проф. А.В.Адо (председатель), к.и.н. В.Н.Горохов, д.и.н., проф. В.М.Далин, чл.-корр. АН СССР Ю.С.Кукушкин, д.и.н., проф. Г.С.Кучеренко, д.и.н., проф. В.П.Смирнов, д.и.н., проф. Е.Ф.Язьков.

В нашей электронной библиотеке опубликованы статьи из книг данной серии:

Д.Туган-Барановский. На пути к брюмеру

Е.Кожокин. Французская буржуазия на исходе Старого порядка

Э.Гусейнов. Жиронда и перспективные проблемы изучения Великой французской революции

Другие тематические материалы:

Дж.Рюде. Народные низы в истории. Англия в 18 в. Переход к промышленному обществу. Промышленная Британия

Дж.Рюде. Народные низы в истории. Идеология и классовое сознание. Идеология народного протеста

Дж.Рюде. Народные низы в истории. Лики толпы. Характер и поведение. Победы и поражения

Дж.Рюде. Народные низы в истории: 1730–1848. Французская революция

А.Намазова. Бельгийская революция 1830 года (в одной из глав охарактеризовано промышленное производство и положение рабочих в Бельгии)

З.Иванова. Дискуссия о французском дворянстве

Т.Богданович. Аристократия и народ накануне Французской революции 1789 г.

И.Берго. Парламенты и политическая борьба во Франции накануне Великой французской революции

Агония французского абсолютизма (глава из коллективной монографии)

ВВЕДЕНИЕ

«Все мы - дети Великой революции», - заявил рабочий-текстильщик священнику, порицавшему нехристианское поведение группы его товарищей. Разговор происходил в феврале 1817 г. в одной из церквей города Седана.¹ Текстильщик был тысячу раз прав, именно революцией объясняя характер убеждений и поступков французских работников. Но содержалась в его словах и другая, неизвестная ему правота. В годы Реставрации и на протяжении всего XIX в. детьми Великой французской революции 1789-1794 гг. были все: противники и сторонники революции, рабочие и жандармы, республиканцы и орлеанисты, буржуа - и даже самые упорные в своем легитимизме дворяне. Рассматривая историю Франции с точки зрения развития основных классов французского общества, обнаруживаешь, что революция явилась актом политического рождения и социально-экономического освобождения буржуазии, в значительной степени способствовала консолидации крестьянства, заложила правовые основы для становления рабочего класса, была периодом наиболее стремительного преобразования сознания его прямых предшественников в лице наемных работников городской промышленности и ремесла; наконец, она положила предел историческому существованию дворянства, в судьбе которого ничего уже не смогло изменить искусственное возрождение 1815-1830 гг.

На одной и той же технико-экономической основе общество может избрать для себя тот или иной путь развития. История альтернативна, она отнюдь не несет в себе фатума предопределенности. Культура как совокупный духовный опыт народа содержит в себе определенный набор вариантов развития. Происходящая в Обществе борьба в своем высшем проявлении классовой борьбы всегда имеет своим содержанием прежде всего решение этого равного вопроса о выборе пути. 1776-й год² против 1789-го – так стоял вопрос во Франции конца XVIII в. Реформа или революция, авторитарное и государственное утверждение буржуазных порядков или демократическое и гражданское. Необходимость реформы признавалась всеми думающими людьми, неотвратимость революции предчувствовали немногие самые проницательные. Французская общественная мысль выработала планы авторитарного преобразования страны и ее демократического переустройства. Осуществить теории авторитарного реформирования не удалось: последняя попытка их реализации обернулась революцией.³

Хотя и после 1789 г. призрак авторитаризма не раз смущал Души французов и даже облекался во вполне реальные формы I и II империи, в целом он оказался отброшенным на задний двор национальной политической культуры. В этом огромная заслуга поколения 1789-1794 гг., и в значительной степени рабочего люда тех лет.

В последнее двадцатилетие во Франции и других странах Запада предпринята попытка пересмотра роли и значения Великой французской буржуазной революции в становлении современной цивилизации.⁴ Конечно, сторонники «ревизии» (Ф.Фюре и Д.Рише во Франции, их единомышленники в США, Великобритании и ФРГ) не отстаивают чисто нигилистический подход к французской революции. В твердолобом консерватизме а la академик П.Гаксот их не упрекнешь, но они вполне в духе консервативной традиции призывают во всемирной истории отводить Великой революции приблизительно такое же место, какое ей принадлежит в хронологии. Четыре года и не более того. Будто речь идет об арифметике, где 1783-1788 равны 1789-1794! Так, в XVIII и XIX вв. все консерваторы упорно твердили: «Париж - это только один из департаментов Франции». В итоге оказывается, что Фюре и Рише, как «будто отстаивая строго исторический подход, на самом деле выступают не только против марксистского осмысления истории, но даже и против либеральной традиции, связь которой с буржуазной революционностью или не понимается, или отрицается.

Переосмыслению подвергается и роль народных масс в Великой буржуазной революции. Настойчиво проводится мысль о консервативном характере экономических устремлений городской бедноты. Правда, допускается, что в ходе революции массы изменились, усвоили специфическую революционную лексику, но при этом утверждается, что их сознание по сути осталось прежним новыми словами выражались старые мысли. Эту концепцию нельзя принять.

Исследователь, стоящий на точке зрения органичности исторического процесса (казалось бы, признаваемой и «ревизионистами»), обнаруживает глубокое качественное преобразование сознания простых людей во время революции. И дело не только в ускорении изменений, наметившихся уже в годы «старого порядка». В условиях грандиозного национального кризиса рождались новые, ранее совершенно не известные структуры и формы мышления. Зафиксированные в культуре, в исторической памяти народа, в политической традиции, они продолжали жить и после завершения Великой революции.

Антиисторизм иного рода, чем у Фюре и Рише, присущ концепции Д.Герена [<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#guerin>], автора неоднократно переиздававшегося исследования о народных низах в эпоху Великой революции.⁵ Подгоняя события конца XVIII в. под троцкистскую схему «перманентной революции», Герен отождествляет санкюлотов и пролетариат, в революционном натиске масс 1793-1795 гг. он видит прообраз социалистической революции. Политическая тенденциозность взламывает историю, превращает ее в банальную иллюстрацию априорных конструкций. Людей прошлого Герен лишает их собственного лица, их неповторимого духовного облика.

Стремление сохранить историю в ее аутентичности - нравственный долг ученого. Миллионы безвестных творцов истории имеют не меньшее право на память, чем великие люди.

Именно безвестным, рядовым труженикам мастерских, мануфактур и фабрик Франции XVIII - первой половины XIX в. и посвящено наше конкретно-историческое исследование. Мы попытались осмыслить эволюцию сознания рабочих Франции от эпохи «старого порядка» до революции 1848 г., в которой впервые французский пролетариат выступил в качестве самостоятельной политической силы. В первой и второй главах книги рассматривается социальный облик французских рабочих на исходе «старого порядка», участие работников в Великой буржуазной революции, изменение их мировоззрения в ее наиболее бурные годы. Рождение качественно новой структуры промышленного производства в ходе промышленного переворота привело к глубокому преобразованию рабочих как социальной группы - началось формирование Пролетариата. Экономическим, социально-психологическим и идеологическим аспектам этого процесса посвящены третья и четвертая главы.

Анализ сложных, разноплановых феноменов, составляющих в совокупности процесс становления нового общественного класса, требовал использования различных методов исторического познания. Но при этом все конкретные методики изучения социальной действительности Франции конца XVIII - первой половины XIX в. своей базой имели фундаментальную методологию, разработанную К.Марксом, Ф.Энгельсом, В.И.Лениным.

Велико значение теоретических разработок классиков научного коммунизма для понимания малоизученных процессов формирования классового сознания пролетариата в эпоху промышленного переворота. Марксистско-ленинская концепция формирования классового сознания включает в себя как теоретическое осмысление стихийных моментов в эволюции массового сознания рабочих, так и ясное понимание необходимости идеологической деятельности передовой интеллигенции, осуществляющей социалистическое воспитание пролетариата. Само же классовое сознание

В.И.Ленин определил как «понимание рабочими того, что единственное средство улучшить свое положение и добиться своего освобождения заключается в борьбе с классом капиталистов и фабрикантов, которые созданы крупными фабриками и заводами. Далее, самопознание рабочих означает понимание того, что интересы всех рабочих данной страны одинаковы, солидарны, что они все составляют один класс, отдельный от всех остальных классов общества. Наконец, классовое самосознание рабочих означает понимание рабочими того, что для достижения своих целей рабочим необходимо добиваться влияния на государственные дела, как добились... этого землевладельцы и капиталисты».⁶

При исследовании внутренней структуры классового сознания и определении степени его сформированности важное методологическое значение имеют работы советских обществоведов Г.Г.Дилигенского, А.А.Галкина, Б.Ф.Поршнева.⁷ В значительной степени наш анализ социальной структуры пролетариата и динамики: его исторического развития базируется на теоретических разработках, осуществленных авторами 1-го тома обобщающего труда «Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории» (М., 1976). Решение целого ряда конкретно-исторических проблем истории французских рабочих XVIII - первой половины XIX в. было бы невозможным также без того вклада в изучение истории Франции, который внесла советская историческая школа в лице Е.В.Тарле, В.П.Волгина, Н.М.Лукина, Ф.В.Потемкина, А.З.Манфреда, Н.Е.Застенкера, В.М.Далина, А.Р.Иоаннисяна, А.В.Адо, В.Г.Ревуненкова, С.А.Лотте, на труды которых мы неизменно опирались.

Исследование базируется преимущественно на богатейших материалах по истории французского рабочего класса, хранящихся в библиотеке и Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Это - воспоминания современников, пресса различных политических направлений, полицейские материалы, песни рабочих шансонье, статистика, технологические трактаты, художественная литература, различного рода словари и энциклопедии. Особенности духовной жизни рабочих на исходе «старого порядка» и в годы революции исследовались по наказам ремесленных корпораций Генеральным Штатам 1789 г. от городов Марсея, Гавра, Руана, Труа, Алансона и по газетам «Babillard», «Gazette de France», «Revolutions de Paris» и по свидетельствам современников. Реконструкция массового сознания рабочих XIX в. осуществлена преимущественно на основе изучения более чем 200 писем рабочих в демократические газеты «Bon Sens», «Atelier», «Reformer, а также памфлетов рабочих-активистов и воспоминаний. Впервые привлечены хранящиеся в ЦПА ИМЛ уникальные рукописные документы из фондов Б.П.Анфантена, Э.Кабе, П.Венсара, Л.Блана, материалы по истории Франции XIX в. из отдела письменных источников Государственного исторического музея.

I. РАБОЧИЕ ФРАНЦИИ В ЭПОХУ КОРПОРАЦИЙ и МАНУФАКТУР

1. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ «СТАРОГО ПОРЯДКА»

Рассматривая экономическую доктрину физиократов, К.Маркс отмечал двойственность их воззрений. С одной стороны, физиократы первыми дали анализ современного им общественного производства как производства субстанционально капиталистического, с другой стороны, сама структура производства ими виделась еще на феодальный лад: промышленность объявлялась непроизводительной сферой, совокупное национальное богатство, по их словам, создавалось исключительно в земледелии.¹ Противоречивость физиократической теории отражала реальное противоречие французской действительности XVIII в. буржуазные отношения имели под собой экономическое обоснование максимальной эффективности, правовое же оформление их безнадежно отставало. Регламентация феодального типа продолжала довлеть над многими сферами промышленной, финансовой и коммерческой деятельности. К тому же, используя отжившие формы организации промышленности, государство изымало немалые средства в пользу паразитических социальных групп. С каждым годом делаясь все менее «разумными», феодальные пережитки не становились от этого менее действительными. В сложной (взаимосвязи с укладами формационного характера) находился мелкотоварный уклад. Являясь по самой своей сути вечно зависимым способом производства, он одновременно питал и развивающийся капитализм, и стагнирующий, но упорно сопротивляющийся феодализм. «Зависимость» мелкотоварного уклада отнюдь не свидетельствовала о его незначительности. Море мелких производителей в сельском хозяйстве и промышленности во многом определяло экономический, а соответственно социальный, психологический и политический облик Франции XVIII в.

Свободный капитализм рождался из соединения подсобных крестьянских промыслов с торговым капиталом. Первоначально он развивался в виде подпольной, придонной (*economia sommersa*, как говорят в Италии) экономики.

Давно избавленные от мелочного надзора сеньора, вдали от придирчивого ока ремесленных корпораций, сельские хозяева, одни, бедствуя и стремясь получить дополнительный источник существования, другие, набирая силу и мечтая о небольшой сумме для покупки земли, почти по всей Франции занимались подсобными промыслами.

Сельский труд с промышленным совмещали крестьяне Литтри, Рансье, д'Аллевары, Сен-Мари-о-Мин. Бумажники Амбера, литейщики Шампенуа, Аннюе, Берри продолжали возделывать землю. В местности вблизи Больбека, отмечали современники, на каждой ферме имелся ткацкий станок; вокруг Ренна многие крестьяне занимались обработкой выращенной ими конопли.² В Севеннах, к северу от Але, местные крестьяне добывали уголь, прорывая так называемые «trous de renard» («лисий норы»). Попытка королевской администрации рационализировать разработки и привлечь специалистов закончилась неудачей. Нормандцу Тюбефу, получившему концессию, так и не удалось ею воспользоваться вследствие ожесточенного противодействия севенских крестьян.³

В самых глухих районах крестьянские промыслы не носили товарного характера, были пережитком натурального хозяйства и не имели никакого отношения ни к промышленности, ни к капитализму. Они скорее тормозили капиталистическое развитие, сужая внутренний рынок. Но таких затерянных углов во Франции было немного. Поселяне редко ограничивались тем, что пряли и ткали только для себя и своих ближних. Гораздо чаще они реализовывали излишки своей зимней промышленной деятельности на рынке или уступали по сходной цене свою продукцию ловкому торговцу-скупщику,

периодически их навещавшему. В Руане существовал специальный так называемый «внешний рынок», где, несмотря на постоянные протесты корпораций, имели право продавать свои изделия сельские ткачи. Обороты «внешнего рынка» были значительно больше оборотов «бюро ткачей», места совершения торговых сделок корпорированных ремесленников - текстильщиков города. Правда, в столь развитой провинции, как Нормандия, сбытом «сельской» промышленной продукции занимались в основном не сами производители, а скупщики-предприниматели из числа горожан и сельских жителей. Среди товаропроизводителей шла дифференциация: некоторые собственники-землепашцы и зажиточные арендаторы раздавали беднякам заказы на изготовление промышленной продукции и даже предоставляли станки.⁴ Крестьянские промыслы втягивались в сферу капиталистического производства как через систему простой кооперации, так и через более сложную форму организации труда - рассеянную мануфактуру.

Мануфактурные формы во французской деревне того времени были чрезвычайно широко распространены вблизи крупных городов. Формировались целые промышленные зоны: шелковое дело развивалось в районе Лиона, Сент-Этьена, Сен-Шамона, ножевой промысел - в окрестностях Тьера, производство парусины - в Анжере и его округе, льнопрядение в районе Аббевиля и т.д.⁵ Рассеянная мануфактура способствовала накоплению денежной наличности у предприимчивых дельцов, борцов за личное преуспеяние и торжество принципов капитализма, готовила кадры работников, психологически подготовленных к нудному станочному труду, способствовала распространению элементарных технических навыков. Наконец, сам тип предпринимателя складывался в значительной степени именно в сфере превращения традиционных крестьянских промыслов в звенья капиталистической производственной системы. Мануфактурист - это или прошедший школу гешефтмахерства крестьянин (из крестьянской среды постоянно выбивались наиболее активные, предприимчивые и чаще всего наименее обремененные нравственными табу индивиды), или городской торговец, подчинивший своему расчету, натиску, наглости массу крестьян-промысловиков

Капитализм явился не только свободнорожденным чадом аферы и крестьянского трудолюбия. Абсолютистское государство, исходя из своих целей военно-политической стратегии, колониальной экспансии, экономической борьбы с другими странами и не в последнюю очередь просто из соображений национального престижа, поощряло развитие промышленности еще во времена Кольбера были созданы при прямом содействии государства крупные централизованные мануфактуры в кораблестроении, производстве оружия, сукноделии.

Значительная часть централизованных мануфактур в XVIII в «существовала как бы вне рынка. Приходя из года в год к отрицательному сальдо своего баланса, подобные предприятия были обречены на банкротство, но субсидиями, дотациями, премиями за нововведения государство неизменно спасало их от финансового краха.⁶ С точки зрения формально мыслящего экономиста, сторонники «laissez faire, laissez passer», эти искусственные образования не сыграли никакой роли в развитии французского капитализма. Поглощая капиталы, аккумулированные через систему фиска, «отвлекая» квалифицированных работников, мануфактуры, казалось бы, лишь обескровливали свободное производство. Но становление капитализма отнюдь не являлось сугубо органическим, самопроизвольным процессом. В некоторых сферах промышленного производства частная инициатива без государственной поддержки оказывалась бессильной; подчас обнаруживалась и определенная экономическая рутинность частных предпринимателей, казалось бы, бесстрашных новаторов по определению. Существовал предел риска, за который решалось переступать только государство. «Так, начавшееся

в конце XVIII в. серьезное техническое перевооружение французской промышленности (первые шаги промышленного переворота) субсидировалось в значительной степени королевской администрацией и местными властями.

Крупнейший советский исследователь проблем промышленной революции во Франции Ф.В.Потемкин, отнюдь не склонный преувеличивать экономическую активность абсолютистского государства, очень часто упоминает факты финансовой помощи администрации предпринимателям, пытавшимся перенести английские технические достижения на французскую почву. Опираясь на содействие правительства и прямую поддержку инспектора мануфактур Ролана амьенский коммерсант Мартен. В мае 1784 г. вместе со своим компаньоном Флесселем он получил денежную правительственную помощь и привилегию на устройство мануфактуры муслинов и других хлопчатобумажных тканей. Ему была дарована 12-летняя монополия на применение машин, действовавших по принципу системы Аркрайта. В октябре 1784 г. в Лувье конституировалась фирма, получившая королевскую привилегию на устройство прядильного предприятия. Оно благополучно пережило все перипетии революции и в 1810 г. в целости и сохранности перешло в руки промышленника-миллионера Фонтенэ, имевшего четыре предприятия с 600 работниками.⁷

В газетах того времени часто появлялись объявления о всевозможных технических и агрономических конкурсах. Призы выдавались различными академиями, литературными и агрономическими обществами, средства же чаще всего поступали из казны. «Gazette de France» в феврале 1786 г., например, сообщала, что «литературное общество Гренобля, желая как можно лучшим способом оправдать цель своего создания, решило первыми же трудами способствовать прогрессу сельского хозяйства и промышленности, используя две денежные премии, учрежденные интендантом провинции г-ном Де ля Бовом».⁸ Известны настойчивые усилия ряда высокопоставленных чиновников привлечь во Францию английских специалистов.⁹ Несмотря на то что английское правительство чинило всяческие препятствия вывозу из страны новейших машин и эмиграции специалистов, Франции путем промышленного шпионажа и переманивания мастеров, предпринимателей и простых рабочих удалось значительно ускорить процесс обновления своей индустрии. С благословения французского правительства десятки и сотни английских специалистов не только поступали на службу к французским предпринимателям, но и обзаводились собственным делом и становились крупными промышленниками. Уроженец Стретфорда (близ Манчестера) Джон Холкер основал во Франции несколько хлопчатобумажных текстильных и прядильных мануфактур, на которых под руководством английских «инструкторов» проходили курс технического обучения французские работники. В 1755 г. Холкер получил от короля Людовика XV звание «генерального инспектора мануфактур, действующих на иностранный лад, и всех рабочих-иностранцев».¹⁰

Пользовался правительственной поддержкой и другой английский предприниматель, Вилькинсон. Англичане Дэвич, Горранс, Моррисон и Роберт, основавшие в Бурже мануфактуру по производству английских материй, получали специальную премию за каждого иноземного рабочего, которого им удастся заманить во Францию.¹¹ Большинство существовавших во Франции XVIII в. крупных мануфактур в той или иной степени поддерживались государством.

С точки зрения юридического статуса в конце XVIII в. существовало три вида централизованных мануфактур: государственные (*manufactures d'Etat*); королевские по названию (*manufactures royales*)¹², но частные фактически; частные, не имевшие определенного официального статуса и функционировавшие на основании простого разрешения полиции. К государственным мануфактурам относились знаменитые парижские

предприятия Гобеленов, Савоннри, зеркальная мануфактура, Севрская фарфоровая мануфактура. Их непосредственным собственником считался король Франции, все они находились под прямым контролем дворцового ведомства (*batiments du Roi*). Рабочие государственных мануфактур находились в привилегированном положении: частично или полностью они освобождались от налогообложения, получали даровую казенную квартиру, если же у администрации не хватало помещений, им выдавались особые квартирные деньги.¹³ На этих предприятиях существовал особый порядок получения звания мастера. Согласно действовавшим и в конце XVIII в. постановлениям 1608 и 1667 гг. после шести лет ученичества и четырех лет работы в качестве подмастерья каждый работник становился мастером, не уплачивая специального взноса и не подвергаясь экзамену. Тот, кто приходил на мануфактуру, уже имея квалификацию, получал звание мастера после шести лет работы по рекомендации субинтенданта - члена администрации мануфактуры. Рабочие государственных мануфактур были неподсудны административным лицам ремесленных цехов, в XVIII в. часто именовавшихся корпорациями.¹⁴

На мануфактуре по производству зеркал (Париж, улица Нейи) было занято в 1783 г. порядка 500 рабочих, на Савоннри и мануфактуре Гобеленов - приблизительно по 200 рабочих.¹⁵ В большинстве своем работники Савоннри, Гобеленов, Севра отличались высокой квалификацией.

Даже в смутное время предреволюционных весенних месяцев 1789 г. администрация считала рабочих государственных мануфактур людьми, не предрасположенными к беспорядкам. Когда после разгрома дома фабриканта Ревельона в апреле 1789 г. [См. статью С.Лотте «Дело Ревельона» http://vive-liberta.narod.ru/journal/lotte_rev.pdf] охваченный беспокойством директор Гобеленов обратился к властям с просьбой выделить охрану и глухо намекнул на жалобы собственных рабочих, маркиз д'Агу, майор полка французских гвардейцев, ответил, что беспокоиться нечего. «По правде, я не боюсь, - писал Агу, - что эти рабочие поддадутся подобным внушениям (к бунту. - *Е.К.*), так как большинство их - люди устроившиеся, имеющие жен и детей, имеющие маленькие милости короля, связанные с давностью службы». Маркиз уверял, что нужно применить меры только относительно возможного нападения посторонних на мануфактуру.¹⁶

Обособленность «королевских» рабочих прекратилась только с концом «старого режима». «Маленькие милости» короля не смогли воспрепятствовать вовлечению этих работников в революционные события.

Королевские мануфактуры, владельцами которых являлись частные лица, создавались с разрешения правительства и находились под его покровительством. Формально это были независимые от государства предприятия, но они часто получали субсидии, беспроцентные займы, различного рода поощрительные премии. Постановлениями Государственного совета королевства и жалованными грамотами (*lettres patentee*) им предоставлялись монопольные права на производство той или иной продукции в определенном регионе. Так, некоему Саншу в 1784 г. было даровано право открыть в Амбуазе мануфактуру по производству из высококачественной стали напильников, кос, рессор. Продукция освобождалась от всех таможенных сборов при транспортировке по территории Франции. Санш за его вклад в развитие металлургии был избран членом Французской академии.¹⁷

Частные централизованные мануфактуры, не имевшие звания королевских, вместе с рассеянными мануфактурами наиболее адекватно представляли капиталистический уклад в экономике Франции XVIII в. Этим независимым предприятиям постоянно приходилось защищаться от попыток реквизиции товаров, от судебных исков, прямых вторжений в производственные помещения, без конца учинявшихся корпорациями, которые всеми силами боролись со своим смертельным врагом. Упомянутый выше Ревельон был типичным предпринимателем новой формации. Начав с

простого рабочего, он постепенно сумел сколотить небольшой капитал, завел собственную мастерскую для выделки высших сортов бумаги. Первоначально Ревельон нанимал 10-12 человек. Он постоянно стремился расширить свое дело, но ему без конца приходилось преодолевать сопротивление цехов. В опубликованной в 1789 г. брошюре Ревельон писал: «Многие корпорации выступали с претензиями, что я нарушаю их права. То и дело меня обвиняли, что та или иная часть моего производства является узурпацией. Ничтожнейшее орудие труда из тех, что я использовал или даже сам выдумывал, мне якобы не принадлежало, а было орудием корпорации. Малейшую техническую идею, которую я пытался применить на практике, представляли уворованной у печатников, граверов, ковровщиков или кого-нибудь еще...»¹⁸ И все же в этой борьбе Ревельон неизменно выходил победителем. За сравнительно короткий срок его заведение значительно увеличилось: к 1789 г. на нем использовалось более 300 рабочих. Мануфактура получила звание королевской.¹⁹

Следует отметить, что «независимые» мануфактуры отнюдь не игнорировали государство. Как, впрочем, и оно их. Статус королевской мануфактуры обеспечивал большую стабильность, поэтому «независимые» стремились добиться этого звания. Лионский купец-мануфактурист Ф.Перре, занятый производством шелковой материи, в 1780 г. решил наладить изготовление оригинальных, им самим разработанных сортов ткани из смеси хлопка с шелком. Получив разрешение на устройство прядильни и ткацкой мануфактуры, он набрал самых безропотных работников: детей, стариков, бедняков, закупил машины типа мюль-дженни. В 1782 г. его заведение (уже во многом по своим характеристикам приближавшееся к фабрике) получило титул королевской мануфактуры.²⁰ Предприниматели обращались к государству не только с просьбами разрешить промышленную деятельность или оказать финансовую помощь, но и оградить от конкуренции со стороны их же «собратьев». В 1759 г. Коттен, один из совладельцев ситцепечатного заведения, подал жалобу в полицейские органы на конкурентов, которые переманили у него специально выписанных из Нефшателя рабочих.²¹

Рабочий люд королевских и «независимых» мануфактур представлял собой очень пеструю социальную группу. Говорить о каком-либо социально-психологическом, духовном единстве этой группы не приходится. На мануфактурных предприятиях были как работники, имевшие уникальную квалификацию, так и «bras nus» - люди без определенной профессии, перебивавшиеся случайными заработками, которых в официальных документах того времени называли даже не рабочими (ouvriers), а поденщиками (journaliers, manouvriers). Некоторые из мануфактур привлекали значительный контингент неквалифицированной рабочей силы. Сохранились данные об огромном ситцепечатном предприятии в Лионе. Под началом его владельцев Пико и Фази находилось около 900 рабочих (видимо, все-таки не все они были заняты непосредственно на самой мануфактуре). Большинство рабочих Дико и Фази в документах эпохи квалифицировались как «journaliers».²² В то же время некоторые из числа квалифицированных работников мануфактур даже являлись членами корпораций. Так, работавшие на государственных верфях в Гавре плотники, конопатчики, разломщики старых судов, специалисты по установке мачт были объединены в единый цех, так же как и мастера пошиву парусов. Корабельщики Гавра воспротивились уничтожению их корпорации в 1791 г. Реорганизовавшись, они создали общество взаимопомощи, которое во многом выполняло функция прежней корпорации.²³

Поддерживая одной рукой технологический и экономический прогресс, другой рукой государство оберегало совершенно рутинные и архаические формы регуляции промышленности. Вплоть до 1776 г. государство неуклонно поощряло дальнейшее распространение системы корпораций.²⁴ Так, в августе 1767 г. королевским Становлением предписывалось всем торговцам и ремесленникам, Занявшим свободный статус, объединиться в корпорации.

Следуя верховному предписанию, в Париже в цехи вынуждены были объединиться кондитеры, изготовлявшие шоколад, прачки, мастера изготовлению искусственных цветов, торговцы «новым деревом»²⁵ (так в XVIII в. называли свежесрубленную древесину в отличие от разного рода валежника).²⁶ Заинтересованность администрации в корпоративном устройстве объяснялась довольно просто: для получения звания мастера и тем самым вступления в цех и приобретения права заниматься ремеслом необходимо было купить метризу - особый диплом, удостоверявший принадлежность к той или иной корпорации. Плата за метризду поступала в государственную казну. Вот государство и распространяло их, несмотря на проявлявшееся временами пассивное противодействие «благодетельствуемых» ремесленников и торговцев. Стремясь увеличить финансовые поступления, администрация даже предоставила в 1767 г. право иностранцам вступать в парижские корпорации «искусств и ремесел». Цехи в лице своих уполномоченных - кюре и хранителей - особо противились распространению этого права на евреев. Но их антисемитизм, подогреваемый узкоцеховыми, экономическими интересами, был сломлен.

Не только экономическими причинами объяснялась поддержка абсолютистским государством режима корпораций. Цехи представляли собой эффективное средство контроля над одним из самых беспокойных элементов городского населения - над учениками и подмастерьями. Превознося полицейские достоинства корпораций, первый президент парижского парламента²⁷ решительно выступал против их ликвидации. Он говорил: «Эдикт, запрещающий цехи, приведет к тому, что буйная и беспутная молодежь, едва сдерживаемая общественной полицией, внутренней дисциплиной корпораций и отеческой властью мастеров над подмастерьями, окажется без руля и ветрил, предоставленной самой себе и способной к любым крайностям. И все это грядет, как только она увидит себя освобожденной от пристального надзора и посчитает себя независимой».²⁸

Тем не менее в 1776 г. попытка уничтожить цеховую систему была осуществлена. Вскоре после воцарения молодого короля Людовика XVI пост генерального контролера финансов, фактически высшую должность в бюрократическом аппарате абсолютистского государства, получил один из крупнейших французских экономистов того времени, физиократ А.-Р.-Ж.Тюрго. Ему удалось провести ряд буржуазных по своему духу и целям реформ: была введена свободная торговля зерном, уничтожены корпорации. Однако час фритреда еще не пробил. Решительная оппозиция парламентов, части придворной камарильи и самих цехов привела к отставке Тюрго и аннулированию его реформ. Восстановили и цеховую систему. Правда, за небольшим исключением корпорации воссоздавались не в прежнем виде. Значительная часть родственных профессий, ранее имевших автономию, теперь объединялись в одном цехе. Десятилетия и даже столетия велась борьба именно между наиболее близкими по выпускаемой продукции корпорациями, теперь же они оказывались под одной административной крышей. Тем самым внутрицеховой сплоченности наносился сильный удар. Сложившееся в сознании мастеров и рабочих представление об их профессиональной общности теперь во многих случаях решительно не совпадало с официально установленными границами их ремесла. Вслед за королевским указом августа 1776 г., восстанавливавшим корпорации в Париже, последовали аналогичные указы, касавшиеся провинции: в январе 1777 г. - Лиона, в апреле - городов Иль-де-Франса, в феврале - городов Нормандии, в мае 1779 г. - городов Руссильона и Лотарингии и т.д. В провинции исполнение эдиктов натолкнулось на сопротивление. В Руане трикотажники, швеи, пивовары, бельевщицы требовали сохранения корпораций в их прежнем виде, веревщики ни за что не хотели объединяться с заготовителями пакли.²⁹ Нередко объединение происходило сугубо формально, и внутри новых корпораций профессии сохраняли свою замкнутость. Так, сведенные в единый цех не в 1779 г., а еще Кольбером в 1681 г. корабельные плотники, конопатчики, разломщики старых судов сохраняли свои партикуляристские традиции и не допускали вполне официально дозволенного совмещения профессий до конца XVIII в.³⁰ Протесты против насильственного объединения продолжались вплоть до 1789 г.³¹

Эдикты конца 70-х годов XVIII в. серьезно повлияли на профессиональный облик корпораций, их межцеховое разделение, что же касается их внутренней социальной структуры, то она оставалась неизменной на протяжении всего последнего века «старого порядка». Единственными полноправными членами цехов являлись мастера - специалисты своего дела, долгое время ему обучавшиеся, и к тому же обладатели метризы. Цена метризы значительно колебалась в зависимости от престижности и традиций цеха, от экономического произвола королевской администрации (впрочем, законодательно оформленного). Существовали различия в стоимости метризы в различных городах Франции. В Париже, чтобы стать мастером плотницкого дела, требовалось уплатить 1800 ливров, каменщики платили 1700 ливров, каретники, мясники, седельники - 1500. В Руане вступление в корпорацию текстильщиков Согласно указу 1778 г. стоило 200 ливров.³² В государственную казну шли 3/4 этой суммы, на внутренние нужды цеха - 1/4 (из этой четверти 1/5 отпускаясь на содержание синдиков и других должностных лиц корпорации). Помимо 3/4 стоимости метризы королевские чиновники Шатле взимали дополнительную сумму регистрации мастера, принимаемого в цех.³³

Франции «старого режима» корпоративная система охватывала сферу торговли (за частичным исключением крупной оптовой дай), ремесла и часть «свободных», по современным понятиям, концессий. Существовала негласная иерархия корпораций, строившаяся в зависимости от их экономического веса и степени влиятельности в глазах парижской или местной администрации, когда власти находили нужным узаконить эту иерархию. Так, муниципалитет Дижона в 1727 г. распределил все корпорированные профессии на четыре класса. К первому относились типографы, книгопродавцы, хирурги, аптекари, галантерейщики, ювелиры, торговцы-суконщики, пуговичники; ко второму - профессии пищевого производства (мясники, булочники, кондитеры и т.п.), а также седельщики, кожевники, сапожники, ковровщики; к третьему - ремесленники по металлу и занятые изготовлением мебели; четвертому - строители, ткачи, холодные сапожники.³⁴ В Париже в 1779 г. была введена гораздо более сложная 24-ступенная иерархия: к первой ступени относились члены корпораций, уплачивавшие 300 ливров и выше прямых налогов в год, к послед-й - платившие 30 су.³⁵ Тем не менее определенная общность, Данная с сознанием принадлежности к одному миру искусств и ремесел» («des arts et metiers»), имелась и у крупного негоцианта и у бедного холодного сапожника. Более того, и тот и другой в систему пусть и эфемерных (для бедняка) привилегий были укоренены в почве французского королевства. Весь «старый порядок» можно представить как сложное сочетание сообществ, обреченных различными правами и привилегиями Существование вне корпораций или каких-либо иных узаконенных объединений представлялось дискомфортным даже самым могущественным и состоятельным людям.

Корпорации являлись формой организации гражданского общества, но формой омертвевшей, иссушенной государством, совершенно несоответствовавшей духовным возможностям, экономическим приоритетам, социально-психологическим и политическим устремлениям далеко ушедшего вперед французского общества XVIII в. Бесперспективность, экономическое и политическое бессилие корпораций осознавались ориентированными на просвещенческое видение мира интеллигентами³⁶, подавляющему же большинству самих членов всех этих бесчисленных цехов они представлялись значимыми и необходимыми.

Ученики и подмастерья формально находились вне корпораций. Пребывание в качестве ученика, а затем подмастерья служило согласно традиции и закону обязательными ступенями к приобретению профессионального знания и умения, к становлению мастера своего дела, а затем к покупке метризы и тем самым легитимизации мастера в качестве члена цеха. Хотя в XVIII в. вступление в корпорацию было чрезвычайно сложным предприятием, и множеству подмастерьев на протяжении всей их жизни и не

удавалось стать мастером, тем не менее идея приобщения к привилегированному корпусу продолжала тревожить умы многих работников. Помимо того сам принцип корпоративизма глубоко пронизывал общественные представления учеников и подмастерьев. Создавая свои собственные организации, они осознанно или неосознанно во многом копировали внутреннее устройство корпораций.

В XVIII в., говоря о рабочем человеке, чаще всего подразумевали мастерского из мира «искусств и ремесел».³⁷ И все же (это особенно выявится в годы революции) к рабочим относился также бедный трудовой люд крупных городов, без которого сама жизнь в городах была бы невозможной. Водоносы, крючники, посыльные, мусорщики, ветошники, фонарщики, десятки других профессий, названия которых давно исчезли из современного французского и русского языка, - составляли разноликую массу, которую, пожалуй, можно объединить под общим именем работников городского хозяйства. В официальных документах, например при заключении брачных договоров, этих работников, как и неквалифицированных рабочих мануфактур, часто обозначали просто словом «поденщик» («journalier», «manouvrier»). Мир, существовавший вне корпораций, обделенный метризами, отнюдь не был обделен вниманием полиции. Именно чины этого учреждения выдавали разрешение на формирование какой-либо простейшей ассоциации фонарщиков или водоносов.³⁸ Они предписывали регламент труда и правила обслуживания клиентов. Так, постановление от 9 апреля 1746 г. указывало, что грузчики-посыльные (gagne-deniers, дословно «зарабатывающие гроши») должны быть зарегистрированы в полицейских участках и носить особую бляху с надписью «грузчик» и номером. В случае, если gagne-denier грубил продавцу или покупателю, вмешивался в сделки, вступал в спор товарищами по ремеслу, бляха отбиралась, грузчик лишался права заниматься своим делом, на основании жалобы клиента его могли даже отправить в тюрьму.³⁹

Бесправные, не защищенные от жестокостей большого города ни общепризнанной организацией, ни силой денег, эти слои трудового населения находили средство самозащиты в своеобразной сплоченности. Каждая из квазипрофессиональных групп работников городского хозяйства отличалась внутренней гомогенностью. Существовало неписаное распределение сфер деятельности между различными провинциалами, прибывавшими в Париж на заработки. Американский историк Дж. Кэплоу, специально изучавший данный феномен, писал: «Все время пребывания в Париже они (отходники. - Е.К.) составляли особые группы, выделявшиеся произношением, обычаями, иногда даже манерой одеваться; безусловно, родом деятельности: овернец - почти всегда водонос, лимузенец - каменщик, уроженец Лионе - крючник или подносчик стула, нормандец - камнетес, мостильщик улиц или продавец ниток».⁴⁰ В большинстве своем уроженцы сельской местности, они с трудом адаптировались к городским условиям. Городе третировали их как чужаков, деревенщину, они отвечали коренным жителям города настороженной недоверчивостью. Даже в официальном рапорте полицейского чиновника сквозит нескрываемое презрение к этому люду. В нем сообщается о грузчиках-подельных, протестовавших против лишения их единственного средства существования: «Собралось человек 200, вооруженных поленьями... Внешний вид и манера поведения - темных крестьян. Резвились будто на базаре у себя в деревне».⁴¹ Потребуется четыре революции, восстания и тысячи стачек, чтобы приучить полицейских держиморд уважать рабочего человека.

Разрозненная, рассеянная, регулируемая бесчисленными, нередко противоречивыми установлениями промышленность «старого порядка» имела и соответствующий контингент рабочих. Отделение производителя от средств производства, хотя и осуществилось как политэкономический факт (подмастерья и рабочие централизованных мануфактур в большинстве своем в этом плане являлись пролетариями), с точки зрения исторической социологии не представляло собой статистически массовое явление. Огромное число независимых ремесленников, не использовавших наемный труд, и работников рассеянных мануфактур оставались владельцами элементарных средств производства и даже участков земли.

Даже столь важный отличительный признак статуса пролетария, как наемный характер труда, в XVIII в. еще полностью не сложился, Рабочие централизованных частновладельческих и государственных мануфактур получали заработную плату, т.е. с формальной точки зрения их экономические отношения с нанимателем имели вид, соответствующий нормам буржуазного общества, но денежная плата у многих дополнялась вознаграждением натурой. Экономика еще далеко не полностью преодолела свой потребительский характер, свойственный докапиталистическим формациям. Плата за труд рабочих конституировалась еще во многом на основе не меновой, а как бы «квазименовой» стоимости произведенной вещи или услуги. Препятствовала установлению истинно капиталистических производственных отношений и не преодоленная еще раздробленность экономической жизни страны.

Меновая стоимость приобретает всеобщность и тем самым становится аутентичной самой себе лишь в условиях развитого национального рынка. Во Франции же национальный рынок как единое экономическое целое сложился только в XIX в.⁴² Что же касается подмастерьев и учеников ремесленных производств, то в их оплате патриархально-натуральное возмещение за труд играло еще большую роль, чем у мануфактурных рабочих. Ученики и значительная часть подмастерьев продолжали жить и столоваться у своих хозяев. Ремесленные же мастера, считавшиеся рабочими, но являвшиеся хозяевами определенных средств труда, производили как бы саморасчет. Они вычитали из общей суммы денег, вырученных за произведенную ими и реализованную на рынке продукцию, приблизительную стоимость своей рабочей силы.

Экономическая неопределенность рабочих как особой социальной группы в эпоху «старого режима», естественно, дополнялась и социологической аморфностью. Даже с очень приблизительной точностью сложно определить численность этой группы. Высшие сановники королевской администрации хорошо понимали значение точной и исчерпывающей статистики, но не в силах было организовать широкое демографическое обследование.⁴³ Приходилось довольствоваться подсчетами, основанными на различных косвенных данных. Министр торговли Людовика XVI Толозан, исходя из суммарных данных о приращенной стоимости во французской промышленности конца XVIII в., считал, что в стране было 1218773 рабочих, а включая членов их семей - 3642440⁴⁴, что, по мнению одного из лучших знатоков промышленной истории Франции того периода, современного французского исследователя П.Леона, являлось преувеличением. Сам П. Леон оценивает численность рабочего люда Франции перед революцией в 400-500 тыс., а считая женщин и детей - в 1200-1500 тыс. человек.⁴⁵

И все же унифицирующая роль индустрии, находившейся на пороге промышленной революции, начала сказываться уже в XVIII в. Мощный капиталистический уклад в недрах «старого режима» служил важнейшей предпосылкой стремительного развития французского пролетариата в XIX в.

Обратимся теперь к иному полюсу общественной жизни Франции XVIII в.: попытаемся обнаружить, как процессы, осуществлявшиеся в экономике, находили свое отражение в сфере языка и массового сознания

2. «OUVRIERS» в ПРЕДСТАВЛЕНИИ ФРАНЦУЗОВ XVIII в.

Процесс классообразования шел, преодолевая юридические барьеры, предрассудки традиционалистского сознания, профессиональную и земляческую замкнутость. Вопреки тому что подмастерья, ученики, бедные мастера, работники централизованных мануфактур каждый в отдельности были включены в особую социальную Группу, во французском обществе XVIII в. постепенно складывалось представление о типологически едином социальном облике всех этих тружеников.

Возникновение новой социальной группы можно проследить с точки зрения ее внутреннего конституирования или ее внешнего оформления. Изучение внутренних процессов духовного формирования класса возможно только при наличии значительного корпуса источников, характеризующих сознание индивидуумов, членов данной социальной макрогруппы. В нашем распоряжении подобного рода собрание источников имеется только для 1830--1848 гг. Обращаясь к этому более позднему периоду формирования французского пролетариата, мы дадим и некоторую ретроспекцию. Более ранние этапы можно характеризовать преимущественно с точки зрения внешнего оформления, т.е. образования нового подразделения в совокупной общественной структуре и соответственно Покалывания представления об этой группе в общественном сознании. Данное представление фиксируется во второй сигнальной теме. Происходит его постепенная легитимация в языке: или дается неологизм, или старое слово приобретает новый смысловой центр, значимость которого увеличивается в рамках прежней полисемии⁴⁶ более или менее синхронно со скоростью формирования социальной группы.

Как и большинство других слов, обозначающих социальный феномен, слово «ouvrier» отличалось широкой полисемией. В XVII-XVIII вв. оно имело следующий ряд значений: рабочий - труженик - ремесленник - мастер - мастеровой - делатель - создатель. В реальной речи слово почти никогда не аккумулирует все свои значения. Функциональную нагрузку чаще всего несет какое-либо одно из них. Полисемичность слова проявляется гораздо сильнее в письменных текстах, обычно отличающихся большей абстрактностью. На основании известных нам текстов XVII-XVIII вв. и различных словарей можно выделить три уровня полисемичности слова «ouvrier». Первый, по-видимому, наиболее архаичный уровень⁴⁷ восходит переводам Библии на французский язык и во многом смыкается кругом фигуральных значений, которые мы не рассматриваем, так как они не имеют отношения к процессу становления понятия (и самоназвания), обозначающего интересующую нас социальную группу.

«Жатва обильна, но работников мало». - «La moisson est grande, mais il y a peu d'ouvriers». Семантика слова «ouvrier» в этом французском переводе библейского изречения покрывает почти весь полисемический ряд. Ведь изречение можно трактовать и в переносном смысле, и поэтому в этот ряд могут быть включены понятия, связанные с обозначением труда в ремесле и в промышленности (рабочий - ремесленник - мастер - мастеровой). К «библейской» полисемии тяготеет словоупотребление в маленьком стихотворении, помещенном в наказе одного сельского прихода 1789.

Усердного работника (ouvrier), который обрабатывает землю,

Гражданин, уважай труды и заботы

Сам Бог создал столь нужное искусство и передал в трудолюбивые руки,

Что по сей день обрабатывают наши пашни.⁴⁸

Здесь слово «ouvrier» не является обыденным, общепринятым самоназванием крестьян, а высокого стиля определением, основанным явно на библейской образности. Ведь в XVII-XVIII вв. сельская книжность в основном базировалась на Библии и различного рода канонической литературе. Самой доступной, самой распространенной книгой была Библия. Человек из народа, особенно крестьянин, задумывающийся о смысле своего существования, о больших общественных проблемах, неизбежно обращался к священному писанию.

В наиболее широком (т.е. совпадающем с первым уровнем полисемии) значении слово «ouvrier» на протяжении XVIII в. имело хождение в среде самых различных общественных групп. Так, в сентябре 1740 г. советник парижского парламента и министр иностранных дел Людовика XV, маркиз д'Аржансон писал в дневнике: «...король, отправляясь в Шуази, чтобы навестить кардинала, должен был проехать через предместье Сен-Виктор. Об этом стало известно. Собрался народ, но вместо обычных возгласов «Да здравствует король!» - раздались крики: «Мы голодаем! Мы нищенствуем! Хлеба!» Глубоко опечаленный открывшейся ему картиной нищеты, король решил отказаться от всех экстраординарных расходов и, приехав в Шуази, уволил рабочих (ouvriers), обрабатывавших его сады».⁴⁹ Хотя описанный д'Аржансоном эпизод представляет большой интерес для понимания очень своеобразной «доброты королевского сердца», лишавшего хлеба одних, чтобы дать подаяние другим, обратим внимание лишь на словоупотребление «ouvrier». В данном случае этим словом обозначены крестьяне, временно занятые на обработке королевских садов.

Значение «ouvrier» как «человек, занятый ручным трудом, совершающий тяжелую работу»⁵⁰, зафиксировано в 5-м издании словаря Французской академии, подготовленном в 80-е годы XVIII в. (до революции), но опубликованном только в 1798 г. Итак, не только в нормативном языке, но и в индивидуальной речи (дневник д'Аржансона очень разговорен) слово «ouvrier» продолжало функционировать в своем максимально полисемическом обличье; и для «бессмертных» академиков, и для поэта-крестьянина, и для маркиза, министра иностранных дел оно еще не связано с обозначением какой-либо особой социальной группой трудового народа. Им обозначали вообще всех работников финского труда. И все же (несмотря на авторитет академического варя), это было уходящее словоупотребление.

Как прослеживается по источникам, в XVIII в. со всей определенностью уже была выделена более узкая полисемия слова «ouvrier». Пожалуй, наиболее четко ее определил составитель нового словаря Ришле. «Тот, кто занимается каким-либо честным ремеслом. Работник физического труда. Тот, кто зарабатывает жизнь в поте лица своего»⁵¹, - писал Ришле, характеризуя рабочего. Специфика полисемии второго уровня выражается в ограничении сферы деятельности «рабочего»: это исключительно труженик промышленного производства⁵² - ремесленных мастерских, мануфактур, рудников. Именно в этом значении слово «ouvrier» использовала «Gazette de France», сообщая, к примеру, о несчастном случае (на одной из улиц Ренна обрушился дом, попадало девять рабочих). Широко распространившиеся в XVIII в. газеты⁵³ вообще способствовали конкретизации языка, снятию полисемии.

Почти исключительно в значении «труженик физического труда, занятый в промышленности», использовали слово «ouvrier» сами непосредственно связанные с индустрией различного. В круге рассматриваемых представлений оно содержало две принципиальные характеристики индивидуума: его принадлежность к миру промышленности и указание на физический труд, который обеспечивает средства для существования. К рабочим относили и независимых хозяев-ремесленников, и наемных работников, подмастерьев. Анализируя элементы, составляющие национальный доход, выдающийся военный организатор, человек поразительной эрудиции во всех областях государственного управления, маршал Вобан ставил вопрос о доходах мастеровых людей: «Сколько получают рабочие (ouvriers) в те дни, когда у них есть работа, и каковы их производственные расходы в том случае, если они мастера, хозяева мастерских?»⁵⁴ Как следует из этой выдержки, Вобан «рабочими» называл и наемных работников, и полноправных мастеров. Идентичное употребление слова «ouvriers» встречается у знаменитого мемуариста Луи де Ровруа герцога де Сен-Симона. Описывая визит Петра I во Францию в 1717 г., Сен-Симон упоминает о посещениях русским царем мастерских лучших парижских ремесленников.⁵⁵ С высот придворного бытия

Сен-Симону, аристократу по рождению, убеждениям и стилю жизни, мастера и подмастерья виделись очень смутно, они так низко стояли в общественной иерархии, что различия между ними в его глазах совершенно стирались. Но подобное словоупотребление это характерно не только для высших слоев. Для обозначения корпорированных ремесленников (владельцев мастерских и надомников, работавших в специально отведенных и защищенных особыми привилегиями местах) в XVIII в. существовал термин «свободные рабочие» («ouvriers libres»).⁵⁶ Сами мастера-хозяева иногда называли себя рабочими. В наказе Генеральным Штатам 1789 г. от корпорации слесарей, жестянщиков, кузнецов, гвоздарей, шорников города Алансона говорится: «Бывшие мастера (имеются в виду ремесленники, не купившие метризу нового образца. - Е.К.) в полном согласии с владельцами новой метризы просят разрешить им пользоваться привилегией... набирать учеников⁵⁷; нынешнее положение тем более печально, что рабочий, или мастер (ouvrier ou artiste), давно имеющий собственное дело, успевший приобрести необходимые в ремесле опыт и знания, оказывается лишенным права набирать учеников в пользу новичка, который сам часто еще только что вышел из учеников».⁵⁸ Ремесленные хозяева из Алансона не преминули после слова «ouvrier» («рабочие») поставить слово «artiste» («мастер», «умелец»). Подобное двойное самоопределение было, видимо, вообще характерно для многих мелких собственников, занимавшихся физическим трудом и придававших большое значение тому факту, что они не просто работники, а и умельцы, знатоки своего дела. Особенно хорошо известна практика двойного самообозначения лионских шелкоткачей, владельцев мастерских, которые вошли в историю XVIII-XIX вв. как мастера-рабочие. Именно так они называли себя в послании к генеральному контролеру финансов Неккеру.⁵⁹

В первой половине XIX в. сохранялось употребление слова «ouvrier» по отношению ко всем работникам физического труда в промышленности: и мелким собственникам, и пролетариям. Правда, в разгар промышленного переворота это было или преднамеренно архаизированное употребление, или оно встречалось в тех случаях, когда речь шла о самых бедных ремесленниках, собственность которых была настолько эфемерной, что они с полным основанием зачислялись в состав пролетариата.

Но уже и в XVIII в. внутри полисемических кругов первого и второго уровня находился третий уровень, который представлял собой уже не полисемическое, а моносемическое явление, обозначал строго определенную социальную группу, различия внутри которой имели уже не родовой, а видовой характер.

Представление о рабочих как о лицах исключительно наемного труда складывалось в промышленной, ремесленной среде. Составители словарей были далеки от этого мира пота, грязи, мозолистых рук и простых нравов. И тем не менее «народное» понимание слова «ouvrier» нашло отражение в одном из словарей XVIII в. Наемный характер труда представлялся отличительным признаком рабочего составителю французско-голландского словаря П.Морену. В этом изданном в 1720 г. в Амстердаме словаре рабочий определялся как «человек, получающий установленную плату», и первым в качестве голландского эквивалента поставлено слово «workman»⁶⁰, наиболее точно и полно обозначавшее в Голландии XVIII-XIX вв. пролетарское состояние индивида.

Третий семантический уровень, или, в иной терминологической интерпретации, новый смысловой центр слова «ouvrier» начал выкристаллизовываться еще в XVII в.

Так, в дневнике одного из современников Людовика XIV, лильского рабочего-ткача Шаватта, отмечалось, что «рабочие-шерстоткачи в церкви Святого Мориса заказали мессу в честь святого Жана, затем там же мессу заказали мастера».⁶¹ Эта запись от 1665 г. свидетельствует, во-первых, что уже в XVII в. слово «ouvrier» в среде ремесленников обозначало (во всяком случае иногда) только подмастерьев, во-вторых, что хозяева и их работники подчас заказывали торжественную службу в день покровителя своего ремесла отдельно.

В документах конца XVIII в. - наказах ремесленных корпораций Генеральным Штатам обращает на себя внимание тот акт, что авторы *cahiers de doléances*, обладатели метризов и владельцы мастерских, обычно все же не называли себя рабочими. Это самоназвание было характерно или для подмастерьев и учеников, или для мастеров, занятых на предприятиях мануфактур-то типа (например, в кораблестроении) и являвшихся по сути темными работниками, хотя и имевших звание мастера.⁶² Но и в Многочисленных известных нам текстах, авторами или вдохновителями которых являлись рабочие, слово «ouvrier» в ряду самоопределений не особенно выделяется.⁶³

Наказы 1789 г. Генеральным Штатам обычно имели заголовок, в котором указывалось, кем составлен данный наказ: таким-то приходом, корпорацией или просто группой свободных обитателей такого-то города. В заголовках документов, принятых собраниями рабочих Труа, значилось, что они составлены подмастерьями (*compagnons*). Трикотажники и в тексте наказа не говорили о себе как о рабочих, подмастерья же других профессий называли себя рабочими несколько раз.⁶⁴

Марсельские рабочие-сапожники в заглавии своего послания навали себя «подручными» («*garçons*»), но уже в первом же предложении характеризовали свое собрание как собрание рабочих.⁶⁵ Представители рабочих-шляпников Марселя озаглавили свой наказ: «Перечень жалоб, которые депутаты всего сообщества подручных рабочих-шляпников обязаны внести на рассмотрение собрания депутатов третьего сословия города Марселя».⁶⁶ Слова «*garçons*» и «*ouvriers*» здесь как бы уточняют друг друга.

Данные указы рабочих Генеральным Штатам представляют особенно большой интерес вследствие того, что их происхождение не вызывает сомнения. Даже если допустить, что текст посланий был написан не рабочими, а каким-либо специально приглашенным грамотеем, то следует учесть, что, проходя утверждение сосанием рабочих, текст так или иначе редактировался, к тому же и приглашенный скорее всего был либо бедным клириком, либо мелким служащим, человеком близким к рабочей среде, знающим ее нужды, представления и язык.

Можно предположить, что уже в годы «старого режима» шло формирование определенного самосознания работников промышленности, которое выражалось, в частности, в употреблении слова «ouvriers» как самоназвания. Но это самоназвание еще отличалось очень большой расплывчатостью. Какой-либо связи, даже самой минимальной, между различными территориальными, профессиональными, диалектными группами рабочих не было. Даже простое узнавание и признание друг в друге находящегося в равном положении работника физического труда еще не стало обыденной, повседневной нормой общественных отношений. Ощущение определенной родственности экономического положения, интересов, страданий лишь иногда охватывало души рабочих различных мануфактур и ремесел. Это ощущение приходило чаще всего как озарение в дни восстаний и бунтов.⁶⁷ Акты массового насилия были единственной доступной для рабочего люда формой общественно-политической практики. Вследствие же невозможности непосредственно и систематически участвовать в политической жизни развитие самосознания у французских рабочих XVIII в. тормозилось. Тем не менее при кажущейся иммобильности в сознании работников происходили перемены, значимость которых станет ощутимой и очевидной в годы революции и последующую эпоху.

Становление третьего полисемического уровня происходило, вероятно, двойным путем. С одной стороны, дифференциация мастеров-хозяев и работников уже давно приняла характер постоянного конфликта, хотя и не достигшего стадии антагонизма. Рабочие в рамках конкретных корпораций и различных других производственных подразделений отделяли себя от

мастеров. У них возникала социолингвистическая потребность в особом названии. Но эти процессы, хотя и имели общенациональный характер, их участниками переживались и осознавались как сугубо локальные. С другой стороны, в обществе уже на макроуровне шло постепенное осмысление особенностей формировавшейся новой социальной структуры.⁶⁸ Интеллигенты и государственные деятели отмечали специфику положения наемных работников и также тем самым приходили к проблеме более четкого лингвистического определения вызывавшей их беспокойство социальной группы. Массовое лингвистическое творчество в тысячах микрообщностей подкреплялось преобразованием языка, осуществлявшимся образованными людьми. Зафиксированное в текстах, оно становилось достоянием французской культуры и обретало общенациональное значение.

3. РАБОЧИЙ ЛЮД: СДВИГИ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

Национальное единство Франции XVIII в. находило свою повседневную и всеобщую реализацию в институте королевской власти соответствующих обязанностях каждого жителя страны по отношению к ней, в территориальной целостности, противостоящей иным, чужим землям, в признании французского языка как государственного и Парижа как столицы. На этих четырех китах зиждилось национальное сознание французов независимо от места их нахождения и социального положения. Факт, что каждый житель страны является подданным французского короля, доводился и до самого бедного крестьянина из глухой альпийской деревни, и до ярыжки, перебивавшегося случайными заработками на причалах портов Бордо или Гавра. Но национальное самосознание не включало, а, скорее, наоборот, своим характером не гражданского, а подданнического самосознания предполагало в плане общественно-политической ориентации индивида из плебейской массы сохранение определенного партикуляризма.

Многоукладность экономики страны - переплетение буржуазных общественных отношений с формами мелкотоварного уклада установлениями, покоившимися еще на феодальном праве, - через сложную цепь опосредований проявлялась в двойственности родного сознания. Прочно усвоенные, давно интериоризированные национальные символы уживались с архаическими, партикуляристскими представлениями. Экономическая разобщенность страны, невозможность проникновения национальной культуры во все страты, этнографические и региональные группы 25-ти миллионного населения на уровне сознания проявлялись в живучести различных патуа, диалектов, а также просто иноязычия. Согласно, возможно, несколько преувеличенным данным обследования, проведенного во Франции в 1790-1793 гг., 11 млн. человек не говорили на французском языке и лишь 3 млн. французов изъяснялись на нем свободно и правильно.⁶⁹ Деревня говорила на локальных патуа, малопонятных для жителей различных провинций. В городах же при бесспорном преобладании французского языка картина была очень пестрой. Выделялись города Руссильона: даже в крупнейшем из них - Перпиньяне - продолжали говорить на каталонском. Вплоть до революции совершенно замкнутым миром оставалась страна басков.⁷⁰ В некоторых городах сохранялось двуязычие. Еще в начале XIX в. провансальский Цествовал не только как разговорный, но и литературный язык, на нем писали поэты из народа Жасмен и Пейротт.⁷¹ Впрочем, » городах, вполне впитавших в себя французскую культуру и язык, простой люд продолжал говорить на патуа или местных языках: провансальском, каталонском, бретонском.⁷² Ведь рабочее население постоянно пополнялось выходцами из деревни, которые нередко замыкались в среде земляков, в том числе и по причине своих лингвистических сложностей. Кроме того, имелись целые кварталы рабочих-иммигрантов, сохранявших свой язык и обычаи. В Марселе нередко итальянская речь заглушала французскую, а предместье Сент-Омера О-Пон представляло собой чисто фламандский анклав.⁷³ Немецкий язык оставался родным для многих ремесленников бывших городов Священной Римской империи.

В ремесленной среде из поколения в поколение воспроизводились одни и те же установки, жизненные принципы, моральные максимы. Последовательный и подробный рассказ о существовании работников цеха башмачников Марселя или славных бочаров Бордо подчас наводит на мысль, что история останавливалась не только у аборигенов Австралии, но и в непосредственной близости от сердца европейской цивилизации. Бытовой и в то же время экзистенциальный консерватизм рабочих людей не снизошел на них как прихоть или благодать, он был объективно обусловлен спецификой экономического уклада, законам которого подчинялось ремесленное производство эпохи «старого режима». Экономические отношения в мире «искусств и ремесел» во многом регулировались своеобразным представлением о собственности на определенное профессиональное знание и соответственно на тот или иной вид ремесла. Инструменты, материалы, помещения, т.е. все вещные компоненты производства, относились к личной собственности каждого мастера-ремесленника; само же умение, способность и возможность создавать вещь или услугу выступало в виде коллективной собственности корпорации. Стоимостные отношения в ту пору еще не обрели своего всеобщего и обязательного характера. Измерение ценности различных элементов производства шло по иным параметрам. По этой еще докапиталистической шкале ценностей наибольшей значимостью обладало профессиональное умение, набор навыков и практических знаний, а не находившиеся в личной собственности инструменты и материалы. Именно приобщенность к «высшей» собственности сплачивала более всего в тесное единое целое членов цеха.⁷⁴ Они постоянно оберегали свое достояние от посягательств посторонних. При этом в каждую свою петицию, каждый документ с протестом на узурпацию профессиональной деятельности члены корпораций обычно включали заявление о том, что непосвященные в тайны мастерства нарушители их прав будут выпускать скверную, низкого качества продукцию. Отзвуки борьбы исчезающих корпораций за уходящую из рук собственность слышатся и в наказах Генеральным Штатам 1789 г. Члены объединенного цеха слесарей, жестянщиков, кузнецов, гвоздарей, шорников города Алансона жаловались, что, приобретая королевские патенты, единые для нескольких специальностей, каретники получают формальное право с помощью кузнецов оковывать изготавливаемые ими экипажи, но каретники неизменно злоупотребляют предоставившейся возможностью и не только самостоятельно ведут металлороботы, связанные со своим каретным делом, но и подковывают лошадей, чем наносят ущерб широкой публике, так как не имеющий специальных познаний человек может искалечить лошадь.⁷⁵ Марсельские мастера-медники (котельщики) требовали запретить жестянщикам и свинцовых дел мастерам посягать на их профессию, мотивируя требование запрета тем, что примешивание к меди других металлов, практикуемое их соперниками, портит качество продукции и идет во вред заказчикам. «Лудильные работы, что производят жестянщики и свинцовых дел мастера, не делаются в соответствии с истинными законами ремесла... только медники обладают секретом правильного лужения», - утверждалось в петиции марсельского цеха медников.⁷⁶

Представление о коллективной собственности на профессию (было свойственно мастерам как полноправным совладельцам. Оно способствовало конституированию и сохранению у них корпоративного, партикуляристского сознания. Рабочие же не входили в цехи. Тем не менее подобно тому как для феодального землевладения была характерна иерархическая (двойная, даже тройная и более) собственность на землю, корпоративная собственность на профессию также имела двух коллективных хозяев. С должным на то основанием подмастерья считали себя носителями профессионального знания не в меньшей степени, чем мастера. Точно так же им представлялось, что чужаки, не прошедшие ученичества, работающие на свой страх и риск и отвергающие традиционные установления, ничего хорошего создать не могут.

Препятствуя распылению «собственности», они выступали против того, чтобы мастера набирали слишком много учеников. «Нет ничего печальнее для рабочего, - писали в наказе Генеральным Штатам марсельские подмастерья-шляпники, - чем видеть, как нанимают невежд-учеников, которые портят продукцию, вредят клиентам, обесценивают наше ремесло».⁷⁷ Еще и в годы Реставрации у рабочих Франции охранялась практика поборов с учеников, за «науку» брали до 80 ливров в год.⁷⁸

Право микрогруппы на профессию обосновывалось традицией историческими легендами. В повседневности оно подкреплялось решимостью вступить в драку с любым нарушителем неписаных установлений. Микрогруппами, в рамках которых протекала вся жизнь рабочего человека, являлись производственные коллективы, которые в свою очередь были включены в сеть компаньонажей, братств, объединений земляков. Так как многие рабочие трудились в одиночку или вдвоем-втроем, то компаньонаж или братство были для них первичными коллективами.

Компаньонажи являлись, пожалуй, наиболее распространенной формой объединения у ремесленных подмастерьев. Скрупулезный исследователь их истории А.Озе отмечал, что в документах эти организации впервые упоминаются в начале XVI в.⁷⁹ Сами компаньоны вели свое происхождение со времен постройки Иерусалимского храма царем Соломоном. Классическими компаньонажами, претендовавшими на наибольшую древность, были компаньонажи строительных рабочих. В соответствии с легендами о происхождении в среде компаньонажей выделялись две группы: одни считали своим основателем мастера Жака, руководившего строительством Иерусалимского храма, другие - отца Субиза, знатока плотницкого дела. Компаньонажи существовали у подмастерьев всех строительных специальностей, а также у кузнецов, токарей, седельщиков, жестянщиков, ножовщиков, изготовителей ключей, веревочников, игольщиков, шляпников и во многих других профессиях.⁸⁰

Компаньонажи не случайно вели свое происхождение от легендарных великих знатоков своего ремесла, мастера Жака и отца Субиза. Истинность профессионального знания и мастерства подмастерьев, входивших в Компаньонажи, подтверждалась как бы самой историей. Все посторонние соответственно оказывались непосвященными в тайну, которая передавалась из поколения в поколение с VI в. до н.э.

На протяжении XVIII в. возникло много новых компаньонажей в тех профессиях, где их ранее не было. Акт создания новой организации совершался в виде мистического обряда: кто-либо из членов старого компаньонажа делился тайным знанием с новичками.

Компаньонаж нельзя было создать просто по обоюдному согласию нескольких рабочих одной профессии к миру компаньонажей приобщали посвященные. Не случайно франкмасонские ложи и компаньонажи имели близкие истоки происхождения. Иначе говоря, подмастерьям, членам компаньонажей, было свойственно не просто представление о профессии как коллективной собственности, эта собственность к тому же носила мистический характер.

У компаньонов (членов компаньонажей) был свой особый тайный язык. Место своих собраний называли они Кайенной, ученика - зайцем, вступающего в компаньонаж, так называемого аспиранта - лисицей, компаньона - псом, хозяина — обезьяной.⁸¹ В городах Тур де Франс, т.е. в тех, через которые традиционно проходили подмастерья, путешествуя по Франции в целях совершенствования мастерства, у компаньонажей имелись особые таверны и кабачки. Владельца или хозяйку заведения называли «отцом» или соответственно «матерью», то было доверенное лицо компаньонажа. Каждый компаньонаж, впрочем как и каждая корпорация и профессия, имел своего святого. День этого святого отмечался торжественной мессой и шествием через весь город. Подмастерья украшали себя лентами цветов своего компаньонажа, пели песни, сочиненные также своим шансонье, братом-компаньоном.

Все условия жизни компаньонов, обычаи, традиции способствовали их обособленности от остального рабочего люда. Впрочем, эта тенденция к замкнутости в тесных рамках своей микрогруппы была свойственна подавляющему большинству людей того времени. Квалифицированные рабочие-горожане с презрением смотрели необученную массу вчерашних землевладельцев, зарабатывавших на жизнь трудом водноса или грузчика-посыльного Жан-Пьер Симар, лионский подмастерье-шляпник, арестованный полицией за участие в драке между рабочими, возмущался, что его ставят на одну доску с «деревенскими смутьянами, которые наводняют город и учиняют беспорядки в кабаках». О себе он говорил как о «мирном обывателе, человеке женатом и работающем на протяжении нескольких лет на одном месте», участие в потасовке объяснял законной самозащитой.⁸² Рабочие, не вступавшие в компаньонаж, не жаловали компаньонов. В *cahier de doleance*, обращенном к королю, марсельские рабочие-столяры, составившие особый наказ исключительно от семейных, просили запретить все компаньонажи, которые, по их словам, «лишь устраивают беспорядки и даже приводят к покушениям на жизнь случайных прохожих».⁸³

В отношениях между различными компаньонажами царил откровенная вражда. И марсельцы правы в том, что случайному прохожему, если его по ошибке принимали за члена враждебного компаньонажа, приходилось туго. «Дети» мастера Жака и отца Субиза часто вступали в междоусобные драки.

Насколько столкновения между членами различных компаньонажей являлись обыденным делом, дает представление полицейская хроника города Бордо середины XVIII в.

В 1754 г. камнетесы, «дети» отца Субиза, напали на появившихся в Бордо компаньонов-деворанов. Свое нападение они объясняли тем, что не смогли вынести, чтобы кто-то, не будучи настоящим компаньоном, украшал себя лентами так же, как они. Через неделю столкновения произошли у столяров и слесарей соперничавших компаньонажей. В 1759 г. вновь большая драка у бордосских слесарей. В полицейском докладе за 1761 г. сообщалось: «Постоянно в различных кварталах города и предместьях собираются Подмастерья всяких профессий, вооруженные палками, тростями и инструментами своего труда. Члены враждебных компаньонажей подвергают друг друга самым худшим формам насилия... особенно часты потасовки в квартале Сен-Серен».⁸⁴ (Сен-Серен был самым бедным кварталом Бордо.)

Между компаньонами случались и настоящие побоища наподобие того, которое произошло в долине Гро между Арлем и Салонном в 1730 г., когда обе стороны понесли значительные потери убитыми и ранеными⁸⁵.

Господство традиции над жизненными установками и общественной ориентацией рабочего во многом объяснялось традиционностью ремесленного производства. В ту пору профессиональная Деятельность работника не требовала каких-либо знаний сверх тех, что обеспечивала ему традиция, передававшаяся от мастера к Подмастерью и ученику, от поколения к поколению. Подмастерья подчиняли традиции ход своей жизни, наследуя от предков как знания, так и предрассудки. Партикуляристский тип сознания, ориентированный на ценности и табу микромира, традиционалистский, консервативный и поразительно иммобильный, был свойствен большинству рабочего люда Франции XVIII в. Внешний мир воспринимался работниками как нечто предустановленное, не подверженное изменениям. Мысль о возможности целенаправленного действия по преобразованию общества еще казалась в народной среде опасной ересью. На небе бог, на земле король вершили делами, и не маленькому человеку указывать им на несовершенство этого мира - именно подобного рода представлениями объяснялся тот факт, что работники, в том числе даже высококвалифицированные мастера, приняли минимальное участие в компании по выборам в Генеральные Штаты, составили совершенно незначительное число наказов этому впервые созывавшемуся в XVIII в. национальному представительному институту страны

Безусловно, и центральная власть, и местная администрация прилагали усилия для того, чтобы отстранить рабочих и вообще неимущих от обсуждения насущных проблем. Но в условиях дестабилизации государственного управления, включая аппарат по поддержанию порядка, возможности для самоорганизации и составления петиций все-таки имелись. И некоторые рабочие сумели воспользоваться ситуацией, но таких было совсем немного. Большинство предпочитали выжидать и бунтовать, когда жизнь становилась уж совсем невыносимой. Для них время организованного действия еще не наступило.

Осмысленное участие рабочего люда в большой политике осложнялось также тем, что представления о внешнем мире работника, особенно из провинции, несли в себе большую долю иррационального, фантастического и даже абсурдного. Человек, всерьез веривший в «духа шахт» и «подземного петуха»⁸⁶, с доверием относился и ко всяким небылицам, которые ему приходилось слышать о короле, парижских делах и кознях истинных и мнимых врагов народа. Более полутора столетия отделяло рабочего человека «старого порядка» от той грядущей поры, когда его потомок будет впадать в иррациональность, оглушенный и запутанный необозримыми потоками противоречивой информации. Пока же народ в своем духовном развитии страдал от ее хронического недостатка. Общефранцузские новости доходили до простых людей чаще всего в виде слухов, нередко сильно искажавших происшедшее в действительности, а то и просто фантастических. Летом 1789 г. английскому путешественнику А.Юнгу в Бургундии и Оверни доводилось слышать разговоры о том, что Мария-Антуанетта собирается отравить короля, регентство будет доверено графу д'Артуа, Париж подожжен и Пале-Рояль взорван. [См. Ж.Лефевр, «Великий страх 1789 года» <http://vive-liberta.narod.ru/biblio/lefebvre1.pdf>]

Ярмарка - вот традиционное окно в большой мир, которое открывалось для провинциального работника ежегодно и обрушивало на него массу новостей, новых впечатлений и сведений. В Нанте в 1773 г. демонстрировали двухголового ребенка с тремя руками, в Ренне некто месье Пеллетье знакомил с карликом-телепатом, читающим мысли на расстоянии и обнаруживающим, не глядя, спрятанные предметы; там же предлагались очки, позволяющие читать книгу, лежащую под мраморным столом. Правда, в ярмарочном балагане театр кукол, разыгрывая веселую буффонаду, обычно не мог удержаться от политических намеков.⁸⁷

Дешевые книжки, предназначавшиеся для народного чтения, пересказывали в основном сюжеты Нового и Ветхого заветов, сообщали о последних «явлениях Христа». Впрочем, иногда в них сворилось и о более реальных событиях: о взятии Гренады градом д'Эстеном и даже о попытке запуска аэростата в Сент-Антуанском предместье.⁸⁸ Реальное, нереальное, фантастическое, откровенная нелепица перемешивались в голове простолюдина. Новости большого мира накладывались на рутину повседневности, мало что меняя в ней. И все же в глубинах массового сознания происходили процессы, подтачивавшие, казалось, чрезвычайно-устойчивый тип партикуляристского видения общества.

Партикуляристское сознание было совершенно органично старому порядку», но сам «старый порядок» все более утрачивал органичность. И хотя вплоть до революции 1789-1799 гг. партикуляристское сознание оставалось преобладающим типом массового сознания рабочего люда Франции, само оно постепенно деформировалось, «картина мира» рядового работника становилась более сложной и противоречивой, закладывались основы для рождения нового популистского сознания.

Особенно быстрыми темпами размытие партикуляристского типа сознания происходило в крупных городах и прежде всего в Париже. Если для провинциала «большой мир» был чем-то внешним, таинственным и непонятным, то парижанин, даже простой рабочий, ощущал, что «большой мир» есть не что иное, как город, котором он живет. История осуществлялась не где-то за тридевять земель, а здесь и теперь, у него перед глазами. И самые отчаянные могли даже в нее вмешаться, как вмешался ремесленник Р.Ф.Домьен, совершивший в 1757 г. неудачное покушение на Людовика XV.

Социальные связи столичных жителей были более разнообразными, чем у провинциалов. Скопление сотен тысяч людей в одном месте уже само по себе служило важнейшим фактором диверсификации общественных контактов. Информация о мире здесь нередко поступала из столь неординарных для простого люда источников, как газеты, театр.⁸⁹ Серьезная, нелубочная литература⁹⁰ для парижских рабочих была во много раз более доступной, чем для их собратьев из провинции. Знаток быта и нравов низших слоев общества, искатель приключений и популярный в XVIII в. писатель Ретиф де ля Бретон писал о парижанах: «С недавнего времени столичные рабочие стали ужасно несговорчивыми. Дело в том, что они вычитали в наших книжках слишком крепкую для их голов истину, что рабочий - это очень ценный человек».⁹¹

В глазах части рабочих происходило обесценивание метризы. Появлялось стремление стать не членом привилегированного цеха, а свободным, независимым хозяином своего маленького дела. Подмастерья-сапожники Марселя в наказе 1789 г., единодушно Поддержанном на их общем собрании, требовали «чтобы все метризы были уничтожены или представлялись бесплатно».⁹² В другом уже цитированном нами рабочем наказе, составленном столярами Марселя, имеющими семьи, выдвигалась просьба даровать «любому постоянно проживающему в городе семейному человеку полную свободу, работать по профессии без приобретения метризы». Далее столяры просили защищать их от преследований мастеров - членов корпорации, предоставить им возможность покупать необходимые товары и, главное, древесину без посредничества уполномоченных (jures) цеха.⁹³ Стремление к экономической независимости, к равенству возможностей в рамках профессиональной деятельности наводило на мысль и о необходимости юридического равенства.

О французских рабочих XVII-XVIII вв., а возможно и более ранних эпох, нельзя сказать, что это были покорные люди, спокойно смиравшиеся с любыми формами произвола.⁹⁴

Сицилианец, посетивший Францию в эпоху апогея абсолютизма - во времена Людовика XIV, с изумлением отмечал: «Парижская чернь не дает спуска никому, они снимают шляпу только перед Господом Богом и не прощают и малейшего оскорбления. Более высокомерного и смелого народа нет в целом свете». Алексис де Токвиль писал: «Часто совершают грубую ошибку, утверждая, что дух свободолюбия порожден во Франции революцией 1789 г. Во все времена он составлял одну из отличительных черт нашей нации, но этот дух проявлялся периодически, так сказать прерывисто. Он был хаотическим, слабым и чреватым насилием одновременно, являлся скорее инстинктивным, чем осмысленным».⁹⁵ Свободолюбие, независимость, чувство собственного достоинства всегда подразумевают в человеке и сознание равноправия со всеми остальными индивидами. И тем не менее не будем идеализировать ни французских рабочих, ни весь великий французский народ (он в этом не нуждается). О том же парижском люде, о котором с таким страхом и невольным уважением отзывался неизвестный сицилианец в начале XVIII в., в конце того же века, незадолго до начала революции, французский писатель С.-Л.Мерсье сам выходец из низов, отзывался совсем в иных выражениях. «Что касается населения Парижа, - писал Мерсье, - то оно бросается враспынную, завидев ружейное дуло, заливаясь слезами перед чиновником полиции и становится на колени перед ее начальниками. Для этого сброда начальник полиции - король».⁹⁶ [См. фрагменты «Картин Парижа» <http://enlightment2005.narod.ru/private/Mercier/merc.htm>]

Но кто же из них прав - заезжий путешественник или знаменитый бытописатель, автор нашумевших в свое время «Картин Парижа»? Приведенное выше суждение Токвиля не совпадает ни с первым мнением, ни со вторым, одновременно включая в себя оба. Для народных масс эпохи «старого режима» были характерны еще не политические убеждения, а политические настроения. Бунт и возмущение несправедливостью существующих порядков сменялись настроением бессмысленности борьбы, смирения с неизбывностью своей тяжелой судьбы. Колебания эти определялись сложным переплетением различных причин, а в конечном итоге детерминировались превратностями экономического положения народных масс. Токвиль верно уловил как бы пульсирующий характер народного свободолюбия, но галльский «дух свободы» он представлял вневременным свойством, имманентно присущим французской нации. На самом же деле на протяжении веков происходили серьезные трансформации массового сознания, как длительные, так и чрезвычайно стремительные.

Становление популистского типа сознания - это продолжительный процесс, в который вплетена история резкого всплесками радикализма (санкюлотское движение) в годы Великой буржуазной революции. Мелкотоварный уклад в городе и деревне - ет питательная среда популизма, его социально-экономический кризис. И безусловно, идеи эгалитаризма, столь характерные, более того, субстанциональные для популистского сознания, не могли получить широкого распространения в условиях производствен-(х отношений, которые исключали принцип формального равенства для всех участников общественного производства. Свободолюбие как способность к бунту очень далеко от четко осознанной необходимости уравнивания всех граждан перед лицом государства, но бунтарство служило в то же время одной из важных духовных предпосылок формирования правового эгалитаристского сознания. Эта взаимосвязь достаточно определенно выявилась в 1788- ?89 гг., в пору составления наказов Генеральным Штатам, когда (защитные и незначительные по своей численности (если брать в отдельности каждое первичное собрание избирателей третьего сословия) группы людей открыто и очень откровенно заявляли о своих убеждениях, высказывали свои соображения о путях преобразования местных и общенациональных дел. Насчитывавшая всего 10 членов марсельская корпорация мастеров, производивших аркебузы, начала свой наказ с заявления: «Всякое звание, которое приносит благо одному классу граждан в ущерб другим, ложно самой природе своей; все мы - подданные Короля, все мы имеем право быть им благодетельствованными, и если кто-либо за свои заслуги действительно достоин выдающегося вознаграждения, пусть же не низкая выгода лежит в основе награды, ибо есть деяния, которые может оплатить только слава за их совершение. Следовательно, духовенство, сеньоры и многие другие должны отказаться от подобных вознаграждений - привилегий, и надо добиваться их (привилегий. - Е.К.) полного уничтожения».⁹⁷ Не менее решительно выступали против налоговых льгот двух первых сословий марсельские мастера-медники. Они писали: «Необходимо положить конец всем привилегиям и всем исключениям первых двух сословий и других корпораций и городов и распределить уплату налога на всех подданных и на все состояния в Соответствии с принципом равного и индивидуального обложения».⁹⁸ Всего 11 человек утвердили на собрании 17 марта 1789 г. этот наказ, и он, безусловно, представлял собой акт гражданского бунта. В десятках городов Франции мастера и рабочие требовали уравнивать перед законом дворян, священников и третье сословие, настаивали на уничтожении системы откупов, выступая против всемогущих финансистов.

Но популистское сознание не сводимо к правовому эгалитаризму. Этот тип сознания, возникающий в переходную пору от «старого порядка» к капитализму, несет на себе и другие отпечатки своего времени. Пафос просветительства, охвативший в XVIII в. высшие классы общества, затронул и народные массы, особенно квалифицированных рабочих крупных городов.

В этой среде грамотность если не считали еще необходимой, то во всяком случае находили полезной. По подсчетам современного французского историка Ж.Кеньяра, среди рабочих-сапожников, плотников, столяров, портных, пекарей в конце XVIII в. приблизительно 39% умели читать и писать, среди ткачей - от 25 до 30%.⁹⁹ Стремление к получению информации обо всем на свете становилось все более массовой «болезнью». Еще в феврале 1749 г. маркиз д'Аржансон отмечал в своем дневнике «Пятьдесят лет тому назад широкая публика совершенно не интересовалась известиями о государственных делах. Теперь все читают «Gazette de Paris», даже в провинции. Без всякого понимания вкривь и вкось рассуждают о политике, но говорят именно о ней!» А в 1758 г. «Journal encyclopedique» констатировал с некоторым изумлением: «Прошли те времена, когда газеты создавались исключительно на потребу ученым людям. Сегодня все читают и все хотят читать обо всем».¹⁰⁰

Помимо экономического, социального, профессионального деления каждая микрогруппа имеет также внутреннее членение по почти неуловимому, но тем не менее столь существенному признаку, как интеллектуальные способности. Именно этот, пожалуй, наименее познанный фактор исторического процесса обрекает большинство на протяжении десятилетий, а подчас и столетий, свято веровать в коллективные мифы своего времени, а меньшинство вести тайную или явную работу по их разрушению. Рабочие Франции «старого режима» также имели свое активное меньшинство, которое, прежде чем брать Бастилию, брало слово. В эпохи общественной стабильности и всемогущества высших властей духовная жизнь народа была подобна омуту, темные воды которого составлены из преданий, басен и пошлых, здравомысленных истин большинства. Холодные ключи трезвого рассудка народных мудрецов с трудом пробивали толщу и вызывали лишь легкую зыбь на поверхности. И популистское сознание, как и всякое новое, первоначально складывалось в умах у этих «мудрецов», наиболее развитых и смысленных рабочих. Ведь даже грамотой владело хотя и значительное, но все-таки меньшинство. Только единицы всерьез интересовались политикой, читали газеты. Высказывания д'Аржансона или «Journal encyclopedique» насчет того, что «все читают», не следует переоценивать. Становление правового эгалитаризма, безусловно, процесс глубокий и широкий, но измерить эту глубину и ширину с математической точностью нам не дано. Наказы рабочих (и это, как мы уже отмечали, симптоматично) имели единичный характер.

Франция XVIII в. была католической страной. Незначительные религиозные меньшинства: протестанты и иудаисты, хотя и служили питательной средой для различных радикальных идей, играли слишком незаметную роль в жизни народных масс в целом; даже среди городского ремесленничества (в его составе процент протестантов и иудаистов был наибольшим) их влияние почти не прослеживается. Меньшинства обретут голос и даже станут заметным явлением лишь в условиях революционной свободы. Католическая среда, хотя бы в силу своего полного преобладания, отличалась гораздо меньшей восприимчивостью к новым идеям. Насколько можно судить по данным новейших исследований, «качество веры» у подавляющего большинства рабочих-католиков оставалось неизменным на протяжении XVIII в. Кризис веры и массовая дехристианизация II года Республики подготавливалась исподволь, через растущую оппозицию не религии, а церкви. Антиклерикальные настроения накапливались: на традиции внеинституциональной религиозности простых людей накладывались постепенно проникавшие в народную толщу деистические и атеистические идеи просветителей. Экономические противоречия с привилегированным сословием духовенства еще более усиливали неприязнь и служили, пожалуй, самым серьезным основанием для антиклерикализма.

Сомнение в необходимости многих институтов «старого порядка» закрадывалось в души работников. Не оставалось неизменным даже отношение к королю и королевской власти.

В некоторой мере изменения политических настроений, пожалуй, охватывали все плебейское население, во всяком случае в столице и наиболее крупных городах. Речь идет об отношении к королю и королевской власти. Монархизм подавляющего большинства французов XVIII в. был искренним и последовательным. Славословия в адрес Людовика XVI, которыми открывались все указы мастеров и подмастерьев, не только дань политической конъюнктуре, но и вполне чистосердечное изъяснение верноподданнических чувств. Но роялизм рабочего люда городов не представлял собой нечто непоколебимое. На протяжении XVIII в. голод, поражения во внешней политике, сопровождавшиеся экономическим ущербом, унижением национального достоинства, бессмысленной гибелью тысяч соотечественников, не раз подрывали веру в короля. Францию, и особенно Париж, охватывали антироялистские настроения. В 1749 г. парижане в открытую распевали: «Проснись же дух Равальяка!»¹⁰¹ Но то был антироялизм, направленный против конкретного короля. Неудачи, поражения, предательства, слишком явные и слишком известные, время от времени разрушали легенду о всеблагое и премудром отце нации. Непостижимый и отстраненный в своей непостижимости монарх тогда превращался в обычного человека, личность с ее слабостями и пороками, кривым носом и приметам старческого маразма. Этот антироялизм был преходящим и не имел ничего общего с республиканизмом, и все же исподволь он готовил для него почву.

Людовик XVI, которого так превозносили французы в первые месяцы 1789 г, также имел щербинки в своем облике «любимого» короля. Еще в 1780 г. в среде парижских работников пользовалась популярностью песенка про короля Дагобера. Добродушный, толстый и слабый Дагобер очень походил на Людовика XVI, а его опекавший мудрый святой Илья явно смахивал на добродетельного генерального контролера финансов Неккера.¹⁰² Насмешка над королем не отменяла ни почтения, ни признания, ни смирения, она жила как бы сама по себе. Хотя в то же время простолюдин, распевая под хмельком веселую песню про короля Дагобера, был на ты со всеми владыками мира. Но свобода на миг еще не свобода, а лишь ее отблеск, ее летучий фантом. Уход кумира, крах его в народном сознании сопровождается смехом, но еще больше - страданием, горем, слезами и кровью. За духовное взросление человечеству всегда приходилось дорого платить.

Евгений Михайлович Кожокин

II. УЧАСТИЕ РАБОЧИХ В ВЕЛИКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

от ВЕЛИКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ до РЕВОЛЮЦИИ 1848 года
1. РАБОЧИЕ В РЕВОЛЮЦИОННОЙ ТОЛПЕ
Vive Liberta и Век Просвещения

Вплоть до 1789 г. Франция медленно, болезненно и с огромным трудом превращалась из абсолютной монархии, еще во многом генетически связанной с феодальным правом и феодальными методами управления, в монархию буржуазную с ее безлично-бюрократическим, псевдонадклассовым государственным аппаратом. Но преобразование осуществлялось слишком медленно. Велики были диспропорции развития и в недрах гражданского общества. К концу XVIII в. слишком явным было несовпадение центров экономического и политического влияния. Жизнь общества протекала в рамках феодальных экономических и институциональных структур, но эти структуры были уже дезинтегрированы, утратили свою полифункциональность, с оставшимися общественными функциями плохо или вообще не справлялись. Дворянство в полном объеме получало с крестьян традиционные платежи (баналитеты, серваж, чинш и пр.), само же в значительной степени перестало являться «военным сословием», защищающим страну от внешнего врага. Военная служба для дворян уже не являлась ни юридической, ни даже моральной обязанностью. С другой стороны, хотя основная часть офицерского корпуса была укомплектована дворянами, слишком многие, в том числе и сами офицеры, рассматривали воинские посты как своеобразную синекуру; буржуазный взгляд на военное дело как на каждодневный, пусть и особого

рода, труд не имел во французской армии широкого распространения. Ко всему прочему многочисленные военные поражения Франции на протяжении XVIII в. подрывали престиж офицерства. Более чем посредственно защищая интересы страны, армия пожирала огромные средства. Большая часть военных расходов шла на жалование 12 тыс. офицеров: в общей сложности они получали порядка 44 млн. ливров, т.е. значительно больше, чем вся солдатская масса.¹

Церковь также продолжала регулярно взимать с крестьянства десятину, самую тяжелую феодальную повинность, составлявшую от 4 до 11% дохода, в то же время в процентном отношении значительно сократился ее вклад в филантропические мероприятия, которые ранее осуществлялись почти исключительно.² Цехи, свободно конституировавшиеся в средние века с целью поддержания хрупкого экономического равновесия на очень узких локальных рынках, позднее имевшие свой *raison d'être* в обеспечении качества продукции и тем самым сохранения ее конкурентоспособности в рамках общеевропейской торговли, теперь слишком этатизировались, застыли в своем экономическом и техническом развитии, запутались во внутренних противоречиях. Новые, а также наиболее динамичные старые отрасли промышленности развивались вне архаической системы корпораций.

Усиливалось недовольство широких народных масс. Колебания цен длительного порядка, связанные с положением на мировом рынке ценных металлов, в конце XVIII в. имели явную тенденцию стабилизироваться на восходящей кривой. Цены на основные съестные припасы по сравнению с периодом 1726-1741 гг. возросли на 65%, индекс заработной платы поднялся только на 22%.³

Неурожай 1788 г. повлек за собой тяжелейшие последствия для промышленности. Безработица достигла невиданных ранее размеров. Уже с августа началось повышение цен на хлеб.⁴ Покупательная способность рабочего населения городов падала. Обнищанию способствовал рост налогов.

Усиление налогового гнета не вело к улучшению финансового положения монархии. Дефицит бюджета, являвшийся хронической болезнью королевства на протяжении XVIII в., достиг в результате Американской войны катастрофических размеров. Дисбаланс финансов можно было преодолеть только с помощью экстраординарных мер. Но государственная власть находилась в состоянии, паралича.

Генеральный контролер финансов Калонн, а вслед за ним его противник, занявший его пост и силой обстоятельств унаследовавший его политику, Ломени де Бриен пытались осуществить фискальную реформу, распространив поземельный налог на все сословия без изъятий.

Предложенная де Бриеном реформа была 6 августа 1787 г. законодательно оформлена королевским указом. Личное вмешательство короля (процедура «*lit de justice*») позволило преодолеть оппозицию парижского парламента, не желавшего регистрировать закон, частично уничтожавший фискальные привилегии дворянского сословия. На следующий день парламент объявил указ незаконным. «Бунт» был наказан ссылкой членов парламента в Труа. Но действия парижской магистратуры были поддержаны судебной аристократией провинций. Ломени де Бриен капитулировал. Возвращение магистратов в Париж приветствовали толпы народа. В конфликте между королевской властью и судебной аристократией, дворянством мантии, часть парижского плебса заняла антироялистскую позицию, часть (например, плебейское население Сент-Антуанского предместья) осталась безразличной.⁵

В народном сознании был воспроизведен тот поворот, который уже не раз осуществлялся на протяжении XVIII в. Обнищание, угроза голода да и просто участвовавшие голодные дни обратили гнев и негодование людей не только на непосредственных, по их мнению, виновников: владельцев булочных, сборщиков налогов, местных богатеев, но и на высших представителей администрации, отчасти и на самого короля.

Резкое повышение цен на хлеб, основной продукт питания бедноты, в августе-сентябре 1788 г. привело к тому, что к постоянным участникам парижских беспорядков 1787 г. - судебным клеркам и ремесленному люду центральных районов - присоединились неимущие жители предместий, а также работники и торговки больших рынков Парижа. При подавлении беспорядков власти все чаще обращались к помощи воинских соединений, которые для рассеивания толп прибегали к силе оружия. Так, в ночь на 28 августа 1788 г. отряд гвардейцев открыл огонь по демонстрантам на Пляс де Грев. Голос голода сливался с голосом мщения за кровь убитых.

Прежние мерки и представления мирного времени теряли свою силу. Внутренние противоречия в народной среде - между мастерами и подмастерьями, между кузнецами и каретниками, между членами враждующих компаньонажей - оказывались захлестнутыми ненавистью к общему врагу. Деление на «мы» и «они» приобретало совершенно новые очертания, принимало национальный масштаб и обретало политическое звучание.

Массовое сознание с трудом усваивает абстракции: ему свойственно или мифологическое, или сугубо конкретное видение мира.⁶ В сознании парижских простолюдинов четко отпечатывалось: «они» - кровопийцы, тираны и угнетатели. «Они» - это бывший генеральный контролер финансов Калонн, фаворитка королевы графиня де Полиньяк, хранитель печати Ламуанен, вся дворцовая камарилья и защищающие их драгуны, гвардейцы и «проклятые швейцарцы».

Чрезвычайно тяжелая зима 1788/89 г. еще более обострила народные бедствия. Неурожай 1788 г. усугубил продовольственное положение. В феврале 1789 г. буханка хлеба стоила 14 с половиной су; год тому назад ее цена не поднималась выше 9 су.⁷

Невозможность разрешения кризиса между королевской властью и высшими слоями дворянства мантии, представленными в парламентах, провинциальных штатах и собрании нотаблей 1787г., ни путем компромисса, ни путем возобладания одной из сторон вызвала необходимость апелляции к голосу нации - созыва Генеральных Штатов. Затянувшийся институциональный конфликт, в основе которого лежал вопрос о путях и средствах преобразования страны, создал ситуацию, контроль над которой с катастрофической быстротой ускользал из рук властей предрежащих. Король, его администрация и традиционная, можно сказать квазиконституционная, оппозиция вступали в область непредсказуемого. Никто не мог предвидеть, чем явятся созываемые Генеральные Штаты, но каждая из сторон надеялась приобрести в их лице союзника.

В то же время усиление политической нестабильности, постепенно образующийся вакуум власти мгновенно были замечены народными массами, и в первую очередь рабочим людом. Ослабление постоянного контроля и карающей силы репрессивного аппарата государства немедленно привело к активизации наиболее обездоленных жителей городов. Они не только поспешили выступить со своими экономическими требованиями, начался процесс их стремительной политизации. Казалось бы, прирожденный и естественный партикуляризм сознания широких масс стал уступать место пробуждавшемуся интересу к судьбам страны и государства. Сам король актом созыва полузабытых Генеральных Штатов признавал, что дела идут неладно во французском королевстве. И многие работники начинали осознавать, что виной тому не скверный хозяин мастерской и не ремесленники с соседней улицы, а нечто более важное и существенное.

Страсти сотрясали страну. Казалось, час расплаты настал. Народ не задумывался, грядет ли за 1789 г. тысячелетнее царство счастья и изобилия, но то, что тысячелетнему царству «старого порядка» приходит конец, чувствовали все.

23 марта разразился бунт в Тулоне. Толпы народа явились к зданию ратуши, требуя выдачи архивариуса и бывшего мэра города, которых считали виновными во введении нового тяжелого налога на хлеб. Чтобы уменьшить число бунтовщиков, администрация военно-морского арсенала немедленно вызвала всех своих рабочих на верфи. Но прекратить бунт таким образом не удалось. Народ разгромил дома ненавистных представителей власти и налоговую управу. Подвергли унижению епископа, а его карету на глазах всего города сбросили в море. В тот же день многие каменщики и каменотесы потребовали от подрядчиков пересмотра оплаты труда; из тюрьмы освободили сына одного рыбака, которого народная молва считала невинно пострадавшим.

Командующий гарнизоном граф де Козенси не решился использовать войска для подавления бунта. Возмущенный этим главнокомандующий средиземноморской эскадрой граф д'Альбер с горечью вопрошал: «На что теперь не решится чернь городов, в которых нет гарнизона, когда она узнает о том, что произошло в Тулоне на глазах у четырех тысяч вооруженных людей?»⁸ И «чернь», действительно, решалась на многое. В Безансоне 30 марта были разграблены булочные, разгромлены дома президента парламента Тальбер де Нанкрэя и советника Бургона. В Гане народ осадил дом епископа, которого обвинял в продаже зерна за пределы провинции. Прелата освистали и едва не забили камнями.⁹ В Руане толпа уничтожила усовершенствованные прядильные станки, так называемые «большие дженни». Рабочие разбили «английские» машины также в Аржантане и Фалэзе.¹⁰ Мятежи и бунты прокатились по всей стране. По данным новейших исследований, за первую половину 1789 г. в городах и бургах Франции произошло 370 различных народных выступлений.¹¹

Администрация на местах была в растерянности. Кто-то с упорством обреченных удесятеренным насилием отвечал на насилие бунтовщиков. Кто-то как на панацею от всех бед уповал на введение «свободной торговли».

В Париж шли отчаянные депеши. «Бретань - одна из провинций... заслуживающих наиболее серьезного внимания, потому что здесь к волнениям, которые потрясают все королевство, прибавляется лютая ненависть, царящая между тремя сословиями», - писали в июне 1789 г. из Ренна.¹² Будто в других провинциях между сословиями царили мир и любовь!

Б политических настроениях городского плебейства происходили стремительные изменения. Парижский парламент терял свою популярность, заняв в споре о нормах представительства и порядке голосования сторону привилегированных сословий. Последние требовали, чтобы в Генеральных Штатах все три сословия имели равное количество депутатов (как в 1614 г.), а голосование шло посословно. Третье сословие добивалось для себя количества мест, равного сумме депутатских мандатов дворянства и духовенства, и индивидуального голосования.

В разгар новой фазы политического кризиса разразилось так называемое «дело Ревельона» [http://vive-liberta.narod.ru/journal/lotte_rev.pdf]. В конце апреля 1789 г. в Париже разнесся слух, что на собраниях избирателей мануфактуристы ревельон и Анрио предложили сократить заработную плату рабочих и при этом Ревельон кощунственно заявлял: «Хватит 15 су в день, чтобы рабочему жирно прокормиться», «15 су - плата достаточная, а пшеничный хлеб слишком хорош для них. Их надо питать мукой из картофеля».¹³ Несколько дней в плебейском Сент-Антуанском предместье ощущалось смутное брожение, а 27 апреля по направлению к Гревской площади из предместья направилась толпа рабочих. Во главе ее шел барабанщик, рядом с ним несли виселицу с чучелами Ревельона и Анрио. На Гревской площади, традиционном месте казней, чучела Ревельона и Анрио были сожжены, после чего толпа вернулась в Сент-Антуанское предместье, где полностью разгромила дом Анрио. Около дома Ревельона была выставлена охрана из 50 гвардейцев, и его не тронули.

На следующий день утром в предместье вновь собралась огромная толпа. Современник событий Демишель писал, что восставшие рассеялись по предместью и принуждали рабочих уходить из своих мастерских и присоединиться к ним, они также принуждали присоединяться всех любопытствующих и всех тех, кто находился в предместье по своим делам.¹⁴ Были разграблены две булочные и одна колбасная. Забрав в булочных хлеб, повстанцы выносили и раздавали его женщинам, стоявшим в очереди.

Кульминацией восстания явилось овладение домом и мануфактурой Ревельона. Пятидесяти гвардейцам не удалось противостоять натиску. Вооруженная палками, камнями, поленьями толпа отбросила их от дома и полностью его разгромила, после чего направилась к мануфактуре, вход в которую был указан торговкой Мари-Жанной Трюмо. Эта женщина в самых сильных выражениях призывала народ к опустошению мануфактуры Ревельона. Она призывала всех: «Идемте, да здравствует третье сословие!» - и собственноручно уничтожала рулоны обоей бумаги, обнаруженные па предприятии.

Когда по приказу герцога дю Шатле подошедшие войска открыли огонь по восставшим, те оказали сопротивление. С криками: «Свобода! Мы не отступим! Да здравствует третье сословие! Да здравствует король! Да здравствует Неккер!»¹⁵ - народ на выстрелы гвардейцев ответил градом булыжников и обломков черепицы. Неравное сражение продолжалось более часа. К восьми вечера все закончилось. Восстание голодавших парижских работников, выступивших против угрозы дальнейшего ухудшения их судьбы, было подавлено.

Полиция и войска арестовали 35 человек. Из них четверо были приговорены к смертной казни: грузчик-посыльный Пур, кровельщик Жильбер, переписчик Мари и Мари-Жанна Трюмо¹⁶; пятерых присудили к вечной каторге с предварительным покаянием, стоянием у позорного столба с клеймением. В полицейских бумагах сохранились данные о социальном положении 71 участника восстания (из числа арестованных, раненых и убитых): 58 человек - наемные работники (рабочие зеркальной мануфактуры, подмастерья самых различных профессий, грузчики), преимущественно проживавшие в Сент-Антуанском предместье и близлежащих приходах; среди остальных скульптор, виноторговец, мастер-драпировщик и рыцарь Священной Римской империи.¹⁷

На первый взгляд подавленный бунт парижского люда очень напоминал многие волнения XVIII в Народ «брел в потемках», обрушивая свой гнев подчас на далеко не самого виновного из своих врагов. И все же это восстание, внешне достаточно типичное для «старого режима» и по символике и ритуалу действий толпы (сожжение чучел, демонстрация с барабанщиком во главе), и по случайности жертв народной расправы, и по бурному всплеску стихийного насилия и по жестокости его подавления, выявило важный сдвиг в массовом сознании парижских работников. Мастерской люд понял, что во французском королевстве появилась новая политическая сила - «третье сословие» («tiers etat»). Ни намерения ее, ни цели, ни даже облик ее еще не прояснились. Но униженные и оскорбленные почувствовали, что перемены к лучшему могут произойти именно благодаря этой силе. Король, Неккер и «третье сословие» - вот троица, которой поклонялся простой народ Франции весной 1789 г. Парижский парламент уже никто не вспоминал, он канул в политическое, а вскоре и фактическое небытие. Новая вера в «третье сословие» сливалась с традиционалистской верой партикуляристского сознания в доброго монарха, но она же несла в себе и скрытый заряд, призванный разрушить культ старого кумира. Схема многовековых колебаний народного сознания была нарушена. Простейшим и в то же время бесконечно разнообразным противопоставлениям: хороший монарх - плохой монарх, хороший монарх - плохие советники, Людовик XVI хороший - графиня Полиньяк и Калонн мерзавцы, Неккер - хороший...- приходило на смену понимание того, что государственными делами призваны управлять не только король, его приближенные и министры, но и «tiers etat», т.е. народ в лице своих представителей.

На основании имеющихся в нашем распоряжении скудных и разрозненных данных трудно восстановить более или менее полную картину народных представлений о «tiers état». Тем не менее можно предположить, что для одних «третье сословие» являлось некоей высшей и малопонятной силой. Для других оно олицетворялось в господах буржуа, которые соберутся в Версале и перед лицом короля и с его помощью будут отстаивать народные интересы. Так, во время «дела Ревельона» при встрече бунтовавших работников с двумя выборщиками третьего сословия раздались возгласы: «Да здравствуют выборщики! Пусть они защитят наши интересы перед королем!»¹⁸ У третьих прослеживается понимание значимости сословного деления страны. Они подразделяли всех на сторонников и противников «tiers état». Давая показания по поводу восстания, сержант Форстер рассказывал, что группа вооруженных палками и саблями напала на него и его товарища, а переписчик Мари спросил их, относятся ли они к «третьему сословию».¹⁹ Политическое сознание как специфическое видение общества в понятиях отношений власти и осмысленного подхода к различным институтам, являющимся ее носителями, у рабочего люда Франции весной 1789 г. еще только-только конституировалось, проходя свою первую, наиболее наивную стадию. Тем удивительнее выглядят некоторые документы того времени, в которых рабочие проявили исключительную политическую прозорливость.

Не составляя особой корпорации (этой привилегией обладали только мастера), рабочие-сапожники Марселя собрались 29 марта 1789 г., чтобы составить свой наказ и избрать делегатов на собрание представителей третьего сословия марсельского сенешальства. Марсельские сапожники не только выдвинули троих своих товарищей - Капелла, Сабурлена и Сюше - для участия в дальнейшей компании по избранию делегатов в Генеральные Штаты, но и предложили кандидата в созываемое высшее представительное учреждение страны. В первом пункте их наказа говорилось: «Пусть аббат Рейналь будет депутатом третьего сословия в Генеральных Штатах». Далее в соответствии с общим требованием третьего сословия предлагалось проводить голосование в Генеральных Штатах «par tete, non par ordre» («индивидуально, а не посословно»); предусмотрительно отклонялось право veto для какого бы то ни было из сословий. В преамбуле же наказа фигурировали традиционные для весны 1789 г. восхваления и слова благодарности в адрес короля и Неккера, «восстановителя Франции».²⁰

«Дело Ревельона» представляет интерес не только с той точки зрения, что в ходе его выявилась политическая переориентация парижских плебейских масс. Это восстание разразилось в обстановке революционной ситуации, когда процессы в массовом сознании уже подчинялись иным механизмам, не характерным для мирных периодов истории. В обычной обстановке после подавления бунта большинство его участников вернулось бы к своей привычно беспросветной жизни, лишний раз усвоив простую истину, что плетью обуха не перешибешь. Тайная радость от сознания, что хоть раз удалось подпустить богачам страху, горечь от понимания собственного бессилия, надежда на мщение - все эти чувства постепенно растворялись бы в потоке каждодневного труда и страданий. Память о восстании и обо всем, что связано с ним, если бы и сохранялась, то только в виде редких устных рассказов от поколения к поколению и фольклорных творений. Совершенно по-иному воплотился в массовом сознании опыт «дела Ревельона».

После апрельской расправы брожение среди мастерового люда Парижа отнюдь не затихло. Открывшиеся 4 мая заседания Генеральных Штатов, слухи о конфликтах между сословиями, о готовящихся реформах, о смелых выступлениях Мирабо и других быстро завоевавших популярность лидеров «tiers état» говорили народу о том, что «дело» не закончилось, а только начинается. Но не малое «дело Ревельона», а большое, неведомое дело всей страны. Безмолвствовать и спокойно ждать решения своей судьбы парижский плебс не собирался. Но весомость его слову должна была обеспечить сила.

Несложные размышления об опыте 27-28 апреля наводили на мысль, что эту силу может дать оружие. Именно с мая-июня 1789 г. вопрос о вооружении народа становится одним из важнейших вопросов надвигавшейся революции. «В народе говорят, что раз в них стреляют, они тоже раздобудут себе огнестрельное оружие...», - рассказывал об услышанном на улицах Парижа один из современников.²¹ В то же время в сознании народа по-прежнему хороший король противопоставлялся скверным советникам. Кто такие эти советники, всем было хорошо известно. Антипатия к «австрийской партии» (т.е. приближенным королевы) уже давно утвердилась. О растранижении государственной казны и дурном влиянии Марии-Антуанетты и ее окружения (графини Полиньяк и др.) на короля начали говорить чуть ли не с 1774 г., года восшествия на престол Людовика XVI. Только ранее в представлении простолюдинов действующими лицами национальной истории, занятыми на ролях «злых гениев», были единственно высшие аристократы, придворная камарилья. Все частные, повседневные конфликты со своими «аристократами» имели совершенно иной характер. Социальный антагонизм, разделявший страну в мирное время, был для простолюдина разорванным на две несвязанные части: на локальный конфликт со своим личным угнетателем (или угнетателями) и на сформировавшуюся на основе слухов антипатию к той или иной группировке в сфере высокой политики. В ходе революции этот антагонизм обретал целостность и тем самым принимал политический характер.

Так как главным вопросом революции всегда является вопрос о власти, то критерием наступления нового этапа в развитии революционного политического процесса служит переход государственной власти из рук одной партии или группировки в руки другой. Этапы развития массового сознания хронологически не всегда совпадают с датами этих переходов, так как нередко перенос симпатий с одной партии на другую совершается за некоторое более или менее длительное время до того, как данной партии удастся захватить власть. Более того, изменение политических настроений ведет к поддержке оппозиционной партии и обеспечивает ей победу.

Попытаемся проследить основные узловые моменты стремительной трансформации сознания рабочего люда во Франции, и прежде всего в Париже, которая завершается логически (но не исторически) становлением санкюлотизма как первой формы массового политического движения во Франции и соответственно первой формы массового политического сознания.

* * *

Нервное возбуждение жителей столицы летом 1789 г. непрерывно возрастало. Город казался наэлектризованным. Неимущим и особенно женщинам из простонародья каждый день приходилось простаивать часами в очередях за хлебом. Можно сказать, что революционная толпа, которая на протяжении всей революции будет наводить страх на богачей и правительство, формировалась в 1789 г. у дверей булочных. «То, что происходило в Париже со снабжением хлебом, подтверждало зловещие предсказания Неккера, - писал по свежим следам событий один из первых историков революции. - Чем более приближалось 14 июля, тем более нависала над городом угроза голода. Огромные толпы окружали каждую булочную, хлеб распределяли с мелочной скрупулезностью. Людей все время мучил страх - будет ли хлеб на следующий день. Страх усиливался под влиянием скорбных возгласов тех, кто, простояв целый день в очереди, так ничего и не получил...»²² Там же, в очередях, не только накапливалась ненависть к виновникам голода - к богачам, скупщикам, мироедам, но и осуществлялось первичное политическое образование многих людей, первый раз в жизни обратившихся к «большим вопросам». У народа не было ни клубов, ни салонов. Политические новости люди узнавали в очередях, на работе, нередко у хозяина, или в дешевых кабачках и тавернах.

Работников и их семьи не меньше, чем угроза голода, волновали слухи о сосредоточивавшихся вокруг Парижа войсках. Наемные полки немцев и швейцарцев расположились в Сен-Дени, Сен-Клу, Севре и даже на Марсовом поле. Цель концентрации войск мало у кого вызвала сомнения. Говорили о готовящемся избиении всех патриотов и разграблении их домов.²³ О настроениях в Париже в начале июля Грахх Бабеф писал: «Когда я сюда прибыл, только и было разговоров, что о заговоре, возглавленном г-ном графом д'Артуа и другими принцами. Они собирались ни более ни менее, как уничтожить большую часть парижского населения, а затем обратить в рабство всех, кто во всей Франции избежит истребления, отдав себя покорно в распоряжение дворян и безропотно протянув руки к уже приготовленным тиранами оковам».²⁴ [См. письмо Бабефа http://vive-liberta.narod.ru/resp_calend/14_jl.htm#Bf]

Противостояние двух сил становилось невыносимым. Неккер получил отставку 11 июля, а 12 июля утром весть об этом разнеслась по Парижу. Люди вышли на улицы. Наступала развязка.

В ту пору сад Пале-Рояля, дворца герцога Орлеанского, служил политическим центром Парижа. Туда быстрее всего приходили новости из Версаля, там выступали наиболее популярные среди парижан ораторы, там открыто обсуждали планы противодействия аристократам. Пале-Рояль был переполнен 12 июля как никогда. В речах выступавших лейтмотивом звучал призыв «К оружию!» Журналист-республиканец К.Демулен говорил: «Граждане, нация требовала, чтобы Неккер оставался у нее на службе. Его прогнали! Можно ли оскорбить Вас более наглым образом? После этого шага они могут решиться на все... и сегодня ночью, возможно, уже обдумывалась, уже подготавливалась варфоломеевская резня патриотов!.. Так к оружию же, граждане! К оружию!»²⁵ [http://vive-liberta.narod.ru/resp_calend/14_jl.htm]

Мирные манифестации быстро перерастали в столкновения с войсками. Совместно с парижанами против наемников - немцев и швейцарцев выступили французские гвардейцы. В ночь с 12 на 13 июля народный гнев обрушился на давно ненавидимые таможенные заставы: 40 из 54 застав подверглись сожжению и разрушению. Контроль над въездом в Париж был ликвидирован. Люди и оружие могли поступать в столицу свободно. Продовольствие и вино не облагались более высокими ввозными пошлинами. Полиции удалось арестовать некоторых участников разгрома застав. Из 80 человек 45 оказались рабочими: каменщиками, ткачами, грузчиками-посыльными, безработными из сен-мартенских благотворительных мастерских, остальные - мелкие ремесленники, виноторговцы, контрабандисты.²⁶

Утром 14 июля с часу на час, с минуты на минуту парижане ожидали движения королевских войск на город. Предваряя действительно вскоре начавшиеся планомерные, как на войне, перемещения войск, простолюдины бросились к Дому Инвалидов. В его подвалах хранились большие запасы оружия. Охрана не оказала сопротивления, и народ захватил около 30 тыс. мушкетов, 5 пушек, множество сабель, пик и палашей. Но порох и пули были обнаружены в незначительном количестве. Боеприпасы следовало искать в Арсенале и Бастилии.

Находившиеся вблизи Дома Инвалидов воинские части не выступили против революционной толпы: офицеры не были уверены в надежности своих подчиненных. Город переходил в руки восставших.

Толпы народа устремились к Арсеналу и к Бастилии, куда, как вскоре стало известно, из Арсенала были перевезены пушки и значительный запас пороха. Впрочем, у Бастилии еще с утра было многолюдно, а накануне с ее охраной даже завязалась небольшая перестрелка. К Бастилии стягивались люди не только в поисках оружия. Парижане инстинктивно ненавидели тюрьмы: Бисерт, Венсеннский замок, Бастилию. И дело было не в количестве заключенных, содержащихся в казематах. Мрачный серый массив крепости, вздымавшийся посреди города, постоянно служил напоминанием о несправии и бессилии личности перед огромной мощью государства. Порыв к свободе, что охватил французов, невозможно было совместить с каждодневным созерцанием этого символа деспотизма.

Бастилия была взята штурмом, и этот акт сразу же обрел величайшее политическое значение. Разрушение символов подчас стоит уничтожения вражеской армии. [См. А.Люблинская. «Бастилия и ее архив» http://vive-liberta.narod.ru/journal/bast_lubl.pdf]

Всю ночь с 14 на 15 июля в Париже раздавался звук набата. Вооруженные патрули обходили город. Раздавались залпы артиллерии, славившие победу парижан и возвещавшие об их готовности к дальнейшей борьбе.

Борьбы не последовало. По всей стране прокатилась победоносная «муниципальная революция». В Париж 17 июля прибыл король. Он утвердил новые городские власти. Мэром Парижа стал член Учредительного собрания Байи, командующим только что созданной национальной гвардии - маркиз Лафайет. Огромная толпа встречала Людовика XVI. Во время церемонии вручения королю ключей города раздавались крики: «Да здравствует нация! Да здравствует король! Да здравствуют господа Байи, Лафайет, депутаты, выборщики!»²⁷ Крики ликования сливались со звуками музыки и праздничного салюта.

Психологическое состояние парижского люда в ближайшие дни после взятия Бастилии очень точно охарактеризовал П.А.Кропоткин: «Мы видим народ, с его пылким энтузиазмом, с его великодушием, с его готовностью погибнуть за торжество свободы, но вместе с тем - народ, ищущий руководителей, готовый подчиниться новым господам, водворяющимся в городской ратуше».²⁸

Впрочем, ликование длилось недолго. Уже 21 июля на улицах и площадях Парижа вновь стали появляться скопления негодующего народа. Раздавались требования уменьшить цены на предметы первой необходимости. Перед членами недавно конституировавшегося муниципалитета предстала многочисленная делегация от Сент-Антуанского и Сен-Марсельского предместий.

В наиболее бедственном положении находились безработные. Часть из них - порядка 16 тыс. человек - была занята в благотворительных мастерских, сосредоточенных в Париже, главным образом в районе Монмартра. Платили им по 20 су в день. На такую сумму прожить с семьей было просто невозможно. Рабочие рассыпались по окрестностям Парижа и воровали фрукты и овощи в ближайших садах и огородах. Около 120 монмартрских рабочих 31 июля были схвачены солдатами и доставлены в тюрьму, всех их обвиняли в краже плодов.²⁹ На Монмартре 15- 16 августа начались беспорядки в связи с тем, что на субботу и воскресенье работы были прекращены и рабочие соответственно не получили оплаты. Раздавались угрозы поджечь ратушу. Но когда к месту волнений с небольшим отрядом прибыл Лафайет, «бунтовщики» вышли с цветами приветствовать генерала.³⁰

Начавшаяся эмиграция аристократов привела к сокращению производства предметов роскоши, дорогих туалетов, париков. Рабочие процветавших ранее отраслей стали страдать от недостатка заказов и безработицы. На Елисейских полях 18 августа собрались подмастерья тупейных мастеров (так в XVIII в. называли ремесленников, изготавливавших парики).³¹ Работники требовали прекращения с них поборов, которые производились должностными лицами цеха. Подоспевший отряд национальной гвардии после небольшой стычки разогнал толпу возмущенных подмастерьев, но их делегация все же прорвалась в ратушу. Вскоре затем состоялось совместное собрание мастеров и подмастерьев, в результате которого было достигнуто соглашение о прекращении незаконных и чрезмерных платежей.³² Конфликт в цехе изготовителей париков был улажен, но воспоминание о потасовке с национальными гвардейцами вряд ли быстро изгладилось из памяти работников.

С национальной гвардией, которую частенько бросали на подавление беспорядков, у парижских рабочих складывались достаточно напряженные отношения. Враждебность к этой новой вооруженной силе время от времени прорывалась в поведении участников массовых выступлений или в высказываниях отдельных рабочих.³³

Помимо тупейных подмастерьев и безработных в августе волновались парижские портные, башмачники, слуги.³⁴ Выдвигались требования повышения заработной платы, улучшения снабжения столицы хлебом. Цена на хлеб несколько понизилась, но его не хватало, и у булочных по-прежнему стояли огромные очереди.

Второго августа разъяренной толпой был убит помощник мэра маленького городка Сен-Дени, близ Парижа. Он имел неосторожность на людях сказать: «Не следовало бы продавать хлеб этим канальям по два соля за ливр».³⁵ Его загнали на колокольню приходской церкви, там закололи и у мертвого отрубили голову. Следствием были привлечены к ответственности 39 человек, среди них большинство (21 человек) составляли наемные рабочие.³⁶

В парижских очередях стали поругивать новые городские власти, иногда доставалось и «герою двух полушарий». На улице Ферронри арестовали кровельщика, который громогласно обвинял Лафайета в составлении заговора с целью повышения цен на хлеб. «Это предатель, он готовит себе виселицу, и он ее получит», - говорил рабочий.³⁷ Стояние в очередях выводило людей из себя. И все же в ту пору гнев простого люда: рабочих, розничных торговцев, ремесленников, мелких служащих - обращался в большей степени не против новых властей, а против дворянства, духовенства, придворной партии. Очень характерную в этом отношении петицию направили Учредительному собранию (которое они по старинке называли Генеральными Штатами) рыночные торговки Парижа. Под их диктовку писарь Жосс писал: «Книготорговцы Пале-Рояля и прочие люди, торгующие мыслями, что поставляют нам бумагу для упаковки масла, прислали нам... телегу книг, писанных по белому или вроде того... Везде говорится о Генеральных Штатах и всяких других подобных же штуках, мы хотели было разобраться во всем, что поют эти тарабарские писания, и тем самым быть в курсе спора. Но у нас нет времени, чтобы копаться во всех этих бумаженциях..., и мы послали за г-ном Жоссом... Это умный парень: читает как букварь, а счета наши ведет - сам Король лучше бы не смог... В общем этот достойный человек, разобравшись во всем бумажном муравейнике, нам объяснил, что судейские крючкотворы, финансисты, попы и краснопятые аристократы упорно хотят вывести из себя бедняков, которых они в насмешку зовут третьим сословием, и поставить их, как бывало, пинком под зад на место, они хотят обойти и обмануть тех, кто их кормит и одевает с головы до ног. Мы узнали также, что они дошли до того, что тысячами дьявольских уловок принудили короля сделать ложный шаг, и в том черном деле были поддержаны придворной блудницей, бонной детей Королевы... Кто эта львица растрат, худшая во всем королевстве? Конечно же, мадам Полиньяк...»³⁸

Чтобы спасти короля от зловредного влияния «австрийской партии» и всей придворной клики и одновременно заявить протест против хронической нехватки хлеба, 5 октября колонны парижан отправились в Версаль.

Измученные голодом, трудом, нищенским бытом, страхом перед местью аристократов в случае их победы, рабочие, бедные ремесленники, мелкие торговцы и, пожалуй, в еще большей степени их жены не могли больше терпеть. Восстание 14 июля в их повседневной жизни ничего не переменяло. Изменение политической ситуации не повлияло и не могло повлиять в столь короткий срок на экономическую жизнь страны. Но были заложены важные предпосылки для продолжения борьбы, для отстаивания своих экономических интересов в рамках нового буржуазного порядка, для которого свободное противоборство различных экономических и политических сил является одним из основополагающих принципов. К дальнейшей борьбе звали и новые вожди из «патриотов». Марат, Демулен, Дантон, редактор популярной газеты «Revolutions de Paris» Лустало пропагандировали идею похода на Версаль. Король должен быть в Париже, на разные лады повторяла демократическая пресса в начале осени.

Последний сигнал к выступлению дала сама контрреволюция. В Версале 1 и 3 октября были устроены празднества в честь роялистски настроенных офицеров Фландрского полка. Во время банкета в порыве верноподданнических чувств офицеры срывали трехцветные национальные кокарды и на их место прицепляли белые королевские. Особой враждебностью к революции отличался отряд королевских телохранителей.

Слухи об этих контрреволюционных демонстрациях взбудоражили парижский простой люд.

Ранним утром 5 октября неизвестные лица ударили в набат.³⁹ Приблизительно в это же время на одном из парижских рынков большая толпа женщин собралась вокруг маленькой девочки, которая громко стучала в барабан, висевший у нее на шее, и пронзительным голосом жаловалась на нехватку хлеба. Скопление народа, и особенно женщин, наблюдалось и в Сент-Антуанском предместье. Эти толпы как-то организовались и двинулись к ратуше. Чины городской администрации оказались захваченными врасплох. Женщины с парижских рынков и из предместий ворвались в ратушу, требуя оружия и боеприпасов. Не получив желаемого, они отправились на Гревскую площадь. Там к ним присоединился С.Майар, один из героев 14 июля, с отрядом «волонтеров Бастилии». Сопровождаемая этим отрядом пестрая колонна рыночных торговек, жен работников и даже «женщин из общества» двинулась в Версаль.

Запыленные и усталые, к вечеру они добрались до Версаля. Изумленным депутатам Национального собрания пришлось выслушать резкую петицию, зачитанную Майаром. Смысл ее сводился к двум требованиям: обеспечить снабжение столицы хлебом и наказать королевских телохранителей за оскорбление национальной кокарды. Депутаты один за другим уверяли, что эти требования будут выполнены.

Тем временем в Париже на Гревской площади собрались отряды национальной гвардии. Лафайет, выгадывая время, произносил длинные речи. Однако в конце концов он под давлением собственных подчиненных отдал приказ, и национальные гвардейцы отправились в Версаль. Прибыв на место, они прекратили столкновения между дворцовой охраной и парижским людом. Но ситуация продолжала оставаться взрывоопасной. Национальные гвардейцы, хотя и стремились избежать кровопролития, были настроены решительно. Они не хотели возвращаться в Париж без короля. Работники же, особенно подмастерья-слесари, прямо говорили, что «если король не поедет в Париж, а все его телохранители перебиты, то голову Лафайета надо будет вздернуть на пику».⁴⁰

С целью утихомирить народные страсти король и королева в сопровождении Лафайета вышли на дворцовый балкон. Толпа восторженно приветствовала монарха, и в то же время из 50 тысяч глоток единым дыханием вырвался крик: «В Париж!»

Спустя некоторое время по дороге из Версаля двигались королевские экипажи с эскортом из национальной гвардии и торжествующих парижанок.

Походом на Версаль, существенным образом повлиявшим на расстановку политических сил в стране, по существу заканчивается первый этап революционной активности парижского простонародья. Редкие самостоятельные выступления рабочих в этот период революции не имели сколько-нибудь серьезного влияния на ход событий. На судьбы страны работники могли влиять, только действуя совместно с массой мелкособственнических элементов городского населения.

2. 1789-1792: ПРИОБЩЕНИЕ к ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ

Революция шла полным ходом. Структуры государства и гражданского общества стремительно обретали буржуазный характер. Классовость законодательной деятельности Национального собрания была совершенно однозначной. Контраст с двойственной, постоянно колеблющейся политикой абсолютной монархии получался разительный.

В ходе революционных преобразований радикальнейшим образом решался конфликт между государственной властью и гражданским обществом. Механизм противоборства заменялся механизмом четкого взаимодействия, а в структурном плане - механизмом органического взаимопроникновения.

В рамках «старого порядка» буржуазия вынуждена была искать формы объединения в неполитических организациях: академиях, масонских ложах, различного рода культурных и научных обществах. Воздействие на принятие политических решений осуществлялось опосредованно - через парламенты, легальную и подпольную печать, путем целенаправленного коррумпирования госаппарата. Все это - каналы ненадежные и малоэффективные. К тому же окончательное принятие решения в любом случае ускользало от контроля буржуазии.

Часть буржуазных элементов продолжала входить в корпорации, другая часть относилась к дворянскому сословию. И первые и вторые использовали специфические, традиционные формы диалога с королевской и местной властью. Общность интересов буржуа впервые совершенно отчетливо выявилась в ходе составления наказов и выборов в Генеральные Штаты. До этого сам характер политической системы «старого порядка» предопределял выпячивание на первый план противоположных частных интересов различных региональных, профессиональных, сословных, конфессиональных группировок буржуазии.

Захват государственной власти в 1789 г. способствовал консолидации буржуазии как класса. Противоречия внутри буржуазии не исчезли, но они были теперь сведены в систему, значимость их в глазах самих буржуа на время упала. Буржуазия в 1789 г. как единое целое противостояла двум бывшим первым сословиям и королевской власти. Это принципиальное и общенациональное противоборство объединяло буржуа и сглаживало их внутриклассовые противоречия, частный характер которых был теперь очевиден.

Первичные собрания избирателей, муниципалитеты, дистрикты, департаментские власти, Национальное собрание - все эти взаимосвязанные органы, составляющие государство и его гражданскую основу, находились в 1789 г. под контролем буржуазии, более того, буржуазия составляла их плоть и мозг.

Дворянство с формально юридической точки зрения также служило социальным наполнителем этой системы. По своему имущественному положению подавляющее большинство членов этого бывшего сословия обладало избирательными правами, могло входить (и, следует отметить, входило) в муниципалитеты, законодательный корпус и другие органы новой власти. Казалось бы, овладев правилами новой политической игры и используя свое еще немалое экономическое могущество, преобладающее влияние в таких государственных институтах, как армия, полиция, большинство министерств, дворянство могло вполне успешно отстаивать свои интересы. Но как в рамках «старого порядка» формирующийся класс буржуазии, играя по правилам, неизбежно проигрывал дворянскому сословию, так и в новых условиях распадающегося дворянского сословие должно было с наименьшей неизбежностью проигрывать классу буржуазии.⁴¹ В итоге дворянство сделало ставку не на включение в буржуазную политическую систему, а на реставрацию прежней дворянско-абсолютистской. Главным инструментом реставрации, ее основной движущей силой должна была послужить королевская власть. Из потрясений первого года революции королевская власть по сравнению с другими политическими институтами «старого порядка» вышла с наименьшими потерями. Полномочия короля оставались чрезвычайно широкими: право приостанавливающего на срок двух легислатур вето, неограниченное право назначения министров, наконец 25-ти миллионный гражданский лист. Глава обновленной французской монархии обладал властью, серьезно урезанной с точки зрения самодержца абсолютистского государства XVIII в., но почти безграничной с точки зрения конституционного монарха XIX в.

Перед лицом столь мощной исполнительной власти, к тому же постоянно подталкиваемой дворянством к государственному перевороту, лидеры буржуазии чувствовали хрупкость создаваемой ими политической системы. Именно поэтому буржуа не могли добиваться полной нейтрализации народных масс, обеспечивших победу нового порядка 14 июля и закрепивших ее походом на Версаль 5-6 октября. Складывалась противоречивая ситуация: с одной стороны, нормальное буржуазное хозяйствование требовало на раннем этапе развития капитализма устранения народных масс с политической арены, с другой стороны, поддержка крестьянства и плебейских элементов города была совершенно необходима буржуа. Это объективная двойственность отношения политических кадров буржуазии к мелкому люду обусловила целый ряд колебаний и непоследовательностей в деятельности Учредительного, затем Законодательного собраний и других новых органов власти.

Благодаря походу на Версаль, повлекшему за собой переезд королевской семьи и Учредительного собрания в Париж, перевес сил в пользу буржуазии обозначился довольно явно. Тут же значение поддержки парижского мелкого люда стало падать в глазах либералов-конституционалистов, ведущей политической силы в Учредительном собрании и в стране. Среди буржуа-патриотов высказывалось даже мнение, что общественную активность простолюдинов следует уже не канализовать в нужное русло, а полностью прекратить. Следуя этой логике, уже к концу 1789 г. рабочих и массу мелких собственников вновь вытеснили из сферы большой политики. Под тем предлогом, что они не платят налогов, декретами октября-ноября 1789 г. их отстранили от участия в выборах во все местные и центральные органы власти.

В то же время, исключив рабочих и прочих бедняков из «*peys legal*», политические деятели буржуазии отнюдь не решили предоставить массу неимущих самим себе. По мысли не только демократов, но и либералов-конституционалистов, просвещение и политическое воспитание должно было в перспективе превратить простонародье из союзника спонтанного, малоуправляемого и потому опасного в дисциплинированную армию буржуазии, беспрекословно исполняющую ее волю при решении как хозяйственных, так и политических проблем. Но в подходе к политическому воспитанию масс между либералами и демократами имелось существенное различие. Первым оно виделось как постепенный, очень длительный процесс, в котором либералы отводили себе роль пастырей-культуртрегеров, а «темным» массам - роль пассивных слушателей. Демократы больше полагались на обучение на практике, практика же, по их мысли, должна была не только обеспечить просвещение масс, но и привести самих демократов к власти. Для них политическая активность народа являлась одним из важнейших условий их собственного политического триумфа.

После событий 5-6 октября обстановка в Париже несколько разрядилась. С ноября улучшилось снабжение города хлебом. В то же время укрепившиеся новые власти беспощадно стали расправляться со всеми попытками волнений. С одной стороны, репрессии, закон о военном положении вселили страх и неуверенность в недовольных; с другой стороны, во многих крепко сидела уверенность, что Учредительное собрание сделает все необходимое для всеобщего благоденствия.

Власти, юридические порядки были новые, для рабочего же человека мало что изменилось.

Оттесненные в духовное гетто сугубо материальных интересов, рабочие, даже подавая робкие протесты против полного политического бесправия, подчеркивали свою абсолютную лояльность по отношению к Учредительному собранию и новым вождям нации. В петиции рабочих Сент-Антуанского предместья от 13 февраля 1790 г., в которой униженно излагалась просьба даровать неимущим гражданам право голоса и одновременно обложить их прямым налогом в 35 ливров в год (уничтожив при этом косвенные налоги), не раз повторялись заверения наподобие следующего: «Ваши законы для нас —

оракулы самой мудрости» или «Если ваша мудрость сочтет нужным благоприятно отнестись к нашей просьбе, мы будем счастливы... Если произойдет обратное, законодатели, наше непоколебимое усердие будет лишь более активным и более гражданственным; вы всегда увидите в нас своих усерднейших защитников».⁴³ В другой петиции от 9 сентября 1790 г. рабочие Сент-Антуанского предместья заявляли о своей преданности «собранию, королю, всем гражданам и военным начальникам и особенно генералу Лафайету».⁴⁴

И тем не менее в период с конца осени 1789 г. до лета 1791 г. революционный процесс вовсе не остановился для рабочего люда, хотя и замедлился.

В некоторых городах провинции рабочих допускали в национальную гвардию. Первоначально многие из них вошли в ее ряды по той простой причине, что дни, затраченные на патрулирование города, оплачивались как рабочие (во всяком случае так обстояло дело в государственных военно-морских арсеналах). Ходить с ружьем по улицам, как им представлялось, было менее утомительно, чем стоять у станка или верстака. Но не только сугубо материальные мотивы привели работников в национальную гвардию. Многим казалось, что революция дала им шанс, наконец, вырваться из рутины повседневности, шагнуть в иную жизнь, и тогда вступление в национальную гвардию обретало уже политический, мировоззренческий смысл. Отсюда становится понятным, почему рабочие не только несли патрульную службу, но и с готовностью отправились впоследствии в опасные походы в Вандею и Бретань на подавление мятежей.⁴⁵

С июля 1789 г. у многих рабочих, во всяком случае парижских, сложилось понимание возможности воздействия на политическую ситуацию с целью улучшения своего экономического положения. Несравнимой с эпохой «старого режима» была информированность рабочих. Завоеванная в ходе революции гласность стала достоянием не только буржуазии, но и неимущего люда (хотя и в гораздо меньшей степени). Помимо официальных и роялистских органов прессы, широкое распространение имела демократическая печать, которая не могла не доходить до рабочих. Безобидные альманахи, календари, песенники, попадавшие в руки даже самых бедных горожан, после 1789 г. в значительной своей части обрели политическое содержание. Авторы-демократы, а среди них были такие люди, как Колло д'Эрбуа, С.Марешаль, Ш.-Э.Руи, распространяли через эту народную литературу свои взгляды.⁴⁶

Особую роль в политическом воспитании плебейских масс Парижа играл «Клуб прав человека и гражданина», более известный под именем клуба Кордельеров. Чтобы являться его членом, достаточно было уплачивать 2 су в месяц, но на заседания допускались и вовсе неимущие, у которых не было возможности уплатить даже эту скромную сумму.⁴⁷ В хартии Кордельеров, принятой 27 апреля 1790 г., говорилось, что согласно своей главной цели клуб должен выявлять злоупотребления властей, вскрывать различные нарушения прав человека и подвергать их суду общественного мнения.⁴⁸

Весной 1790 г. в Париже возникло первое «братское общество» - объединение, еще более демократическое по своему составу, чем клуб Кордельеров. Его основал безвестный учитель пансиона К.Дансар, который стал собирать в библиотеке монастыря якобинцев (там же, где заседал и Якобинский клуб) «ремесленников и разносчиков фруктов и овощей своего квартала с их женами и детьми, чтобы читать и объяснять декреты Национального собрания».⁴⁹ Лишь 21 ноября, на десятый месяц существования «братского общества», одна из парижских газет поместила о нем заметку. К тому времени были созданы еще два объединения подобного рода: «Общество друзей секции Библиотеки» и «Общество победителей Бастилии». К лету 1791 г. таких обществ в Париже насчитывалось уже более десяти⁵⁰; получили они распространение и в провинции. По подсчетам французских историков, в городах Франции к 1792 г. от 2 до 8% мужского населения было охвачено сетью этих демократических организаций.⁵¹

В Париже в большинстве своем они следовали политической линии клуба Кордельеров. А именно на заседаниях этого клуба подвергались критике кумиры, ниспровержения которых требовал дальнейший ход развития революции. Когда Лафайет подал в отставку с поста главнокомандующего национальной гвардией Парижа, многие секции обратились к нему с петициями, умоляя остаться. Кордельеры осудили сервильный дух этих петиций, неразумное превозношение достоинств честолюбивого генерала. Они не простили другому лидеру либералов-конституционалистов Барнаву его выступления в защиту сохранения рабства в колониях. «Клуб прав человека» поддержал суровые филиппики Ж.-П.Марата против О.-Г.-Р.Мирабо, обвинившего великого трибуна в продажности и предательстве.⁵² Благодаря демократической прессе и «братским обществам» сказанное на заседаниях клуба Кордельеров расходилось по всему Парижу. Закрадывавшиеся в умы простолюдинов сомнения находили подтверждение и поддержку. Незыблемые еще недавно авторитеты подвергались эрозии. Путь оказывался свободным для дальнейшей радикализации сознания, для поиска новых лидеров.

«Братские общества» и клубы являлись не только центрами пропагандистской деятельности. Постепенно они все более обретали значение организующего начала народного движения. Те члены или даже лидеры обществ, которые хотели ограничиться политико-просветительской работой, оказывались вне их рядов. Так, К.Дансар в марте 1791 г. был вынужден выйти из организации, им самим созданной.⁵³ Избавлялись демократические организации и от людей, в том числе неимущих, которые либо за деньги, либо в силу прочно укоренившихся иллюзий, либо просто мечтая о возвращении общесгвенного спокойствия поддерживали Лафайета и других «умеренных». Проводя большую чистку своих рядов в декабре 1790 г., «Общество победителей Бастилии» прямо объявило, что эта чистка направлена против тайных агентов Лафайета.⁵⁴

В мае 1791 г. под председательством редактора газеты «Mercure National» республиканца Ф.Робера был создан «Центральный комитет народных обществ». В середине июня ЦК обратился к Национальному собранию с адресом, в котором потребовал отменить деление граждан на «активных» и «пассивных»; адрес подписали председатели 13 «братских обществ».⁵⁵

В основе объединения людей в «народных обществах» лежали два принципа: территориальный и политический. В каждое общество входили преимущественно граждане одного квартала. Все члены общества придерживались приблизительно одних и тех же политических взглядов.

В ту пору политическими кумирами парижского простонародья, в том числе объединенного в «братских обществах», были Мирабо, Робеспьер и Марат. Характеризуя этот политический синкретизм народных масс, Ж.Жорес писал: «В своем революционном сознании, более широком, чем все партии со всей их ненавистью, народ примирял все силы Революции: Мирабо, Робеспьера, Марата. Народные общества ставили бюст «неподкупного» Робеспьера рядом с бюстом Мирабо, обвиненного в продажности...»⁵⁶

По своему социальному составу «братские общества» не являлись рабочими организациями, в них преобладали ремесленники, мелкие лавочники, бедные служащие, неимущие интеллигенты, рабочие составляли лишь более или менее значительное меньшинство. Притом нельзя сказать, что работники по своим политическим и экономическим устремлениям представляли собой в этих обществах какую-либо особую группировку. Во всяком случае никаких данных о самостоятельной роли наемных рабочих в демократических организациях не сохранилось. Можно предположить, что в 1790-1791 гг. из рабочей среды выделились активные элементы, которые все свои надежды на улучшение жизни связывали с дальнейшим развитием революции, но многие люди этой категории оказались столь вовлеченными в бурю политических страстей, что их собственные экономические интересы или забывались или оттеснялись на второй план. Для революционеров из простонародья особенно была свойственна нравственно-этическая позиция, которую можно обозначить как альтруистический индивидуализм.

После событий 5-6 октября 1789 г. вплоть до февраля 1791г. Париж не знал вспышек массового народного негодования.

Процесс изменения политического сознания плебейских элементов осуществлялся без эксцессов, мирно и «разумно». И казалось, он затрагивал лишь небольшую часть граждан из трудовых доев населения. Так, молодой Н.М.Карамзин, путешествовавший в 1790 г. по Франции, писал: «Не думайте однако ж, чтобы вся нация участвовала в трагедии, которая играется ныне во Франции. Едва ли сотая часть действует, все другие смотрят, удят, спорят, плачут или смеются, бьют в ладоши или освистывают, как в театре».⁵⁷ Быт и сознание широких масс, казалось, очень мало изменились в начальный период истории революции. Монархические чувства французов оставались внешне прежними. Более того, Людовик XVI был даже популярен. С этим считался даже столь отважный человек, как Марат, не боявшийся выступать против самых различных «святых» и широко распространенных политических предрассудков. В феврале 1791 г., склоняя голову перед народным мнением, он писал о Людовике XVI: «По большому счету это именно тот король, что нам нужен. Мы должны благодарить небо за то, что оно нам его даровало».⁵⁸

Борьба с королевской властью в 1790 - первой половине 1791 г. часто принимала завуалированные формы.

Нередко политический расчет, тонкий политический ход очень трудно отличить от искренних мнений и поступков людей. Вплоть до весны 1791 г. демократы редко осмеливались открыто выступать против института королевской власти и лично против Людовика XVI: их борьба приняла форму своеобразной заботы о короле. К стремлению максимально ограничить (в том числе путем народной «заботы») свободу действий короля примешивалось искреннее беспокойство демократов, что король может быть похищен аристократами и его имя и он сам будут использованы в контрреволюционных целях. Зимой 1790/91 г. эти опасения уже широко разделялись парижским населением.

В феврале 1791 г. распространился слух, что главная башня Венсеннского замка соединена с Тюильри подземным ходом, который будет использован для похищения или побега (возникло уже и такое подозрение) короля.⁵⁹ Рабочий люд Сент-Антуанского предместья стал упорно поговаривать о необходимости разрушить эту «проклятую башню».

Более тысячи рабочих под командованием офицера национальной гвардии пивовара Сантера отправились 28 февраля в Венсенн. Но Лафайет с отрядом в 1200 человек воспрепятствовал разрушению донжона. В качестве главнокомандующего национальной гвардии он подверг Сантера дисциплинарному наказанию; 64 участника похода на Венсенн были арестованы.⁶⁰

В наэлектризованной атмосфере революции ощущение опасности охватило не только рабочих. В тот же день, 28 февраля, встревоженные слухами о готовящемся нападении патриотов на королевскую семью, в Тюильри явились 400 молодых дворян, вооруженных кинжалами. Лафайет, как последовательный либерал, подавив народное выступление, теперь обрушился на контрреволюционеров. Он заставил дворян сдать оружие и уничтожил его во дворе дворца. История с «рыцарями кинжала» еще более укрепила народные подозрения по поводу готовящегося бегства или похищения короля. Демократическая пресса, и прежде всего «L'Ami du peuple» Марата, не давали этим подозрениям рассеяться. Весной 1791 г. все меньше говорили об угрозе похищения короля и все больше о его планах бегства.

18 апреля 1791 г. народ и национальные гвардейцы не выпустили из Парижа королевское семейство, собравшееся присутствовать на пасхальной мессе в Сен-Клу. Не помогли и уговоры Лафайета. Ему отвечали бранью и заявляли, что королю не дадут уехать.

Помимо постоянно просачивавшихся новых сведений о действительно готовившемся бегстве королевского семейства плебейство Парижа весной и в начале лета 1791 г. волновали нехватка звонкой монеты и развивавшаяся на этой почве спекуляция. Так, утром 3 июня 1791 г. несколько женщин и около 150 рабочих столпились на тротуаре улицы Вивьен, почти напротив пассажа Радзивил, где по вечерам большие деньги спускались в бириби, модную в то время азартную игру. Рабочие возмущались: их труд оплачивался ассигнатами⁶¹, которые невозможно было реализовать по их номинальной стоимости, проходимцы же из пассажа Радзивил загребали звонкую монету, а потом ее продавали несчастным, живущим честным трудом. Услышав эти жалобы, человек в серой с красным куртке и помятой шляпе предложил: «Так как муниципалитет и национальная гвардия ни черта не делают, надо самим навести порядок, разнести воровскую лавочку, - с этими словами он поднял над головой трость. - И если за мной последуют, я готов встать во главе, выгнать всех мерзавцев и вздернуть их, если они вздумают сопротивляться». Какой-то кожевник возразил энергичному незнакомцу, что это неподходящий способ добиваться справедливости, лучше обратиться к законным властям и донести им на мошенников. Большая часть рабочих с ним согласилась.⁶²

В Пале-Рояле, продолжавшем в 1791 г. играть роль общественного центра Парижа, постоянно говорили о финансовых аферах и спекуляции на ассигнатах.⁶³ Но более всего парижан беспокоил все-таки вопрос о готовящемся бегстве короля. Именно по этому поводу разгорались особенно жаркие споры. Иной раз дело доходило почти до потасовок. Одни утверждали, что все это чепуха, ложные слухи, король никуда не собирается уезжать.

Другие им тут же отвечали, что так могут говорить только люди, купленные Лафайетом.⁶⁴

Хотя современники с достаточным основанием говорили про Людовика XVI, что он «обладал храбростью женщины в момент, когда она рождает»⁶⁵, и сколько бы ни было серьезное решение королю было принять всегда чрезвычайно трудно, 20 июня 1791 г. Людовик XVI все-таки решился на отчаянный поступок: он попытался тайно покинуть столицу королевства. Немного в истории найдется государственных деятелей, которые совершили бы шаг, столь же катастрофический для своего дела и для своей собственной судьбы.

Утром 21 июня три артиллерийских выстрела оповестили парижан о бегстве короля. Улицы вскоре оказались заполненными возбужденной толпой. В местах наибольшего скопления людей появились отряды национальной гвардии. Демократические клубы, общества, секции заседали почти непрерывно.⁶⁶ В некоторых секциях начали раздавать оружие рабочим и зачислять их в национальную гвардию. Пассивные граждане пытались и самовольно захватывать оружие.⁶⁷

Те же парижские работники, которые совсем недавно, в марте 1791 г., выражали искреннее беспокойство по поводу здоровья приболевшего тогда короля, теперь отпускали в его адрес нелестные выражения. От былой популярности вмиг не осталось и следа. Вполне в унисон с настроением парижского плебейства 22 июня Марат писал в своей газете: «С двух точек зрения Людовик XVI недостоин вновь вступить на трон: он либо опасный идиот, который должен быть низложен, либо опасное чудовище, которое надо задушить, если только хотят обеспечить общественную свободу и благо народа».⁶⁸

Клуб Кордельеров на заседании 22 июня принял составленный Ф.Робером адрес к Учредительному собранию с требованием «либо провозгласить немедленно, что Франция больше уже не монархия, что она республика, либо по крайней мере подождать, чтобы все департаменты, все первичные собрания высказались по этому важному вопросу, прежде чем во второй раз ввергнуть прекраснейшее государство в мире в оковы и цепи монархизма».⁶⁹ Создававшаяся обстановка впервые за время революции позволила Роберу и его единомышленникам перейти от абстрактной пропаганды на тему желательности и теоретической возможности республиканского строя во Франции к формулированию политической республиканской программы.

И все же, несмотря на недоверие лично к Людовику XVI, в среде патриотически настроенных простолюдинов, летом 1791 г. республиканцам не удалось добиться преобладающего влияния среди парижских рабочих и мелких собственников, этой мобильной массы великих дней революции. Демонстрация на Марсовом поле 17 июля 1791 г. закончилась трагически во многом потому, что муниципальные власти ощущали на своей стороне силу. Лафайету, Байи, национальной гвардии противостояло хотя и значительное, но все еще меньшинство активных участников революции (даже если принимать в расчет исключительно население Парижа). [См. Вареннский кризис: подборка документов http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_var91.pdf; Н.Владимирова. Якобинский клуб в дни вареннского кризиса лета 1791 г. http://vive-liberta.narod.ru/journal/vladm_varennnes.pdf]

В тот период большой отклик республиканские идеи нашли у безработных. Именно в июне 1791 г. Учредительное собрание приняло декрет о закрытии всех благотворительных мастерских. Лишенные каких-либо средств существования безработные пытались протестовать. Но Учредительное собрание осталось глухо к их просьбам и угрозам. Находившиеся в совершенно отчаянном положении люди были поддержаны только демократами из клуба Кордельеров. К.Демулен представил одну из петиций рабочих благотворительных мастерских в Учредительное собрание: другая петиция была составлена при содействии «Центрального общества искусств и ремесел» - организации, присоединившейся к клубу Кордельеров.⁷⁰ Не случайно поэтому во время демонстрации на Вандомской площади, в которой приняли участие многие безработные, раздавались республиканские выкрики.⁷¹

Политическая программа Кордельеров встретила понимание и среди рабочих, не лишенных регулярного заработка. Сколь ни скромной и робкой являлась поддержка этим клубом экономической борьбы парижских работников, она была единственной, а потому очень заметной и значимой в глазах бастовавших рабочих.⁷² Внимание демократов к народным нуждам в значительной степени обусловило одобрение рабочим людом их политической программы.

Петиция, составленная клубом Кордельеров и возложенная 17 июля на «алтарь отечества» на Марсовом поле для сбора подписей, содержала в себе основные моменты этой программы. До того как для расправы с республиканской демонстрацией прибыла национальная гвардия, поставили свои подписи около 6 тыс. человек. Авторы-составители «Парламентской истории французской революции» Ф.Бюше и Р.-К.Ру свидетельствуют, что значительная часть подписей явно принадлежала малограмотным людям; множество крестов на ней оставили и вовсе неграмотные.⁷³ И первая, и вторая категории лиц с наибольшей вероятностью относились к миру физического труда. Сохранившиеся отрывочные данные об убитых и арестованных на Марсовом поле также указывают на значительный процент рабочих в числе демонстрантов.⁷⁴ Характерно, что кое-кому из арестованных демонстрация на Марсовом поле виделась как рабочее выступление. Один чистильщик обуви, описывая сопротивление, оказанное вооруженной силе, говорил исключительно о рабочих. Арестованный портной обвинял национальную гвардию, что она стреляла по рабочим, как по птицам.⁷⁵

События на Марсовом поле еще долго служили предметом споров и столкновений. Даже во вполне приличном кафе говорили, что во всем происшедшем виноваты муниципалитет и командующий национальной гвардией.⁷⁶ Простонародье вообще не стеснялось в выражениях, высказываясь о предательских «синих мундирах». В начале августа в предместье Сент-Антуан арестовали владельца кабачка за рассуждения на тему, какие скоты национальные гвардейцы, раз они слепо повинуются своим начальникам. Три месяца спустя в тюрьму посадили грузчика-посыльного приблизительно за такого же рода высказывания.⁷⁷

Расстрел на Марсовом поле, с одной стороны, обнаружил, что перевес сил все еще сохранялся за либеральными монархистами, с другой стороны, он ускорил их крах как политической партии.

Лафайет и другие либералы-конституционалисты (фейяны) уже давно не пользовались особыми симпатиями у парижских рабочих и мелких собственников, теперь же, после расстрела безоружной демонстрации, их имена вызвали откровенную ненависть. Былое третье сословие оказалось расколотым не только по социально-экономическому, но и по политическому признаку.

Недовольство установленными властями с логической последовательностью подталкивало людей с большим вниманием отнестись к политическим оппонентам Лафайета, Байи и их единомышленников. Увеличивалось число республиканцев, их пропаганда находила все более сочувственный отклик. Наряду с голосами известных сторонников республиканского строя: Робера, Демулена, Кондорсе - теперь раздавались голоса десятков их недавно обращенных последователей.

В первые годы революции у французов и особенно парижан быстро сложилась привычка высказывать вслух свое мнение по любому политическому вопросу. И вот летом и осенью 1791 г. на улицах Парижа, в садах Пале-Рояля и Тюильри, в парижских кафе все чаще стали звучать республиканские речи. Власти были бессильны бороться с этой спонтанной и даже непреднамеренной агитацией. О случаях подобной агитации то и дело помещала сообщения газета «Babillard».

В Сент-Антуанском предместье расклеивались листовки, в которых неизвестный автор призывал народ повесить короля, королеву и все их семейство. Полиции удалось арестовать расклейщика. Им оказался юный ученик сапожника, которому поручил распространять листовки его хозяин. В одном из кафе республиканские идеи стал развивать депутат колониального собрания острова Гаити, но завсегда на него зашикали, и он вынужден был ретироваться⁷⁸. По-иному развивались дискуссии на улице, где нередко в них вмешивались рабочие. Осенью 1791 г. явно обозначился переход значительной части парижских рабочих на позиции республиканизма. В этом отношении характерна сценка, описанная газетой «Babillard». События развернулись перед листовкой «Крик петуха», имевшей либерально-монархическое содержание. Кто-то из «добропорядочных граждан» отметил, что «петух» может уже не столь усердствовать, защищая монархию, республиканцы более не смеют высовываться. Ему тут же возразил человек в круглой шляпе и с коротко подстриженными волосами: «Республиканизм в сердцах всех патриотов, штыки принудили его скрыться, по это ненадолго (В это время к говорившим приблизилась большая группа рабочих.) Я отлично понимаю, почему активные граждане любят «петуха» и короля. Монархия защищает состояния и предохраняет от народных выступлений. Но что за дело неимущим до правительства, которое заботится лишь о сохранении собственности, для них его деятельность бесполезна, а час! о и опасна. Большинство людей отнюдь не являются собственниками, но суверенитет осуществляет именно большинство. Мы хотим правительства, которое поделило бы богатства между всеми людьми и на всех жителей страны в равной степени возложило бы общественные обязанности. Подобное может дать только Республика. Те, кто отстаивают монархию, - враги народа и равенства». Воодушевленный этими словами подросток протянул руку, чтобы сорвать афишу «Крик петуха», но ему помешали, а на оратора даже кто-то замахнулся тростью. Республиканца загородили рабочие. Случайно оказавшийся вблизи патруль национальной гвардии предотвратил столкновение.⁷⁹

На споры и раздумья о государственном устройстве Франции, об экономическом положении, об отношении к королю осенью 1791 г. все больший отпечаток стало накладывать ощущение неизбежности войны.⁸⁰ Либералы-конституционалисты, сторонники фейянов обвиняли демократов, что именно их бунтовщические взгляды вызывают опасения европейских дворов и принуждают монархов начать превентивную войну, пока «революционная зараза» не перекинулась на их страны. Характерно в этом отношении высказывание одного либерала, который прямо выводил угрозу войны из республиканской агитации в среде рабочих.⁸¹ Сами же рабочие ожидали войну со смешанным чувством гнева и страха.

Осень и первая половина зимы 1791/92 г. прошли спокойно. Рабочие по-прежнему жаловались на нехватку серебряной монеты, поругивали национальную гвардию. Изменилось разве что отношение к войне. Воинственную декларацию лидера жирондистов Бриссо, произнесенную 20 октября в Законодательном собрании, многие восприняли с энтузиазмом.⁸² Спекуляция на чувстве национальной гордости приносит подчас большие политические дивиденды, но в то же время это один из самых опасных видов спекуляции, ибо он прямым путем ведет к войне.

Осенью 1791 г. воинственные настроения начали охватывать все большие массы населения, особенно в городах. Сильные личности из правящих классов помышляли об экономических выгодах, территориальных приобретениях, удовлетворении личных амбиций. Простые же люди, в том числе рабочие, думая о свободе своей Родины, о защите очага, в то же время хотели помочь бедным и обездоленным в других странах бороться против тиранов. Ни те, ни другие не догадывались, что от войны потеряют все. Среди политиков-демократов Робеспьер чуть ли не единственный считал, что интересы революции требуют не разжигания войны, а, наоборот, приложения максимума усилий для ее избежания.⁸³

Впрочем, вспышка энтузиазма осенью 1791 г. длилась недолго. Повседневные заботы заставляли даже самых воинственных бедняков забывать о героическом ради нормального удовлетворения своих простых человеческих нужд. Продолжавшееся на протяжении 1791 г. падение стоимости ассигнатов привело к серьезному обесцениванию зарплаты многочисленных категорий наемных работников. Возраставшая эмиграция дворян и духовенства вызвала хронический кризис в ряде ремесленных профессий. Непосредственным толчком к народным выступлениям в январе 1792 г. послужили перебои в снабжении столицы сахаром и кофе⁸⁴, приведшие к резкому повышению цен на эти продукты.

В предместьях Сент-Антуан, Сен-Марсо, Сен-Дени, в секциях Гравилье и Бобур женщины из простонародья врывались в магазины, заставляли торговцев продавать товары по старым, низким ценам. Лишь отряды полиции и национальной гвардии сумели защитить буржуа от «народной таксации».

20 апреля 1792 г. Франция объявила «войну королю Богемии и Венгрии» (эта формула подчеркивала, что Франция собирается воевать с королевским домом Габсбургов, а не со Священной римской империей). Французские войска вступили на территорию Бельгии. Патриоты ожидали побед французского оружия и восстаний бельгийцев, но бельгийцы не восстали, а французская армия вскоре начала отступление. Даже тем, кто не читал газету Марата и не слышал речей Робеспьера, приходили в голову мысли о том, что военная неудача является следствием измены. Давно утвердившееся в общественном сознании мнение, что королева Франции - глава ненавистной «австрийской партии», не требовало дополнительных доказательств. Но теперь и Людовик XVI внушал не больше доверия. Королевская власть становилась невыносимой, нельзя было вести войну, имея во главе государства изменника.

Отступление французской армии поставило страну перед угрозой иностранной интервенции. Требовались срочные меры по укреплению государственной безопасности. Законодательное собрание под влиянием широкого общественного негодования приняло в конце мая - начале июня три декрета: о высылке неприсягнувших священников, о роспуске королевской гвардии и о создании под Парижем лагеря федератов из 20 тыс. человек. Король, уверенный в близкой победе интервентов, согласился только на роспуск своей гвардии и отказался утвердить остальные декреты. Он уволил 13 июня министров-патриотов, пользовавшихся народной поддержкой, и призвал к власти фейянов.

Зрелость гражданского сознания патристически настроенных парижан в годы революции не раз проявлялась в том, с какой легкостью и какой мужественностью они переходили от разговоров к делу. Негодование поведением двора вскоре вылилось в идею провести 20 июня массовую демонстрацию с подачей петиции Законодательному собранию и королю. С просьбой дать разрешение на подобную демонстрацию 16 июня к мэру Парижа Ж. Петиону обратилась группа граждан из секции Гобеленов. Петион, дороживший своей популярностью, не решился воспротивиться.⁸⁵

20 июня батальоны национальной гвардии Сен-Марсельского и Сент-Антуанского предместий, подмастерья с пиками, лавочники, женщины, дети прошли по улицам Парижа и передали свою петицию депутатам Законодательного собрания. А вечером демонстранты оказались в королевских апартаментах. Королю пришлось выслушать достаточно энергично выраженные требования национальных гвардейцев и простолюдинов. Раздавались возгласы: «Долой право вето! Вернуть министров-патриотов!» Коронованную особу запросто называли «толстым Луи»; время от времени демонстранты выкрикивали: «Дрожите тираны, вот санкюлоты!»⁸⁶

Прямых последствий события 20 июня не имели, если не считать неслыханного до этого в истории Франции унижения королевской власти. Последние остатки сакральности, во всяком случае в глазах парижского «мелкого люда», этот институт утерял. Многие еще чисто по-человечески снисходительно относились к королю: зная о его тяжких прегрешениях против нации, ему их не то чтобы прощали, а как бы отпускали. Приходила на ум мысль из былых времен: какой-никакой, а все-таки король. Но личностью высшего порядка его не признавал уже никто. Политически активные простолюдины, те, которых летом 1792 г. уже повсеместно стали называть санкюлотами, считали Людовика XVI тираном, клятвопреступником, человеком, виновным во многих бедствиях и поражениях Франции. И судьба короля во все большей степени начинала зависеть именно от воли санкюлотов, ибо на их стороне теперь была сила.

10 августа произошло их победоносное восстание. Был создан новый орган - повстанческая Коммуна Парижа. Она представляла собой первый институт власти, не только непосредственно порожденный народным движением, но и сохранивший с ним органические связи после победы. Начинался новый этап в развитии революции и соответственно в политической жизни рабочих, этого необходимейшего социального компонента революционного процесса. [См. подборку документов и мемуаров о восстании 10 августа http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_92_2.htm]

3. ДВИЖЕНИЕ САНКЮЛОТОВ

История народного движения в годы революции, несмотря на огромные достижения прогрессивной историографии, до сих пор содержит в себе множество белых пятен, и, возможно, часть из них не удастся заполнить никогда. Слишком мало писали о своей жизни простые люди, и слишком немного из написанного сохранилось. Тем не менее, основные вехи развития народного движения проследить все-таки можно.

Новый правопорядок, установившийся в 1789 г. благодаря восстанию парижского люда, уже в силу своего происхождения обеспечил некоторую степень легальности если не для самого народного движения, то во всяком случае для его вождей. Народным вожакам правосудие теперь угрожало в гораздо меньшей степени, чем ранее. После победы июньского восстания 1789 г. некоторые из народных вожаков обрели даже официальный статус: герои взятия Бастилии Сантер, Майар, Юлен, Фурнье Американец стали офицерами национальной гвардии. Все они в последующие дни массовых выступлений нередко оказывались во главе народа. Майар и Фурнье Американец были в числе людей, возглавлявших поход на Версаль 5-6 октября 1789 г.; Сантер повел рабочих Сент-Антуанского предместья в Венсенн в феврале 1791 г.; Майар и Фурнье сыграли активную, но, впрочем, более чем бесславную роль в сентябрьских (1792 г.) избиениях заключенных.⁸⁷

Журналисты-демократы Марат, Демулен, Робер, Лустало, Эбер занимали особое положение по отношению к движению. Являясь политическими просветителями и руководителями народа, эти интеллигенты все же не возглавляли непосредственно революционные колонны в дни восстаний и массовых манифестаций. Они хотели быть с народом, но не смешиваться с ним. Сознание духовного превосходства над массой отличало их от Сантера, Юлена, Териуан де Мирекур и других вождей из числа «неизвестных», как их удачно окрестил П.А.Кропоткин, первым из исследователей обративший внимание на эту категорию деятелей революции.

Еще далее, чем журналисты-демократы, от народного движения отстояли такие политические деятели, как Робеспьер или Мирабо. Но они постоянно приковывали к себе взгляды простых людей. Робеспьер и Мирабо обращались к буржуа, к депутатам Национального собрания, к членам закрытого, привилегированного в первые годы революции Якобинского клуба, но их речи всегда были слышимы и за стенами зала заседаний. Огромная народная аудитория впитывала их политические декларации, обсуждала, истолковывала на свой лад.

Такова структура народного движения и непосредственно к нему примыкавших политических сил в первый период революции. С 1789 до лета 1792 г. народное движение проделало огромный путь развития. Простолюдины, штурмовавшие Бастилию, боролись под лозунгами: «Да здравствует король! Да здравствует третье сословие!» Вместе с бюстом Неккера они несли по улицам Парижа бюст принца Филиппа Орлеанского. Представление о расстановке политических сил было столь же смутно, сколь и сама расстановка. Аморфной аристократической партии противостояло не менее аморфное, правда, гораздо более действенное третье сословие; королевский двор еще не успел опомниться от долгой борьбы с аристократами и лишь начал осознавать, что аристократы - его единственная реальная опора в стране. В хитросплетениях политики 1789 г. народ разбирался как бы на ощупь, почти инстинктивно. Сама сфера политики, эта специфическая сфера борьбы за власть, претерпевала кардинальное преобразование: на смену борьбе клик приходила открытая борьба классов и представляющих их партий.

В 1792 г. третье сословие было уже глубочайшим образом расколото. Облик основных буржуазных политических партий достаточно прояснился. Народное движение республиканизировалось, и уже один этот факт знаменовал собой гигантский скачок в его политическом развитии. Устранение фигуры короля делало политическую сцену гораздо более ясной и понятной. Простолюдины поддерживали ту партию, которая в наибольшей степени выражала готовность идти навстречу их требованиям. К лету 1792 г. произошло оформление движения санкюлотов как политического движения.⁸⁸ Категория «политическое движение» указывает на то, что данная форма социальной активности направлена на изменение или полное устранение существующей власти в обществе. Наиболее политически активные элементы парижского плебейства начали ставить перед собой подобного рода цели лишь после Вареннского кризиса. Республиканская демонстрация на Марсовом поле явилась первым политическим актом нарождавшегося санкюлотского движения. Характерно, что сам термин «санкюлот» получил широкое распространение лишь с середины 1791 г.⁸⁹ Но в то время это слово имело ругательное, pejоративное значение. Использовали его преимущественно сторонники аристократов и либералов-конституционалистов. Именно в этом значении слово «санкюлот» встречается на страницах газеты «Vabillard» летом 1791 г. Во время процесса над Сантером (по делу о походе на Венсенн) в июне 1791 г. ряд журналистов-демократов и народных вождей развернули кампанию в его защиту. Об одном из эпизодов этой кампании в газете сообщалось: «Балле, один из редакторов так называемого «Друга народа» Марата, призывает граждан (в саду Тюильри. - Е.К.) отправиться в четверг к зданию суда и принудить судей оправдать Сантера. Санкюлоты поддержали Балле».⁹⁰ Но революционно настроенные простолюдины, стоявшие на позициях республиканизма, в тот период еще санкюлотами себя не называли.⁹¹

По-видимому, во второй половине 1791 - первой половине 1792 г. произошел сдвиг в семантике слова «санкюлот». Pejоративное значение было потеснено, а затем и заменено значением почти сакральным. Революция имела свои святыни. Неуважительное высказывание в адрес нации, Конвента или тех же санкюлотов могло дорого стоить человеку.⁹² С весны 1792 г. о санкюлотах с огромным пиететом стала писать демократическая пресса. Именно с той поры устами папаши Дюшена Эбер начал призывать: «За пики, отважные санкюлоты! Наточите получше их и выпустите дух из аристократов!»⁹³

Народное движение обрело имя, был совершен один из первых шагов на пути к политической самоидентификации, к осознанию сущности нового исторического феномена. Но события слишком опережали процесс познания. Если обозначение новых явлений происходило почти синхронно с их рождением, то процесс их теоретического осмысления явно запаздывал. Возникал разрыв. Ряд: слово, термин, понятие - не имел завершения. Звена «понятие» не доставало. Слово не успевало обрести соответствующее ему понятие как теоретическое истолкование обозначаемого данным словом явления в значительной степени теряло смысл, ибо само явление исчезало.

Так было и с явлением санкюлотизма. Что значит слово «санкюлот», в 1792-1794 гг. знали все, теоретически же истолковать этот феномен не мог никто, а к исходу 1795 г. его уже можно было не истолковывать; движение санкюлотов стало историей.

Человек конца XX в. без труда вычленяет сферу политики - на него работает опыт двух столетий политических баталий капиталистического мира. Участникам же и очевидцам Великой французской буржуазной революции политика как специфическая сфера общественных отношений и особый тип человеческой деятельности представлялась еще довольно смутно. Существовал разрыв между практической деятельностью людей и ее осмыслением, их практическим и теоретическим разумом.

Специфика санкюлотизма как одного из важнейших элементов революционного процесса во Франции конца XVIII в. состояла в том, что он был массовым политическим движением, современники же, даже из числа политиков того времени, обращали внимание прежде всего на его социальную сущность.

Санкюлотами часто называли просто бедных людей вне зависимости от характера их политических убеждений. На заседании Якобинского клуба 29 вандемьера II года Республики член Конвента Лапланш рассказывал о своей миссии в Жер: «Священники пользовались всеми удобствами в местах своего заключения, санкюлоты же спали в тюрьмах на соломе. Первые снабдили меня тюфяками для последних».⁹⁴ По существу идентичны представлениям Лапланша о санкюлотах представления видного жирондиста, мэра Парижа в 1791-1792 гг. Ж. Петиона, который утверждал: «Когда говорят о санкюлотах, то имеют в виду не всех граждан, исключая дворян и аристократов, а лишь тех, кто ничего не имеет в отличие от всей массы собственников».⁹⁵ Человек совершенно иной ориентации, будущий глава «Заговора равных» Г.Бабеф также считал санкюлотами бедных, нищих людей.⁹⁶

Встречались и более определенные социальные характеристики. Среди городского плебейства цветом санкюлотства Эбер считал рабочих.⁹⁷

Иногда санкюлотов определяли путем противопоставления их противникам. В одном из донесений Комитету общественной безопасности описывались две партии секции Брута: первая - «санкюлотского народа», а вторая - банкиров, биржевых маклеров, толстосумов. Некто Серван в адресе Национальному Конвенту противопоставлял «отважным санкюлотам», помимо дворянства и духовенства, прокуроров, адвокатов, нотариусов, крупных фермеров, эгоистов, богатых торговцев.⁹⁸

Социально-экономические отличия санкюлотов виделись современникам гораздо более ясно, чем их политическое своеобразие. Конечно, Лапланш, Эбер, Бабеф не могли не видеть политической стороны санкюлотизма. Патриотизм санкюлотов подразумевался всегда как нечто само собой разумеющееся. Казалось, что человек из народа не может не быть патриотом, сторонником революции. Но совершалась невольная передержка - патриотизм отождествлялся с санкюлотизмом. Получалось, что санкюлоты - это просто последовательные республиканцы из простонародья, и каких-либо идей, отличных от идей якобинцев, они не имеют. Более того, союзники из числа буржуазных политиков воспринимали в 1792 - первой половине 1793 г. специфические установки формировавшейся санкюлотской идеологии как установки, чуждые духу народа, духу санкюлотизма. Якобинцам-роеспьеристам как никакой другой политической группировке времен Великой революции была свойственна иллюзия, что истинные нужды и стремления народа лучше всех (в том числе лучше самого народа) понимают именно они, якобинцы. Санкюлотов признавали в качестве особой социальной группы, но не особого политического и идеологического течения.

Единой и неделимой республике должна была соответствовать единая и неделимая нация.

Но как часто бывает, идеологические мифы навязывали одно видение мира, а реальность прорывалась сквозь них совсем в ином обличье. Часть людей из народа осталась в стороне от революционных событий, часть - поддержала контрреволюцию. Пассивный консерватизм 1789-1791 гг. обернулся в 1792-1793 гг. пожаром гражданской войны в Вандее, мятежами Лиона, Тулона, Марселя и многих других мест. Крестьяне, ремесленники, лавочники, рабочие оказывались на стороне роялистов.

Якобинцы были с народом, но со своим, санкюлотским народом. «Revolutions de Paris», газета, близкая по духу установкам Робеспьера, весной 1793 г. в определенной степени отграничивала санкюлотов от остального народа и даже, более того, выдвигала обвинения против «ложных санкюлотов». В одном из мартовских номеров 1793 г. на ее страницах говорилось о бедствиях Франции: «...кажется, все силы объединились, чтобы заставить народ отдаться первому же авантюристу, который захочет им овладеть. О дьявольское наваждение! Что? Неужели у нас будет... нет сил закончить фразу, написать это кощунственное, мерзкое, богопротивное слово! Нет! Этого не будет... Не так ли. отважные санкюлоты?... Вы совершили революцию, вы ее защитите и завершите, несмотря на все происки королей, министров, дворян, священников, богатых эгоистов, всяких ничтожных и нейтральных людишек, ложных санкюлотов, которые пытаются затесаться в ваши ряды, подражают вашим манерам, вашей одежде, и все ради того, чтобы лучше вас обмануть».⁹⁹ Верно подметив явление, журналист (возможно, это был С.Марешаль, редактировавший в 1793 г. «Revolutions de Paris») дал ему неверное толкование: для него «ложные санкюлоты» - это имущие элементы, подделывающиеся под санкюлотов. Преодоления идеологического мифа не произошло. Представление, что санкюлоты - это истинный народ, это народ, поддерживающий якобинцев, лишь обрело дополнительное подтверждение и разъяснение. Но что же представляли собой на самом деле санкюлоты в социальном, политическом и идеологическом планах?

Сохранились данные о политических кадрах парижских секций II года Республики. Их тщательным образом изучил французский исследователь-марксист А.Собуль. Среди деятелей секций периода наивысшего подъема революции различались три категории. Первая - это комиссары гражданских комитетов, вторая - члены революционных комитетов, третья - санкюлоты - активисты, группировавшиеся с осени 1793 г. преимущественно в секционных обществах.

Гражданские комитеты секций были созданы в соответствии с муниципальным законом 21 мая - 27 июня 1790 г.. занимались они в основном административными вопросами. Во II году Республики в их сферу деятельности входили прежде всего контроль за распределением продовольствия и оказание вспомоществования. Они следили также за исполнением ордонансов и постановлений муниципалитета. За свою работу комиссары гражданских комитетов долгое время не получали никакого вознаграждения. Лишь 6 флореаля II года Республики Конвент постановил выплачивать им три ливра в день.¹⁰⁰ До этого декрета должность гражданского комиссара могли отправлять только люди, имевшие досуг и определенный достаток.

По подсчетам А.Собуля, из 343 комиссаров, числившихся по спискам II года Республики, 91 человек (26,2%) жили на доходы от своей собственности (это рантье, отошедшие от дел лавочники, ремесленники, лица свободных профессий), 252 человека (73,8%) часть своего времени отдавали административным обязанностям, часть - основной профессии (среди них ремесленников было 120 человек, лавочников, мелких торговцев - 81, лиц свободных профессий - 42, предпринимателей - 8 человек; наемных рабочих не было).¹⁰¹

Созданные по инициативе санкюлотов революционные комитеты (законы от 21 марта и 17 сентября 1793 г. лишь зафиксировали уже сложившееся положение вещей) занимались выдачей свидетельств о гражданской благонадежности, проверкой документов военных, подвергали последних аресту, если их документы оказывались не в порядке, следили за иностранцами, арестовывали граждан, не носивших национальной кокарды. Революционные комитеты имели более демократический состав, чем комитеты гражданские. Из 454 комиссаров II года Республики 206 человек (45,3%) были ремесленники, 84 (19,5%) - лавочники и торговцы, 55 (12,1%) - подмастерья, слуги, поденщики (из них 22 - рабочие), 52 (10,5%) - лица свободных профессий, 22 (4,8%) - служащие, 20 (4,6%) - рантье, люди, живущие на доходы от собственности, 13 человек (2,8%) - предприниматели.¹⁰² Среди наиболее многочисленной социальной категории комиссаров, обозначенной в документах словом «ремесленник», встречались люди с определенным достатком, но чаще это были бедняки, зарабатывавшие хлеб насущный исключительно своим трудом. О члене революционного комитета в одной из секций Сент-Антуанского предместья сапожнике Эмбле говорили: «Работающий человек... кормит семью трудом своих рук». ¹⁰³ Известно, что он проживал с женой и двумя маленькими детьми в небольшой комнатухе на шестом этаже дома на улице Дюваль. Другой комиссар, горшечник Денель, имея пятеро детей, снимал комнату всего за 60 ливров в год. Цена красноречиво говорит о качестве этого жилья. Члены революционных комитетов были не только беднее, но и моложе гражданских комиссаров. В Сент-Антуанском предместье 18 из 23 революционных комиссаров не достигли возраста 45 лет. Были среди них и совсем молодые люди. Сапожнику Эмбле, пользовавшемуся большим авторитетом в секции, в 1793 г. исполнилось только 22 года; чуть постарше были комиссары Буайе, Анрие, Ваконе.¹⁰⁴

Из политических кадров движения санкюлотов самым демократическим элементом, безусловно, являлись секционные активисты. А.Собуль располагал данными о социальном статусе 514 активистов, подвергшихся репрессиям в III году Республики за свою «террористическую деятельность» в 1793-1794 гг. Ремесленники преобладали и в этой категории. Их было 214 человек (41,6%), торговцев - 81 (15,7%), рабочих - 64 (12,4%), слуг, приказчиков, посыльных - 40 (7,7%), служащих - 45 (8,7%), лиц свободных профессий - 35 (6,8%), разного рода рантье - всего 10 (1,9%), предпринимателей - 4 человека (0,7%).¹⁰⁵

Но, определяя социальный облик участников движения санкюлотов, нельзя ограничиваться характеристикой его политических кадров. Движение имело не только своих офицеров и сержантов, но и массу рядовых. Комиссары и активисты секций отличались решительностью, энергией, развитым для того времени политическим сознанием, но их было немного. Серьезную силу они представляли благодаря тому, что за ними стояли сотни и тысячи простых людей. Эта мобильная, к сожалению, безымянная для истории масса состояла в значительной степени из рабочих.

Согласно различного рода подсчетам, в Париже конца XVIII в. проживало порядка 524-640 тыс. человек.¹⁰⁶ Рабочее население составляло приблизительно половину: 250 972 человека, считая детей и жен рабочих.¹⁰⁷ Именно из этой среды вышло большинство участников великих революционных дней: 14 июля и 5-6 октября 1789 г., 17 июля 1791 г., 20 июня и 10 августа 1792 г. В моменты наивысшего подъема движения санкюлотов: 31 мая - 2 июня и 4-5 сентября 1793 г., 12 жерминаля и 1-4 прериала III года Республики (1 апреля и 20-23 мая 1795 г.) плебеи (рабочие и мелкие собственники) будут вновь составлять революционные колонны.

31 мая и 2 июня 1793 г. в отрядах национальной гвардии и революционной милиции, окруживших Конвент, стояли люди, для которых потеря одного рабочего дня была очень ощутимой; и секции, чтобы возместить ущерб, понесенный бедными участниками восстания, обратились к революционной Коммуне Парижа с просьбой оказать санкюлотам определенное вспомоществование.

Особенно много нуждавшихся в такого рода помощи оказалось в секциях Сент-Антуанского предместья, а также в секциях Круа-Руж, Гравилье, Монмартр.

Согласно представленным спискам, секция Монтрей имела 2946 нуждавшихся; секция Кенз-Вен - 2039; Круа-Руж - 1458; Гравилье - 1458; Монмартр - 1438; Бон Консей - 1400; Инвалидов - 1358; Попенкур - 970 108. Эти цифры позволяют представить, какая сила принудила Конвент радикализироваться, исключить из своих рядов 29 депутатов-жирондистов.¹⁰⁹

Если о социальном статусе участников выступления 31 мая - 2 июня нет прямых данных, то социальный характер движения 4-5 сентября 1793 г. определен достаточно четко. Газеты «Moniteur», «Journal de la Montagne» и «Republicain francais» единодушно отмечали, что среди манифестантов в эти дни преобладали рабочие. Движение санкюлотов достигло 4-5 сентября пика своего влияния в Париже и во Франции. Конвент не только одобрил политические меры, принятия которых добивались санкюлоты, но и согласился в принципе на введение всеобщего максимума.¹¹⁰ Очень точно охарактеризовал сентябрьские события, их внутренний механизм А.Собуль: «Движение зародилось в самой гуще народа... вожаки секций и клубов придали ему направление и возглавили его... Это именно они, сильные поддержкой народных масс, увлекли за собой Коммуну, Якобинский клуб, Конвент и, наконец, Комитет общественного спасения».¹¹¹

Переворот 9 термидора нанес тяжелый удар санкюлотскому движению. Была отстранена от власти политическая группировка, опиравшаяся на это движение, и хотя формально переворот не был направлен против организаций санкюлотов, не случайно вскоре после гибели робеспьеристов последовали репрессии и против активистов секций.¹¹²

Ослабленное, отчасти дезориентированное движение санкюлотов тем не менее не сошло с политической сцены в 1794 г. Несмотря на преследования властей, организации санкюлотов продолжали действовать. Собирались секционные «народные общества», проводили агитацию демократические клубы. Особой популярностью пользовались «Общество республиканской добродетели» в секции Обсерватории и клуб на улице Вер-Буа, о котором говорили, что его посещают в основном «рабочие и другие малообразованные люди, которых легко увлечь на опасный путь».¹¹³ Весной, когда экономическое положение народных масс стало совершенно невыносимым, санкюлоты попытались перейти в контрнаступление. Одно за другим последовали восстания 12 жерминаля и 1-4 прериала.

В требованиях, выдвинутых инсургентами в жерминале и прериале, явно прослеживается преемственность с лозунгами санкюлотов II года Республики. Когда 12 жерминаля восставшие ворвались в зал заседаний Конвента, на тульях шляп у многих из них были написаны слова: «Хлеба и конституцию 1793 г.».

Уже это беглое рассмотрение истории движения санкюлотов, данное преимущественно в целях определения его социального состава, позволяет говорить об автономности этого движения по отношению к якобинцам, политической партии, в наибольшей степени опиравшейся именно на санкюлотов. Даже народные восстания 10 августа 1792 г. и 31 мая - 2 июня 1793 г., обеспечившие переход власти: первое - в руки жирондистов в блоке с якобинцами, второе - непосредственно в руки якобинцев, подготавливались и осуществлялись с согласия якобинцев, но без их реального практического руководства.¹¹⁴ Выступления же 4-5 сентября 1793 г. имели целью оказать давление на власть, т.е. на Коммуну, Конвент и комитеты - органы, находившиеся под контролем якобинцев. Наконец, в прериале и жерминале, в период нисходящего развития революции, инсургенты-санкюлоты действовали исключительно на свой страх и риск.

Автономность движения санкюлотов по отношению к якобинцам предполагала и определенную самостоятельность санкюлот-ской идеологии. Специфику идейного облика санкюлотства очень полно и подробно обрисовал А.Собуль. Не пересказывая хорошо известную работу французского историка, отметим только раскрытые в ней некоторые особенности формирования идеологии санкюлотизма и черты, отличающие ее от якобинской идеологии.

Если не сбиваться на чрезвычайно расширенное толкование идеологии, не отождествлять ее по существу с мировоззрением, то следует признать, что вплоть до Великой буржуазной революции сколько-нибудь разработанной, приведенной в систему идеологии городское плебейство не имело.

Родившаяся в эпоху кризиса религиозного сознания, оказавшегося неспособным аргументировать необходимость установления политического господства буржуазии, идеология как форма отражения действительности охватывает прежде всего сферу политико-правовых отношений. Смысл ее существования и смысл ее специфики - оправдание реализуемых или уже реализованных претензий той или иной социальной группы на власть. Идеология отнюдь не относится к элитарным, эзотерическим формам общественного сознания, в ней всегда заложена неистребимая страсть завоевания новых адептов. Интерпретация ее редко является делом свободного творчества, гораздо чаще за правильностью интерпретации следит специальный аппарат, выступающий как одна из важнейших составных частей политического движения, партии или государства.¹¹⁵

При изучении духовных предпосылок становления санкюлотской идеологии следует обратиться к дореволюционным событиям, Например, к «мучной войне» 1775 г.¹¹⁶, когда отцы участников революции, а частично и сами будущие санкюлоты требовали установления твердых цен (максимума) на хлеб и муку. Идеи жесткого регулирования экономики, государственного или муниципального контроля над колебанием цен пронизывали многие выступления городского плебейства конца XVIII в. От этих идей рабочие, мелкие ремесленники, лавочники не отказались даже в период наибольшего упоения словом «свобода» в 1789-1791 гг. А в 1792 г. движения «таксаторов» развернулись уже в полную силу.

За идеями регулируемой экономики скрывалось отчаяние изголодавшегося люда городов Франции. Бедняки в таксации цен видели единственное средство сделать доступными для них простейшие предметы потребления.

Решительные требования справедливых цен на продукты питания раздавались в январе 1792 г. И это были не просто слова. Толпы народа врывались в лавочки и магазины, силой заставляли владельцев торговать по назначенным бунтовщиками ценам.¹¹⁷

Одновременно осуществлялось и осмысление идей таксации, делались попытки доказать их органичность новому революционному порядку, т. е. закладывались основы санкюлотской идеологии. «Гнусные скупщики и подлые капиталисты нам заявляют, что конституция утвердила принцип свободы торговли. Так ли это?.. Не говорится ли в четвертом параграфе «Декларации прав человека»: «Свобода допускает совершение любых деяний, кроме тех, что наносят ущерб другому человеку», - и не гласит ли параграф шесть: «Закон не вправе защищать действия, направленные во зло другому человеку...» А теперь мы вас спрашиваем, законодатели, наши представители, разве не причиняется зло теми, кто скупает продукты для того, чтобы потом перепродать их как можно дороже?»¹¹⁸ Ссылками на «Декларацию прав человека и гражданина» будущие санкюлоты обосновывали свои экономические требования, из которых постепенно вырастала целая экономическая программа, которая явится составной частью их идеологии.

Хорошо известно, что экономические устремления мелкого люда даже наиболее демократично настроенные якобинцы¹¹⁹ вплоть до весны 1793 г. считали ложными и незаконными. Только в конце апреля - начале мая 1793 г. якобинцы поддерживали требования плебейства об изъятии из обращения звонкой монеты и введении максимума цен.¹²⁰ А еще в феврале находившаяся под их влиянием Коммуна подавила попытку самочинного установления максимума.¹²¹ Экономические воззрения якобинцев менялись под воздействием санкюлотского движения. Правда, следует указать что якобинцы в отличие от жирондистов (которые, как известно, ввели первый максимум, но не добивались его осуществления), действительно, сумели осознать необходимость регулируемой экономики в условиях острейшего кризиса. Жирондисты, уступив на миг силе, остались в душе сторонниками фритреда.

Различия между якобинизмом и идеологией санкюлотов имелись и в области политико-правовых представлений. Одно из важнейших различий заключалось в отстаиваемых концепциях демократии: якобинцы являлись последовательными приверженцами норм парламентской демократии (лишь изредка и с опаской признавая нормы демократии прямой), санкюлоты - сторонниками прямого народоправства.

Что касается идей и практики прямой демократии, то их истоки следует искать не в античной древности и даже не в трудах Ж.-Ж.Руссо. Парижские простолюдины, толпами стекавшиеся в Пале-Рояль летом 1789 г., вряд ли задумывались о том, как голосовали в Афинах или Спарте; не многие из них и слышали-то эти названия. Практика прямой демократии рождалась в крике, шуме, порой в потасовках. Режим свободы слова позволял экспериментировать вволю. И люди творили, не задумываясь о формах, в которые воплощалось их политическое творчество. Был Пале-Рояль: его сады, галереи, беседки. Отсюда, накричавшись до хрипа, простолюдины отправлялись к Бастилии и в Национальное собрание, в Якобинский клуб и за оружием к Арсеналу.¹²² Шли добиваться осуществления принятых ими решений. Прямая демократия подразумевала и прямое действие. Таковую же роль, как Пале-Рояль, спорадически играли рынки и просто очереди у магазинов.

К идее, что народ должен сам решать свою судьбу, французские простолюдины пришли стихийно. В выступлениях 14 июля 1789 г., 5-6 октября того же года, а также в других бесчисленных выступлениях в городах и деревнях они кардинальным образом меняли социальный и экономический облик своей страны.

О Ж.-Ж.Руссо в 1789 г. рабочий люд не слышал. Но сама действительность наталкивала простых людей на мысли, которые ранее были впервые во Франции провозглашены великим философом. Действие во многом предшествовало теории. Такое часто случается в бурные периоды революций. Идеологию создавали массы, их безвестные таланты, авторы петиций, прошений, брошюр; профессиональные идеологи шли впереди их на

полшага, а подчас и тащились у них в хвосте. Действия совершались под влиянием чувств страха, голода, ненависти. Лишь впоследствии революционно настроенные мастера и подмастерья, лавочники и рабочие поняли, что так и должно быть, что именно они и должны определять, каким образом следует развиваться Франции, какой политический строй ей более всего подходит.

Часто получалось так, что массы уже ощущали тот или иной новый революционный принцип, являлись его сторонниками, оставалось кому-нибудь только произнести слово, и здание новой идеологии надстраивалось еще на один этаж. В 1789 г. мелкий люд осуществлял принцип народного суверенитета на практике, а в 1792 г. санкюлоты стали его выдвигать осознанно и с присущей им категоричностью. Секция Сите 3 ноября 1792 г. заявила, что «любого человека, который сочтет себя облеченным народным суверенитетом, будет рассматривать как тирана, узурпатора общественной свободы, достойного смерти».¹²³

Принцип народного суверенитета признавали и отстаивали и якобинцы, но они его интерпретировали в духе парламентаризма; по их мнению, народ передавал суверенитет своим избранникам, которые и выступали в качестве наиболее истинных и достойных выразителей народных чаяний. Разговоры о неотчуждаемости народного суверенитета они воспринимали как замаскированную контрреволюцию.

Движение санкюлотов оказало огромное влияние на судьбы Франции 1792-1795 гг., и в то же время нельзя не отметить существеннейшую слабость этого движения - неспособность самостоятельно довести политическое действие до конца. Выясняется, что движение не обладало сколько-нибудь стабильной организационной структурой. За короткий срок несколько раз менялись, его политические кадры: рядовые движения санкюлотов оставались теми же, а офицеры и унтер-офицеры, поднявшись на волне того или иного народного выступления, завоевав известность, спешили интегрироваться в более «респектабельные» политические структуры. Первое поколение руководителей народных масс, «неизвестные» 1789 г., сделав многое для возникновения санкюлот-ского движения, ушли из него именно тогда, когда это движение в 1792 г. политически осознало себя. Ни тайная, ни явная история 1793-1795 гг. не сохранили следов сколько-нибудь заметной деятельности Юлена, Майара, Теруань де Мирекур, Сент-Юрюга, Сантера, Фурнье Американца. Восстанием 10 августа руководили уже другие люди. В большинстве своем народные лидеры «второго поколения» опирались на поддержку «братских обществ». Назовем некоторых из них: гравер Сержан, президент «братского общества» с улицы Мондетур (секция Моконсей); публицист Тальен, президент и основатель «братского общества» Миним (секция Плас Рояль); журналист Луве, активист «братского общества» Ломбард; приказчик Паш, основатель «братского общества Изучающих Конституцию» (секция Тюильри); актер М.-Ж.Шенье, руководивший вместе с Колло д'Эрбуа «братским обществом» секции Библиотеки; публицист Ж.-П.Одуэн из «братского общества» Карм.¹²⁴ Большинство этих людей мы обнаруживаем в составе Революционной Коммуны 10 августа, но далее их политические судьбы расходятся. Очень многие из них уже в 1793 г. потеряли связь с движением санкюлотов: одни, уйдя от него вверх, в ряды якобинцев, другие - в сторону, в политическое небытие. Народное выступление 31 мая - 2 июня 1793 г. имело других руководителей. [См. А.Гордон. Падение жирондистов http://vive-liberta.narod.ru/biblio/gord_girond.htm] Непосредственной организационной подготовкой восстания вновь занимались новые «неизвестные». В составе Комитета девяти, заседавшего в Епископстве, не было ни одного человека, пользовавшегося широкой известностью в первые годы революции. Комитет девяти включал одного из лидеров движения «бешеных» Варле, Гузмана, Бономме, Симона, Вендлига, Митуа, Лорена, Фурнеро, Лебурсье. Впоследствии к ним присоединились председатель секции Сите Добсан и участник (но, отметим, рядовой участник) штурма Тюильри Луа.¹²⁵ Летом 1793 г. наиболее верными выразителями интересов санкюлотов, их непосредственными политическими руководителями оказались «бешеные»:

Ж.Ру, Леклерк, Варле.¹²⁶ Заметную роль начали играть революционные комиссары секций, которых особенно быстро постаралось поставить себе на службу якобинское государство. Якобинцы предприняли попытки упорядочить деятельность организаций санкюлотов, одновременно полностью подчинив их своему влиянию. Эти попытки лишь усилили рознь между союзниками

Но сколь ни серьезными являлись противоречия между якобинцами и санкюлотами, движение санкюлотов вне союза с якобинцами оказалось нежизнеспособным. Политическая обреченность санкюлотизма очень быстро выявилась после термидорианского переворота. Окончательно он прекратил свое существование в 1795 г., с поражением восстания в прериале. Секции, прежний оплот санкюлотизма, послужили в вандемьере базой для контрреволюционного, монархического выступления. Усталость и разочарование в политических преобразованиях, распространившиеся в среде французских рабочих в годы Директории, способствовали изживанию санкюлотских убеждений. Плохо сочетался санкюлотизм и с бонапартистской легендой, прочно и надолго утвердившейся в народном сознании в 1799-1814 гг.

Тем не менее политический опыт санкюлотизма отнюдь не исчез бесследно. Идеи народного суверенитета, права на восстание, чувство гражданского достоинства, эгалитаризм не были полностью выхолощены из народного сознания ни в годы военной диктатуры Наполеона Бонапарта, ни в период национального унижения и политического безвременья Реставрации. Хотя кодексу республиканской чести оставались верны очень немногие, но эти немногие могли послужить политическим и нравственным идеалом, центром притяжения для всех думающих, для всех недовольных в рабочей среде.

Революция 1830 г., республиканские восстания 1832, 1834, 1839 гг., наконец, революция 1848 г. доказали, что революционная традиция прочно вошла в политическую культуру Франции и опыт санкюлотского движения был одним из ее существенных элементов. Трудно определить все пути сохранения и передачи этого опыта. Частично о нем знали благодаря устным рассказам стариков, частично благодаря книге Ф.Буонарроти о «заговоре равных», работам Э.Кабе, Р.Лаотьера, Л.Блана. Опыт санкюлотов в превращенном и преобразованном виде и в XIX в. продолжал питать революционное движение во Франции, только теперь оно приобретало совершенно определенный классовый характер - движения пролетариата.

4. РЕВОЛЮЦИЯ КАК СОБЫТИЕ в ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ ФРАНЦУЗСКИХ РАБОЧИХ

Десять лет Францию сотрясали преобразования экономических отношений, бунты, восстания, смены политических режимов; простые смертные, еще недавно никому неизвестные, получали огромную власть и тут же теряли ее вместе с собственной головой; перекраивались административное деление страны и ее границы, менялось летосчисление, календарь и манера обращения людей друг к другу, отменялась и вновь восстанавливалась религия.

Казалось, Франция прервала естественный ход истории и устремилась в неизведанные дали, которые одним виделись как тысячелетнее царство всеобщего счастья, другим - как полный крах одной из самых цивилизованных и прекрасных стран мира.

Революция вошла в дом каждого француза. Рабочие не были исключением. Одни из них считали революцию своим кровным делом. Все надежды на личный успех, на личное счастье они возложили на конечное торжество принципов Свободы, Равенства, Братства. Люди этого типа штурмовали Бастилию, заседали в «народных обществах», обличали умеренных в санкюлотских секциях II года Республики, уходили волонтерами на войну против эмигрантов, вандейцев, федералистов, герцога Брауншвейгского, томились в тюрьмах после поражений в жерминале и прериале. Другие, поддерживая революцию всем сердцем, все же не

отрывались от жизни своей общины, состоящей из таких же, как они, работников. Заседаниям секции эти люди предпочитали вечер в кабачке с товарищами по ремеслу. Третьи, мало что понимая в происходивших событиях, бунтовали и громили лавки торговцев продовольствием, когда голод становился невыносимым, а наказание не виделось столь уж неминуемым, ругали власти, не вдумываясь особо, чем Лафайет отличался от Ролана или Баррас от Робеспьера,

Если рабочих первой категории следовало искать в толпах демонстрантов, участников восстаний, на заседаниях революционных обществ, то принадлежавших ко второй и третьей категориям скорее можно было обнаружить среди стачечников и членов традиционных объединений.

В годы революции продолжалась деятельность компаньонажей и других архаических рабочих организаций того же типа. На причалах Бордо по-прежнему полными хозяевами чувствовали себя члены ассоциации портовых грузчиков 127. В том же городе вплоть до установления якобинской диктатуры открыто заявляли о своих требованиях компаньонажи. Весной 1791 г. члены компаньонажа Девуар пытались заставить владельца гвоздильной мастерской уволить рабочих, не входивших в их организацию.¹²⁸ Несколько дней спустя после принятия Учредительным собранием закона Ле Шапелье, запрещавшего какие бы то ни было профессиональные объединения рабочих, а также хозяев, бордоские плотники как ни в чем не бывало обратились в муниципалитет за разрешением отпраздновать день Святого Петра, патрона их профессии. Разрешение было получено, единственно на этот раз торжественная процессия прошествовала по улицам города без отличительных знаков компаньонажа.¹²⁹ Через год в другом крупнейшем портовом городе, Марселе, владельцы столярных мастерских жаловались властям на беспокойство, которое им причиняют подмастерья-девораны, даже и не думавшие распускать свою корпорацию. Тогда муниципальные власти Марселя запретили столярным подмастерьям собираться в их особых кабачках.¹³⁰ Вплоть до мая 1793 г. компаньоны-камнетесы Парижа вели книгу записей дел своего компаньонажа, в которую, в частности, заносились данные о штрафах, наложенных на провинившихся.¹³¹

Только в период якобинской диктатуры компаньонажи не решались открыто о себе заявлять. Мистические обряды, корпоративный дух, независимость компаньонов слишком не сочетались с политикой всеобщего обезличенного братства, проводившейся якобинцами и их союзниками санкюлотами. Спустя лет тридцать после революции столяр, член компаньонажа писал о времени революционного правительства: «В годы Республики для компаньонов словно открылся ящик Пандоры, они вынуждены были бежать из городов и скрываться, они собирались тайно, соблюдая строжайшие меры предосторожности, их переписка была приостановлена».¹³² Но уже в 1795 г. компаньоны воспрянули духом, возобновились их стачки и праздничные шествия.¹³³ Настоящее же их возрождение началось только после краха I Империи.

Изменился ли дух компаньонажей, этих бастонов партикуляризма, под влиянием революции? Есть предположения, что часть компаньонажей пыталась подстроиться под новые революционные порядки. Так, крупнейший знаток их истории Э.Корнерт высказал мнение, что «Братский союз плотников», организовавший стачку в Париже весной 1791 г., послужившую непосредственным поводом для принятия закона Ле Шапелье, представлял собой замаскированный компаньонаж.¹³⁴ Другой известный историк, почетный хранитель музеев Франции Л. Бенуа высказал предположение, что одно из основных объединений компаньонажей с характерным названием «Девуар де Либерте» («Девуар Свободы») было образовано в 1804 г. отколовшейся от «Девуара» частью компаньонов и группой подмастерьев-камнетесов, воспринявших в свое время идеи революции вплоть до отказа от католической веры.¹³⁵ У нас нет точных сведений о существовании «Девуара де Либерте» в эпоху «старого порядка». Мнения историков по этому вопросу расходятся. Так, составленные по данным новейших исследований две таблицы, претендующие

на исчерпывающую характеристику структуры французских компаньонажей XVIII-XIX вв., дают прямо противоположные указания. В таблице, составленной П.Барре и Ж.Гюрганом, вообще нет упоминания о существовании «Девуара де Либерте» в XVIII в.¹³⁶ (косвенное подтверждение предположения Л.Бенуа). Таблица Ж.Кавиньяка, наоборот, открывается «Девуаром де Либерте». Это объединение, по мнению историка, в XVIII в. уже включало в себя компаньонажи камнетесов-подмастерьев (прозвище – лу-волки); плотников (прозвище - ренары свободы, или индейцы); столяров и слесарей.¹³⁷ Эта точка зрения подтверждается тем, что в полицейских донесениях XVIII в., известных нам по выдержкам в работах историков, не раз упоминаются гавоты.¹³⁸ А в XIX в. гавотами называли как раз членов объединения «Девуар де Либерте», особенно столяров-подмастерьев. Правда, возможно, что гавоты (и название, и исторический феномен), имея более раннее происхождение, чем «Девуар де Либерте», слились с ним в единое целое как раз около 1804 г. Сам Л.Бенуа утверждает, что первый раскол в среде компаньонов произошел во времена религиозных войн: тогда «Девуар» объединил рабочих-католиков, а их противники-кальвинисты получили название «гавоты», являвшееся общим прозвищем южан-протестантов.¹³⁹

Наибольшую сумятицу в вопрос о возникновении «Довуара де Либерте», а во многом и в вопрос о влиянии революции на подмастерьев-компаньонов как наиболее партикуляристски настроенных рабочих вносит утверждение Э.Корнерта о том, что в 20-е годы XIX в. раскол среди компаньонов усугублялся различием в политических воззрениях девораков и гавотов. Якобы девораны (члены «Девуара») придерживались либеральных убеждений, а гавоты были ультрароялистами и сторонниками клерикалов.¹⁴⁰ Эти сведения вызывают особенно большие сомнения, так как явно противоречат совершенно точному свидетельству члена объединения «Девуар де Либерте» А. Пердигье, который, описывая компаньонажи именно 20-х годов, никогда не вводил четкого их разграничения по политическому признаку и, наоборот, часто отмечал их политическую индифферентность (компаньонажи традиционно не вмешивались в политику; политическая ориентация, как и религиозная, представлялась делом личным).

Исходя не из отрывочных и крайне противоречивых данных о влиянии революции на компаньонажи, а из основанного на источниках общего представления об этих организациях в XIX в., отметим, что в целом архаические рабочие организации пережили революцию, не изменившись ни в чем существенном. Обычаи, ритуалы, неписаные уставы компаньонажей остались прежними. Изменились не организации, а люди, входившие в них. В основе своей партикуляристское сознание пережило революцию, империю, реставрацию, но в духовную жизнь даже самых традиционалистски настроенных рабочих вторгались новые ценности и новые представления. И хотя даже в разгар промышленной революции тип партикуляристского сознания легко вычленяется как одна из господствующих моделей рабочего сознания, у реальных индивидов эта модель все реже выступала в своем чистом виде. Принципы гражданского равенства, единства нации, политической и духовной свободы, вошедшие благодаря Великой буржуазной революции в общенациональную политическую культуру, предопределили как будущий кризис компаньонажей, так и постепенное исчезновение самого партикуляристского сознания.

Говоря о непосредственном влиянии революции на сознание рабочих, необходимо в большей степени обратиться к тем их слоям, которые находились вне традиционалистских организаций.

При самом первом приближении обращает на себя внимание Двойкое воздействие революции на мы «свободных» рабочих. Ускорившаяся в революционное время девальвация традиционных ценностей сопровождалась становлением во многом антикапиталистического популистского сознания и одновременно утверждением буржуазных ценностей и целей в среде рабочего

люда. Притом эти два, казалось бы, взаимоисключающих процесса нередко осуществлялись в сознании одного и того же индивидуума. Популистское сознание могло формироваться как система убеждений, ориентирующих личность на определенную деятельность по преобразованию общества, и в то же время просто как система видения мира, притом эта система оставалась довольно нейтральной по отношению к целеполаганию и повседневной деятельности человека. В первом случае рабочий становился санкюлотом, во втором - пытался накопить денег для обзаведения собственной мастерской или лавкой.

Широко распространившаяся в первый же год революции идея свободы в повседневности трансформировалась в представление о праве заниматься любым видом профессиональной деятельности, праве зарабатывать деньги как тебе хочется. Как это ни покажется странным, даже «Декларация прав человека и гражданина» стимулировала предпринимательские наклонности некоторых работников. Когда корпорация тупейных мастеров воспротивилась тому, чтобы один из их подмастерьев открыл собственную мастерскую, без соблюдения установленных правил приобретения метризы, рабочий, защищаясь, сослался на «Декларацию прав человека и гражданина».¹⁴¹

Хотя ни 1789, ни 1790 год не принесли никаких законодательных актов, касавшихся судьбы корпораций¹⁴², многие подмастерья и вовсе посторонние тому или иному ремеслу люди быстро смекнули, что цехи доживают свои последние дни; тому свидетельство - жалобы в Национальное собрание на несоблюдение прав корпораций. Так, парижские «цеховые» мясники в своей петиции писали об ущербе, наносимом им лицами, которые, ссылаясь на режим свободы, незаконно занимались мясной торговлей и продавали мясо по более низким ценам, чем члены корпорации.¹⁴³

Правда, приобщение к свободе не имело характера единовременного акта; кое-кто воспринял режим свободы лишь как новое пожалование. Понимание сути экономического либерализма даже наиболее практически мыслящим работникам далось не сразу, потому и обращался, к примеру, подручный ювелира из местечка Бриньоль (деп.Вар) к Учредительному собранию с просьбой разрешить ему обосноваться в качестве самостоятельного мастера.¹⁴⁴ В 1790 г. он мог открыть свою лавочку свободно, но привычка к испрашиванию дозволения брала свое.

Дух делового, а подчас и деляческого практицизма проник в отношения между рабочими. Последовали выступления против компаньонажей.

В марте и мае 1790 г. в Учредительное собрание были поданы две петиции, в которых выдвигалась просьба строжайшим образом запретить компаньонаж «Девуар».¹⁴⁵ Вольные подмастерья, делавшие просто получать хорошие деньги, поддерживать по мере возможности сносные отношения с хозяином, сколачивать понемногу капитал для обзаведения собственным делом, не хотели подчиняться диктату уравнилности компаньонажей, их непререкаемым правилам корпоративной солидарности. Людям, вкусившим от плода индивидуализма, нормы коллективной дисциплины казались совершенно невыносимыми. Революция открыла широкие перспективы перед деятельной личностью. Доступность общественно-политической карьеры и возможность возвышения через предпринимательство возросли несравненно.

Свобода и равенство находили свое воплощение одновременно в словах и деяниях санкюлотов, лучших из якобинцев и в буржуазном предпринимательстве. Швейцарец Верн посетил Париж в 1793-1794 гг., и вот именно об этом времени господства революционной морали он писал: «Несчастный провинциал, приехав сюда искать счастье и богатство, вступает в борьбу с изощреннейшим эгоизмом, отличающимся всеми возможными пороками, лишенным начисто способности к сочувствию, готовности помочь ближнему... и счастлив тот, кто после стольких трудов и борьбы, столь же долгой, сколь и бесполезной против соперников более опытных и ловких или более мошенников, чем он сам, не вынужден будет вернуться на родину с разрушенным здоровьем и столь же испорченными нравами, как те, жертвой и игрушкой которых стал он сам».¹⁴⁶

Трудно представить себе тот мир, в который вступал рабочий, решивший заняться предпринимательством. Мелкая коммерция, ремесло, грошовые аферы мало привлекали внимание современников-хроникеров, еще меньше - внимание историков. Лишь по случайным воспоминаниям можно судить о судьбах некоторых незадачливых предпринимателей из рабочих в годы революции. Кому-то из них улыбалось счастье и они достигали достатка, другие, таких было больше, после ряда неудачных попыток возвращались к прежнему занятию, разочарованные, усталые, опустошенные. Но нас интересует не коммерческая сторона дела (успех или неуспех того или иного новоявленного предпринимателя), а то, как в этих попытках проявилось новое мировоззрение части рабочих, их вера не в провидение, не в традицию, а в собственные силы.

Молоденькая крестьянка, совсем еще девчонка, уехала из дома и устроилась прислугой в Крее (деп.Уаза), городишке, находившемся вблизи ее деревни. Но это ей показалось недостаточным, и из Крея она последовала в Париж. Там она поступила ученицей в белошвейную мастерскую. Отработав пару лет, юная Мари-Виктуар Моннар оставила хозяйку, сняла себе комнату в мансарде и перебралась туда со всем своим скарбом, который состоял из матраса, подушки, четырех простыней и 13 франков денег. С таким капиталом Мари-Виктуар в свои неполные 16 лет пустилась в бизнес. Она изготовила из простыней салфетки, аккуратно подшила их и продала в комплекте с нанковым платьем и подушкой. На вырученные деньги приобрела 10 локтей ситца, которые тут же перепродала, выгадав при этом 8 франков... Вчерашняя работница почувствовала вкус к спекуляции. Впоследствии она вспоминала: «С самого начала мне ужасно везло в делах; я была счастлива и не променяла бы свое место на место величайшего властителя в мире. Постоянное падение ассигнатов позволяло сбывать какие угодно товары, надо было только предлагать, и все немедленно раскупалось. Я была как в горячке, зарабатывала в четыре раза больше, чем тратила, купалась если не в золоте, то в бумагах...»¹⁴⁷

Характерная деталь: в своих воспоминаниях М.-В.Моннар не говорит, кому она продавала. Ее не интересовали люди, перед ней мелькали только покупатели. Полудетским разумом ей удалось ухватить суть момента, суть конъюнктуры, и она преуспела.

Иная судьба в годы революции постигла отца известной сенси-монистки Сюзанны Вуалькен. Мать Сюзанны рассказывала ей про отца: «Мой дорогой Раймон всегда был аккуратным, терпеливым работником, думал только о благополучии своих детей, его честолубие не простиралось далее желания избавиться от ненадежного положения наемного рабочего, но он был слишком доверчив и, пожалуй, недостаточно образован для того, чтобы преуспеть в делах».¹⁴⁸ Раймон Вуалькен, подобно маленькой Моннар, попытался добиться хозяйственной самостоятельности, используя ситуацию инфляции. Он купил небольшое предприятие по выпуску шляп, нанял нескольких рабочих и взялся за дело. Добиваясь расширения сбыта, он посещал ярмарки в Гибре, Кане, Бокере. То, что ему не удавалось продать, он оставлял на хранение у розничных торговцев. Постепенно количество нереализованной продукции накапливалось. Вуалькен вынужден был брать со своих контрагентов долговые расписки. Но часто на основании этих бумаг ему не удавалось вытребовать причитавшихся ему денег. В итоге он сам вынужден был прибегнуть к займам. Запутавшись в кредитных операциях, при первой же заминке в делах Вуалькен разорился распродав по бросовым ценам свои товары, затем расстался и с самой фабричкой. Сломленный этим ударом, он тяжело заболел.¹⁴⁹ Стремление выбиться в люди закончилось полным крахом. Порядочность в духе добрых старых времен мало помогала в делах, в которых поведение человека должно было подчиняться единственной цели и единственному правилу - извлечению выгоды любой ценой.

Конечно, и в прежние времена ученики мечтали стать подмастерьями, а подмастерья мастерами, но само это возвышение мыслилось как естественный ход развития жизни. Переход с одной ступеньки ремесленной иерархии на другую также связывался с действиями, не требовавшими от человека ни нарушения традиционных нравственных норм, ни насилия над собственной личностью для совершения поступков, которые самому индивидууму еще совсем недавно виделись как совершенно невозможные. Превращение рабочего в собственника представляло собой не прыжок в неизвестность, каким оно явится уж в годы революции, а проторенный, заранее хорошо известный путь, обставленный массой формальностей и условностей. Успех зависел не столько от изобретательности, нравственной раскованности и умения находить неожиданные решения, сколько от способности неукоснительно соблюдать от века положенные правила.

Вряд ли требуется доказывать ту истину, что логика и реальное протекание исторического процесса представляют собой не тождество, а уравнение с предельно сложно устанавливаемой функциональной зависимостью одного неизвестного от другого. Если в наиболее общем виде логическую цепь развития рабочего сознания конца XVIII - первой половины XIX в. можно представить в виде исторической типологии: от партикуляристского через популистское к классовому сознанию, то в действительности эта цепочка не раз нарушалась, не говоря уже о том, что развитие проходило отнюдь не однолинейно.

Становление популистского и классового типа общественного сознания происходило во многом одновременно (в годы революции эти процессы как бы накладывались друг на друга), но не синхронно. Популизм начал формироваться гораздо ранее; по-видимому, время его становления совпадает со временем формирования национального самосознания. Ранее популистское сознание обрело и законченную, четко выраженную форму.

Процесс выработки классового сознания относится, безусловно, к более позднему времени: XIX-XX вв. (в отличие от классовой идеологии, которая, раз возникнув, может обрести определенную законченность и довольно длительное время не претерпевать существенных изменений, классовое сознание развивается как бы вновь и вновь с каждым новым поколением рабочих), но уже в XVIII в. в годы революции начались определенные преобразования сознания рабочих, которые не могут быть вписаны ни в рамки эволюции партикуляристского сознания, ни в схему конституирования сознания популистского.

Некоторые формы социального протеста рабочих, прежде всего стачки, выделяли их из остального трудящегося населения, выявляли им самим и окружающим их особое место в сфере общественного производства. Правда, и во время стачек дух партикуляризма нередко давал себя знать. Так, хотя на протяжении XVIII в. известны десятки стачек, нет никаких сведений об актах солидарности со стороны рабочих, имевших иные специальности, чем бастующие.¹⁵⁰ И наоборот, встречаются упоминания о забастовках, в которых выдвигалось требование устранения из города рабочих враждебного компаньонажа или просто чужаков (иностранцев либо уроженцев другой провинции). В 1777 г. в Лионе Подобного рода стачка шляпников привела к вооруженным столкновениям, в результате которых 6 человек получили тяжелые ранения.¹⁵¹ В мае 1789 г. конфликт в шляпной мастерской Данлу. Дюмениля в Париже разразился из-за того, что хозяин отказался уволить рабочих, принадлежавших к «Девуару», чего добивались подмастерья из конкурировавшего компаньонажа. Компаньоны «bons enfants» (так их обозначили в полицейских протоколах) покинули мастерскую и увлекли за собой рабочих, которые не были членами компаньонажа, причем последним компаньонаж за уход выплатил определенную сумму.¹⁵²

Нельзя сказать, что в ходе самой революции стачки рабочих обрели иной смысл, чем при старом порядке. Требования бастующих остались прежними: рабочие добивались повышения заработной платы, устранения, как им казалось, незаконной конкуренции со стороны работников иных специальностей, облегчения условий труда, восстановления на работе несправедливо уволенных товарищей¹⁵³, во II году Республики стачки порой случались из-за плохого снабжения продуктами питания.¹⁵⁴ Тем не менее именно стачки побуждали рабочих в наибольшей степени к осмыслению специфических проблем их социальной группы. И хотя в ходе революции французские рабочие не пришли к общенациональному видению «рабочего» вопроса, революция создала многие важнейшие предпосылки для появления такого видения. Великая буржуазная революция для французского рабочего класса оказалась не только событием краткосрочным, ограниченным 10 годами бурных преобразований, но и феноменом «*de longue duree*», протяженным на длительную эпоху, временные рамки которой, как нам представляется, выходят за границы нашего исследования.

Первоначально новый взгляд на стачки родился у представителей государства. Столь свойственная законодателям революции способность видеть социальные и экономические проблемы в национальном масштабе проявилась и в их отношении к рабочим выступлениям. Забастовки многократно запрещались и при «старом режиме», но Королевский совет обычно принимал постановление, запрещавшее создавать объединения, устраивать собрания и «коалиции», заводить общую кассу и т. п. рабочим какой-либо одной специальности и к тому же определенной местности.¹⁵⁵ Вотируемый 14 июня 1791 г. Учредительным собранием закон Ле Шапелье относился к рабочим всех профессий и всей Франции.¹⁵⁶ [См. доклад http://vive-liberta.narod.ru/doc/lechapelier_loi.pdf и текст закона <http://liberte.newmail.ru/chapel-law.html>] Каждое его применение, каждая репрессия на его основе вдальблывала теперь в головы рабочих, что за «коалицию», за стачку ждет неминуемое наказание независимо от того, работаешь ты в Провансе или Эльзасе, Руэрге или Франш-Конте, столяр ты или ткач, краснодеревщик или шахтер.

Немалое значение для появления ростков классового сознания имели закон д'Алларда, ликвидировавший корпорации, и закон 2-11 марта 1791 г., введивший систему патентов, обязательных для всех владельцев промышленных и торговых заведений. С точки зрения социальных последствий два этих закона можно рассматривать как единое целое. Разрушив корпоративную замкнутость различных группировок предпринимателей, эти законы создали юридическую основу для консолидации класса буржуазии. Патент представлял собой документ, свидетельствующий об уплате налога за право заниматься определенной хозяйственной деятельностью. Он не имел ничего общего с метризой, так как никоим образом не ограничивал сферу приложения капиталов и энергии его владельца. Патент являлся исключительно инструментом налоговой политики государства. Документ, определявший принадлежность к той или иной профессиональной корпорации, был заменен документом о принадлежности к классу собственников.¹⁵⁷ Имущественные и соответственно классовые различия приобрели в обществе, как никогда ранее, определяющее значение. Учредительное собрание, неведомо для самого себя, позаботилось о том, чтобы в недалеком будущем работники смогли ясно рассмотреть своего классового противника: камуфляж полуфеодалских юридических форм был отброшен полностью и окончательно.

Тем не менее непосредственное воздействие революционного законодательства на сознание рабочих на материалах стачек проследить не удастся, даже если обратиться к несколько более позднему времени бонапартистской диктатуры Консульства и Империи.¹⁵⁸ Определенная трансформация рабочего сознания (в данном случае предикат «рабочее» указывает не только на субъект сознания, но и на его объект, на осмысление специфически рабочих проблем), правда, не только под влиянием законодательства, но и всей духовной атмосферы революции обнаруживается в деятельности по созданию профессиональных объединений нового типа,

Уже до революции определенный симбиоз партикуляристского и популистского типов сознания был свойствен части рабочих столицы и других крупных городов. При этом внутри этого симбиоза доминанта сохранялась за ценностями и установками профессионально-корпоративной микрогруппы, к которой принадлежал рабочий. Легко восприняв некоторые лозунги и символы Великой революции, люди данного типа сознания тем не менее решение своих жизненных проблем продолжали связывать не столько с событиями национальной истории, сколько с тем, как будет развиваться их микрогруппа. Реформисты коллективистского типа, они не грешили ни утопизмом, ни чрезмерным альтруизмом. Подобные настроения логично привели к идее попробовать использовать создавшуюся новую ситуацию «свободы» в своих групповых, профессиональных интересах. Летом 1790 г. парижские рабочие-печатники создали «корпус типографов». Комитетом, в который, по-видимому, входили инициаторы учреждения этой профессиональной организации, был разработан устав, принятый в свою очередь «генеральной ассамблеей» представителей печатников.¹⁵⁹

Устав определял, что членом «корпуса типографов» может быть человек, отличающийся хорошими нравами, здоровый духом и телом и уплативший вступительный взнос в размере 12 ливров. Предусматривалось, что организация будет выплачивать пенсию старикам, потерявшим трудоспособность, а также оказывать помощь заболевшим членам. Устав запрещал печатникам устраивать стачки без санкции «генеральной ассамблеи».¹⁶⁰ В ноябре 1790 г. «корпус типографов» был преобразован в клуб (его помещение находилось на улице Юшетт). Тогда же был налажен выпуск еженедельника «La club typographique et philanthropique». В заседаниях клуба помимо рабочих принимали участие некоторые демократически настроенные издатели и журналисты. Известно, что клуб типографов посещали издатель «Journal de Versailles et Paris» Ш.Перле и Л.-П.Курте де Вильнев, выпускавший несколько демократических листков в Париже и Орлеане, в том числе пользовавшийся определенной популярностью «Thermometre de l'opinion ou Journal des sections de Paris».¹⁶¹ Есть предположение, что с клубом поддерживал отношения писатель, автор кооперативных и коммунистических проектов переустройства общества Ретиф де ля Бретон, сам бывший типографский рабочий.¹⁶²

По-видимому, близким по типу организации к «типографскому клубу» являлось парижское общество подмастерьев-слесарей. Делегация от этого рабочего объединения обратилась 19 декабря 1790 г. к «братскому обществу» секции Библиотеки с просьбой об аффилировании. Представители слесарей объяснили, что каждое воскресенье по вечерам члены их организации собираются, чтобы совместно разобраться в декретах Учредительного собрания, а также чтобы обсудить меры по оказанию помощи больным и безработным товарищам. Они просили, чтобы «братское общество» допускало на свои заседания двух делегатов от рабочих-слесарей и чтобы в свою очередь два члена «братского общества» приходили на заседания их объединения с целью помочь подмастерьям уяснить смысл декретов 163. «Братское общество» секции Библиотеки в аффилировании отказало; было дано согласие только на посещение представителями слесарей собраний секционного общества.

Существует спорный вопрос, являлись ли рабочие организации, существовавшие в Париже в 1790-1791 гг., организациями, созданными во время революции, или они были преобразованы из рабочих объединений, имевших давнее происхождение.

Что касается «корпуса типографов» и общества подмастерьев-слесарей, то были ли они созданы только в 1790 г., или возникли на базе преобразованных организаций еще дореволюционного времени - в любом случае перед нами, безусловно, образования совершенно нового типа. Это не тайные союзы компаньонов с мистическими обрядами посвящения, клятвами и

безнадежно корпоративным духом, а свободные объединения свободных людей, которые не скрывали ни целей своей деятельности, ни ее характера. Подобного рода профессиональные организации свидетельствовали, что уже в годы революции первые проблески классового сознания начали появляться у части наиболее интеллектуально развитых рабочих.

Рабочие организации нового типа исчезают после принятия Учредительным собранием закона Ле Шапелье. В этом отношении закон от 14 июня 1791 г. решительным образом препятствовал развитию рабочего движения, становлению классового сознания французских рабочих. К.Маркс справедливо писал о нем: «...Французская революция в самом начале революционной бури решила отнять у рабочих только что завоеванное право ассоциаций. Декретом от 14 июня 1791 г. она объявила все рабочий коалиции «преступлением против свободы и декларации прав человека», караемым штрафом в 500 ливров и лишением активных прав гражданина на один год. Этот закон, втискивающий государственно-полицейскими мерами конкуренцию между капиталом и трудом в рамки, удобные для капитала, пережил все революции и смены династий.¹⁶⁴ Закон Ле Шапелье положил предел формировавшемуся рабочему движению.

Но законы и то, как они исполняются или не исполняются, оказывают на общественные отношения в стране не только прямое (через систему институтов), но и косвенное воздействие. Понимание людьми правомочности лишь определенного рода действий ведет к формированию у них соответствующих психологических и мировоззренческих установок. Через систему принятых ими законов (в том числе посредством закона Ле Шапелье) законодатели-индивидуалисты непреднамеренно, но от этого с неменьшим упорством навязывали рабочим массам индивидуалистическое мировоззрение. Согласно революционному законодательству не общность людей, не организация, а лишь свободная личность имела право на юридическое и политическое существование. Страдали от этого более всего рабочие.

Деятели Учредительного и Законодательного собраний четко определили для себя все допустимые формы диалога между государством и гражданским обществом: пресса, выборные местные и центральные представительные органы. Какие-либо еще каналы взаимодействия им казались излишними и вредными. Механистические взгляды на общество служили хорошим мифом прикрытия для проведения на деле буржуазной классовой политики. Юридическое и идеологическое равенство при фактическом экономическом, образовательном и политическом неравенстве оборачивалось тем, что реально полноценной свободной личностью в новом обществе оказывался исключительно буржуа, человек с достатком.

После 1791 г. энергия работников оказалась направленной на осуществление целей, не имевших непосредственного отношения к судьбам их социальной группы. Выступления рабочих влились в мощный поток популистского движения в его наиболее радикальной форме санкюлотизма.

Республиканская идея завоеует многочисленных сторонников в рабочей среде. Эгалитаристская утопия тружеников, желавших навечно утвердить мелкотоварный уклад, обретет завершенность. Якобинская республика с ее максимумом, принудительным курсом ассигната и порывами ее лидеров Робеспьера и Сен-Жюста к всеобщему благоденствию будет видеться как гарант существования мелкого ремесла и мелкой торговли. Не от корпораций, церкви и короля будет ожидать экономическая помощь, а от нового государства: Республики-Марианны.

В русле движения санкюлотов, этого первого массового политического движения народных низов, произошло слияние эгалитаризма, республиканской идеи и антиклерикализма: важнейших ценностных компонентов той политической культуры, которая на протяжении всего XIX и значительной части XX в. будет противостоять блоку консервативных, клерикально-католических ценностей.

Санкюлотизм наложит глубокий отпечаток на политические традиции, методы борьбы, психологию французских рабочих, но рабочее движение в своей аутентичности возродится во Франции только после следующей революции - революции 1830 г.

Безусловно, в XVIII в. главным событием в истории рабочих Франции являлась Великая буржуазная революция, которая заложила юридические основы для формирования пролетариата как класса, но сам процесс конституирования пролетариата относится преимущественно к более позднему времени, и некоторые забеги в будущее не могли изменить той общей закономерности, что возникновение этого класса является одним из важнейших социальных последствий промышленной революции, развертывание которой во Франции приходится в основном на первую половину XIX в.

III. РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ и ПРОЛЕТАРИАТ в ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

1. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

«Во Франции есть несколько центров торговли, а также несколько провинций, приобщившихся к промышленному развитию нашего времени. Там капиталы находятся в изобилии и предлагаются под мизерные проценты. С другой стороны, во многих деревнях и маленьких городках поля обрабатываются по старинке, из поколения в поколение влачит жалкое существование традиционное производство, труд не отличается ни просвещенностью, ни размахом. Там капиталы боязливо ссужаются под огромные проценты. Эта часть страны обречена на темноту, рутину, нищенство, отдана на откуп ростовщичеству и в целом находится далеко позади той Франции, которую принято называть цивилизованной Там мало производится, но и получаемая скудная продукция не идет туда, куда она должна бы идти, так как перевозки дороги и тяжелы, так как почти невозможно добраться до потребителя в стране, где нет дорог и каналов. Мы имеем рынок нищей Франции XIV в. для потребления товаров промышленной Франции XIX в.»¹ - так характеризовал экономику Франции конца эпохи Реставрации Ж.Лаффит, видный либерал и один из наиболее прозорливых банкиров своего времени. Рассматривая хозяйственный организм страны с точки зрения развития банковского дела, фактически он отметил двухукладность французской экономики. Даже если абстрагироваться от сферы аграрных отношений в экономике Франции начата XIX в, прослеживается сложное и противоречивое сочленение двух укладов капиталистического и мелкотоварного.² Сосуществование этих укладов вообще характерно для эпохи промышленной революции. Их взаимодействием во многом объясняются ход и темпы экономического развития, не менее существенно оно и для понимания эволюции массового сознания трудящихся слоев населения.

Великая буржуазная революция XVIII в. обеспечила правовые, политические, во многом социально психологические условия для превращения капиталистического уклада в доминирующий, т.е. в господствующий способ производства

Что же представлял собой капитализм как способ производства в промышленности Франции первой половины XIX в. Основными структурными элементами способа производства (точно так же - уклада) выступают производительные силы и средства труда, рабочая сила, предмет труда (т.е. в данном случае техническая оснащенность фабрик, заводов, мануфактур; пролетариат, сырье) - и производственные отношения. Правда, значимость этих элементов в структуре различных способов производства (и соответственно укладов) отнюдь не равноценна. Даже в рамках одного способа производства в зависимости от стадии его развитие приобретает особое значение то один, то другой компонент К.Маркс отмечал: «В мануфактуре исходной точкой переворота в способе производства служит рабочая сила, в крупной промышленности - средство труда».³ Далее в той же 13-й главе I тома «Капитала» К.Маркс уточнял, преобразование какого из компонентов средств труда играло наиболее революционную роль в ходе промышленного переворота. Он писал: «Промышленная революция в XVIII веке исходит... от машины-орудия. Она же и теперь образует всякий раз исходный пункт при превращении ремесленного или мануфактурного производства в машинное производство».⁴

При рассмотрении капиталистического уклада основным объектом нашего изучения явятся фабрики, заводы и мануфактуры так как именно в рамках этих производственных форм можно исследовав на микроуровне, т.е. конкретно-исторически, важнейшие компоненты интересующего нас уклада. Для капитализма такими решающими компонентами, согласно выводам К.Маркса, являются: средства труда (прежде всего степень развития и распространения рабочих машин) и рабочая сила, в области же производственных отношений - взаимодействие всей совокупности индивидов, участвующих в производственном процессе.

О количестве фабрик, заводов и мануфактур во Франции первой половины XIX в. судить очень трудно вследствие большой неточности и неполноты статистики тех лет. Этими недостатками отличается даже столь солидное официальное издание, как «Statistique de la France, publiee par le ministre des travaux publics de l'agriculture et du commerce» (P., 1837). Например, в нем отсутствует информация о промышленности такого индустриально развитого департамента, как Нижняя Сена, нет сведений о департаментах Тарн и Вандея. Непонятен и сам принцип классификации промышленных предприятий. В одну колонку выделяются фабрики, мануфактуры и заводы (fabriques, manufactures et autres usines) общей сложностью 27965 единиц, в другую - различные печи промышленного назначения и плавильни, их число - 33255. В 30-е годы в статистических справочниках металлургические предприятия подчас называли просто домной (fourneau) или сталеплавильной (acierie).⁶ И тем не менее нельзя сказать с полной уверенностью, являлись ли учтенные в названном издании печи и плавильни отдельными предприятиями, которые следует приплюсовать к 27965, или это лишь дополнительная характеристика «фабрик, мануфактур и заводов».

Согласно данным статистических обследований 40-х годов, во Франции в тот период насчитывалось 71497 промышленных предприятий в провинции⁷ и 10168 в Париже.⁸ Об индустрии в провинции известно благодаря статистическому обследованию 1839- 1845 гг. (vol.I-4; 1852). В ходе этого обследования учитывались промышленные заведения, которые по своему характеру, размерам и стоимости годовой продукции выходили за рамки ремесла. Основным же критерием выделения крупной промышленности, т.е. фабрик, заводов и мануфактур, для них служило наличие на предприятии 12 и более работников.⁹ В исследовании Моро де Жоннеса, откуда почерпнуты данные о парижской промышленности, также приводятся сведения лишь о крупных предприятиях. Таким образом, можно констатировать, что во Франции в 40-е годы насчитывалось приблизительно 81665 фабрик, заводов и мануфактур. Что же представляли собой эти предприятия? Для ответа необходимо, во-первых, вычленив важнейшие отрасли промышленности тех лет¹⁰, во-вторых, дать описание типичных предприятий данных отраслей. В современной статистической науке отрасль промышленности определяется как «совокупность промышленных предприятий, однородных, прежде всего, по назначению вырабатываемой ими продукции, а также по характеру перерабатываемого сырья и технологического процесса».¹¹ Французские статистики середины XIX в. при выделении отраслей руководствовались единым и единственным критерием - характером перерабатываемого или добываемого сырья. В соответствии с этим они делили все промышленное производство на три большие группы:

I - предприятия, добывающие или перерабатывающие минеральное сырье;

II - предприятия, перерабатывающие сырье растительного происхождения;

III - предприятия, перерабатывающие сырье животного происхождения. Исходя из того же критерия, внутри указанных трех подразделений выделялись отрасли. Итоговая, наиболее обобщенная классификация включала 77 отраслей. В таблице названы 10 отраслей с наибольшим количеством рабочих.

Крупнейшие отрасли французской промышленности (по переписи 1839-1845 гг.)

Отрасль промышленности	Число предприятий	Число рабочих	Количество паровых машин	Станки	Прочие машины
Хлопчатобумажное производство	2394	244819	416	116154	15487
Шелковое производство	1459	165115	145	88864	8894
Шерстяное производство	2424	144146	267	38498	2075
Черная металлургия и металлообработка	2443	125933	422	20242	6839
Мукомольное производство	34079	78510	53	8	2486
Производство изделий из льна и конопли	5576	56167	90	20901	2263
Карьеры	2690	29681	13	17	139
Каменноугольная промышленность	258	23402	225	7	62
Солеварение	538	21736	18	-	172
Сахароварение	335	20098	276	3	298

В рамках каждой отрасли предприятия значительно различались по своему техническому уровню. Это обстоятельство объяснялось рядом факторов. Во-первых, система путей сообщения Франции была еще очень неразвитой. Вплоть до второй половины 40-х годов медленно разворачивалось железнодорожное строительство. К 1835 г. эксплуатировалось всего около 150 км железных дорог.¹² Мало было глубоководных каналов. Трудность и дороговизна транспортировки товаров способствовали сохранению местных рынков, на которых могла реализовываться продукция, которая ни по своей себестоимости, ни по своим качествам не выдержала бы конкуренции с продукцией наиболее передовых предприятий Франции. Во-вторых, система протекционизма способствовала сохранению отсталых предприятий. Поэтому во Франции даже в 30-40-е годы XIX в. в одной и той же отрасли часто сосуществовали предприятия фабрично-заводского, мануфактурного, а иногда и ремесленного типа. Тем не менее в каждой отрасли в той или иной степени преобладал один из этих типов производства. Характеризуя капиталистический уклад, мы сначала рассмотрим отрасли, в которых доминировал фабрично-заводской тип производства, затем те, в которых превалировал мануфактурный тип. Ремесленные предприятия будут анализироваться при рассмотрении мелкотоварного уклада. При конкретном исследовании 10 крупнейших отраслей мы выделяли внутри них более мелкие подразделения, в основном в соответствии с принципом единства их технологического процесса.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО

А. Фабрично-заводское производство

В 30-40-е годы XIX в. прядильное производство во Франции далее всего продвинулось по пути механизации. Из имевшихся в 1837 г. во Франции 1749 паровых машин 491 приходилась на прядильные фабрики.¹³ А из всех прядильных производств ранее всего и в наиболее полном виде фабричный тип сложился в хлопкопрядении. Уже в период Реставрации в этой отрасли имелись предприятия, на которых были механизированы все основные технологические операции. Хлопок последовательно обрабатывался с помощью трепальных и трепально-настилательных машин, чесальных, вытяжных и бранкоброшных станков, наконец, мюльджени или ватерных машин континю. Даже упаковка готовой пряжи на некоторых фабриках осуществлялась машинами.¹⁴ В 40-е годы в среднем на каждой фабрике насчитывалось 29 прядильных станков и 18 различных машин для предварительной обработки хлопка и упаковки пряжи. Эта система машин практически на всех 566 хлопкопрядильных Франции приводилась в действие водяными (478) или паровыми (244) двигателями. Лишь в наиболее отсталом регионе Франции, на юго-западе, на двух предприятиях использовались ручные станки. Подавляющее большинство работников бумагопрядильных фабрик выполняли очень простые операции, не требующие ни специальной выучки, ни значительной физической силы. Это обусловило и структуру рабочей силы в хлопкопрядении, где приблизительно 64% занятых составляли женщины и дети.¹⁵ В бумагопрядильном производстве, как и в большинстве других текстильных отраслей, перестроенных на фабричный лад, лишь около 10% рабочих обладало довольно высокой квалификацией. То были наладчики станков и различные ремонтники: столяры, токари, слесари.¹⁶

Перестройка производства на машинный лад в шерсто- и льно-прядении осуществлялась несколько медленнее, чем в хлопкопрядении. Первые дженни в области шерстопрядения появились незадолго до 1789 г. Центром фабричного шерстопрядения стал Амьен с близлежащей округой. Но на амьенских фабриках был механизирован лишь процесс прядения, все же подготовительные операции осуществлялись вручную. Видимо, этот факт, а также несовершенство первых механических прядильных станков послужили причинами того, что в том же департаменте Соммы еще и в эпоху Реставрации во многих сельских коммунах продолжалась выделка шерстяной пряжи с помощью ручной прялки.¹⁷ Внедрение машин в обработку шерсти перед прядением осуществилось в 30-е годы. Автор знаменитого промышленного обследования тех лет, врач Л.-Р.Виллерме дал подробное описание выработки пряжи из шерсти.

Весь технологический процесс в шерстопрядильных подразделялся на 8 основных операций: 1) на деревянных решетках шерсть очищали от особо крупного мусора и делили ее на 4 или 3 сорта. Эта грязная грубая, ручная работа производилась обычно стоя; затем шерсть 2) мыли, 3) сушили и обезжиривали, 4) красили. Красильщики и монщики шерсти работали в постоянной сырости; 5) потом следовала отбивка шерсти, осуществлявшаяся специальными палками или машиной, которая называлась «волк» или «дьявол». Ручная отбивка всегда была делом мужчин, так как требовалась значительная мускульная сила; 6) шерсть смачивали маслом с помощью машины «волк»; 7) осуществлялось машинное чесание (cordage). Но для тонкой пряжи расчесывание (reigage, а не cordage) производилось вручную; лишь на фабрике Д.Коллье в Париже эта операция была механизирована¹⁸; 8) шерсть пряли с помощью машин. Итого из 8 важнейших операций на всех шерстопрядильных фабриках в 30-40-е годы четыре осуществлялись вручную, на некоторых же без применения машин выполнялись 5 и даже 6 операций.

В 40-е годы во Франции насчитывалось 507 шерстопрядилен, станки на них приводились в действие 142 паровыми механизмами, 368 водяными двигателями, а также конной, воловьей тягой и в одном случае ветряным двигателем.¹⁹

Обилие паровых машин и водяных двигателей явно указывает на господство механического прядения. В то же время на подавляющем большинстве фабрик имелись машины и для предварительной обработки шерсти: в среднем на каждой фабрике их насчитывалось более восьми.

Таким образом, данные промышленной переписи 1839-1845 гг. и обследования Виллерме показывают, что в 30-40-е годы XIX в. в шерстопрядении возобладал фабричный тип производства. Но хотя на многих фабриках уже сложилась развитая кооперация машин, по-прежнему огромное место в производстве занимал еще ручной труд.

Во французском льно- и пенькопрядении²⁰ получили довольно широкое распространение станки континю, еще очень несовершенные. Двигателем для них служила рука человека. В 40-е годы они сохранились еще приблизительно на трети всех льно- и пенькопрядильных предприятий северо-востока Франции, региона, где было сосредоточено почти 99% предприятий этих отраслей. На 62 льнопрядильных департаментов Нор, Па-де-Кале, Арденны, Верхний Рейн (остальные северо-восточные департаменты не имели льнопрядильного производства) было установлено 32 паровые машины и 6 водяных двигателей.²¹ В целом по Франции на льно- или пенькопрядильную фабрику в 40-е годы XIX в. в среднем приходилось приблизительно 5 машин для предварительной обработки льна или пеньки и 19 прядильных станков.²² Несмотря на заметное отставание по темпам механизации от хлопко- и даже шерстопрядения, в льно- и пенькопрядении в 40-е годы также преобладал фабрично-заводской тип производства.

На протяжении первой половины XIX в. машинное производство постепенно складывалось в ткачестве. О темпах этого процесса могут свидетельствовать следующие цифры: в 1827 г. в департаменте Верхний Рейн насчитывалось 426 механических ткацких станков, в 1834 г. - 309023. Правда, об исчезновении ручного ткачества к концу 40-х годов говорить не приходится. Даже в более передовой Англии в хлопчатобумажной промышленности в 1849 г. наряду с 225 тыс. механических станков продолжали действовать 60 тыс. ручных.²⁴ О Франции же русский «Журнал мануфактур и торговли» писал в 1850 г.: «В выделке бумажных и льняных материй машинное тканье заметно вытесняет во Франции тканье ручное. В Реймсе, Лилле, Руане и Эльзасе есть большие заведения, имеющие до 400 механических станков. Материи шерстяные и шелковые продолжают изготовлять на ручных станках».²⁵

В начале же 40-х годов даже в наиболее передовой отрасли - хлопкоткачестве с высокомеханизированными фабриками - продолжали конкурировать не только централизованные мануфактуры, но и домашнее ткачество. Если в департаменте Нор на 5 фабриках, где осуществлялось и прядение и ткачество, 180 станков и 77 машин для предварительной обработки хлопка приводились в действие 6 паровыми машинами, то на ткацких предприятиях Па-де-Кале или Меза имелись только ручные станки.

К 40-м годам определенных успехов фабричное производство постигло в ситцепечатании. Уже Виллерме писал об употреблении механических станков в этой отрасли как о явлении типичном.

В ситцепечатании, как ручном, так и машинном, было занято три категории рабочих: граверы, печатники и разнорабочие. Профессия гравера была исключительно мужской. Труд этот носил сугубо ремесленный характер, к тому же требовал определенных художественных навыков. Во много раз более однообразной являлась работа ситцепечатника, независимо от того, стоял ли он за механическим станком - машиной с вертящимися барабанами - или непрерывно накладывал деревянные рамы с нужным рисунком или просто краской на полотно. Разнорабочие занимались сушкой, стиркой, дополнительной подкраской материй.²⁶ О степени распространения машинного ситцепечатания у нас имеются лишь отрывочные сведения. На 13 верхнерейнских ситцепечатных фабриках имелось 290 станков и 887 различных машин (их приводили в действие 4 паровые машины, 6 водяных двигателей и свыше 10 лошадей). В департаменте Нор ситцепечатание осуществлялось параллельно с выделкой батистовых тканей на одних и тех же предприятиях. На 9 подобных предприятиях использовалась 131 машина с вертящимся барабаном. В качестве двигателей применялись 4 паровых механизма, конный привод; в нескольких случаях ситцепечатные машины приводились в действие воловьей силой. Машинное производство в целом преобладало, но следует учитывать, что Нор и Верхний Рейн были в те годы одними из самых развитых департаментов Франции.

Вытеснение ручного труда машинным в каждой отрасли имело свою специфику. Особенно заметной была она в металлургии.

Попытаемся представить схему технологического процесса, типичного для металлургических предприятий Франции 30-40-х годов XIX в.

I. Выплавка чугуна.

1. Подготовка руды, флюсов, древесного или каменного угля к доменному процессу. До середины 30-х годов древесный уголь производился непосредственно в лесах, а впоследствии - на заводах в специальных печах, куда поступали колошниковые газы. Перед загрузкой древесины в обжигательные печи, например, на заводе Сеню (деп. Арденны) 30 человек занимались ее ручной распилкой.²⁸ С другой стороны, для размельчения руды издавна уже использовались специальные машины-толчеи.²⁹

2. Загрузка руды, угля и пр. в домну. Осуществлялась при помощи простейших механизмов или вручную.

3. Доменный процесс. К 1835 г. почти повсеместное распространение получили вертикальные мехи, обычно приводившиеся в Действие паровой машиной и значительно ускорявшие плавку. Если контроль за доменным процессом осуществлялся постоянными рабочими, высококвалифицированными литейщиками, то первые две операции входили в обязанности «внешних» рабочих, которые от случая к случаю подрабатывали на заводах. Часто этих подсобных рабочих набирали среди лесорубов, шахтеров, возчиков 30 Грубый, неквалифицированный физический труд был их уделом. Подобный труд занимал огромное место в черной металлургии. Об этом свидетельствует процент «внешних» рабочих в составе персонала традиционных металлургических предприятий. В Сен-Монтиньи (Кот д'Ор) они составляли - 69,9%, в Сен-Фуа (Аррьеж) - 80, а в Ларруа (Кот д'Ор) даже 95,6%.³¹

4. Слив шлака и расплавленного чугуна. В романе «Труд» Э. Золя описал плавку в доменной печи очень устарелого образца. Вот каким образом представил он завершение выплавки чугуна: «Пти-Да с силой молодого колосса с размаху вонзил лом во втулку из огнеупорной глины, закрывавшую отверстие домны; затем четверо рабочих ночной смены, схватив тяжелую бабу, принялись равномерными ударами бить ею по лому, чтобы глубже вогнать его в глину. Очертания их фигур терялись во мраке, слышались только глухие удары. Вдруг показалась ослепительная звезда - крошечное отверстие, за которым пылал огонь. Но пока сквозь отверстие пробивалась лишь тонкая струя... Пти-Да пришлось взять другой лом, вонзить его в глину и повернуть богатырским усилием, чтобы увеличить отверстие. Тогда наконец произошел прорыв: металл хлынул бурным потоком...»³² В конце 30-х годов на считавшемся передовым по техническому оснащению металлургическом заводе близ местечка Аббенвиль домны выдавали в день не более двух плавов.³³

II. Выплавка железа

1. Пудлингование. Тяжкая работа пудлинговщика требовала незаурядной физической силы, ловкости, профессионального мастерства. Она не раз привлекала внимание писателей. Ее описание есть у Э. Золя и Л. Рейбо.³⁴

Пудлингование, открытое англичанином Кортон в 1784 г., было не только гораздо производительнее старинных способов передела чугуна, до этого осуществлявшегося в закрытых горнах, но и несколько упрощало функции литейщика. Французские инженеры писали об этом: «Труд при пудлинговании несколько легче, чем при переделе чугуна в закрытом горне... так как рабочий-пудлинговщик всегда может видеть то, что происходит в печи, в то же время этот труд более тяжок, так как рабочему приходится перемешивать металл, чтобы каждая его частица пришла в соприкосновение с воздухом».³⁵

О постепенном вытеснении традиционных методов передела говорит тот факт, что число сталеваров на предприятиях, применявших пудлингование, с 1835 по 1846 г. увеличилось на 39,7%, на традиционных предприятиях их число сократилось на 41,5%.³⁶

2. Выемка крицы. Очень трудоемкая и тяжелая операция. Повсеместно совершалась вручную.

3. Проковка крицы ручным, паровым молотом или же молотом, приводившимся в действие водяным двигателем. Первый в мире паровой молот был установлен в 1842 г. на заводе Крезю³⁷, в 1843 г. паровой молот начал действовать также в Террнуар, в 1849 г. - в Лоретте.³⁸

4. Дополнительный прогрев металла в калильной печи.

5. Прокат. Механизированная операция. В 1826 г. во Франции насчитывалось 45 прокатных станов. Их имели тогда заводы 23 департаментов, к 1845 г. они появились еще в 5 департаментах.³⁹

Несмотря на то что внедрение машин в черную металлургию осуществлялось медленнее, чем в прядильную промышленность, можно признать, что крупнейшие металлургические комплексы типа Крезо, Деказвилья, Террнуар, Фуршамбо, Але являлись заводами в том смысле, в каком термин «фабрика» употребляется для легкой промышленности. Подобные предприятия во Франции 30-40-х годов XIX в. называли «les forges a l'anglaise». Но таких передовых промышленных заведений было всего несколько десятков, тогда как во Франции 40-х годов имелось 483 только чугунолитейных и железоделательных предприятия, не считая предприятий, занимавшихся выпуском специальных сортов железа и фасонного литья. Но и на средних, «заурядных» предприятиях в 30-40-е годы процесс механизации, усложнения и укрупнения производства зашел довольно далеко. По данным «Statistique de la France», в вышеуказанных промышленных заведениях Франции в 40-е годы имелось 419 различных машин, которые приводились в действие 153 паровыми и 532 водяными двигателями.⁴⁰

Все это в совокупности дает право считать, что становление фабрично-заводского типа производства в металлургии шло в годы Июльской монархии полным ходом.

Правда, следует отметить, что складывавшаяся на металлургических предприятиях кооперация машин несла с собой несколько иные последствия для рабочих, чем механизация в текстильном производстве. Кооперация машин в металлургии в середине XIX в. еще не вела к облегчению (в плане снятия больших физических нагрузок) и упрощению труда. Скорее наоборот, повышение эффективности доменных печей, увеличение их размеров, внедрение пудлингования, паровых молотов и блюмингов требовали от рабочих большей сноровки, большей выучки, ловкости. Крупнейший предприниматель в металлургическом деле Э.Шнейдер говорил: «Тот, кто имеет дело с быками, может думать медленно, кто же имеет дело с паровой машиной, должен думать и действовать быстро».⁴¹ В то же время, как показал анализ технологического процесса, значительная физическая сила также оставалась одним из обязательных условий труда в металлургической промышленности.

У нас нет возможности рассмотреть все многообразие производств металлообрабатывающей промышленности. Остановимся лишь на характеристике машиностроительных предприятий. Этот выбор определяется как первостепенным значением машиностроительной отрасли в ходе промышленной революции, так и факторами социально-политического характера, и прежде всего активным участием рабочих-машиностроителей (mecaniciens) в революционных событиях 1848 г.⁴²

Согласно «Statistique de la France», во Франции (без Парижа) в 40-е годы насчитывалось 133 предприятия, на которых производились машины различного рода. На них было занято 12334 рабочих.⁴³

Первые машиностроительные предприятия во Франции возникли еще в XVIII в. В 90-е годы в промышленных заведениях Перое, Рамю, Куржолле изготовлялись паровые машины, во Вьенне и Дуэ отливали зубчатые передачи и другие детали насосов и подъемных машин для угольных шахт, на предприятии Суппа производили цилиндры прокатных станов, а у Мильнов - прядильные станки.⁴⁴ В 30-40-е годы XIX в. французское машиностроение выпускало различную продукцию, обеспечивая во многом спрос промышленности страны на двигатели, станки и другие машины. В 1836 г. из использовавшихся на французских предприятиях 1749 паровых машин 1393 были отечественного производства.⁴⁵

У Моро де Жоннеса имеется перечень машин, выпускавшихся французской промышленностью. Этот перечень представляет собой двойной интерес: во-первых, благодаря ему отчасти выясняется номенклатура производимой французским машиностроением продукции, во-вторых, на основании его можно понять, что понималось статистиками середины XIX в. под термином «машина» Моро де Жоннес писал: «Машины,

выпускаемые нашей промышленностью... это прежде всего двигатели, обеспечивающие работу мануфактур: турбины, гидравлические колеса, а также паровые мельницы; самодвижущиеся станки, молоты огромного веса, которыми может управлять и ребенок, механические устройства, которые способны перенести с места на место гранитную глыбу высотой 100 футов и весом 23000 кг., механические прессы, выпускающие бумагу бесконечной лентой, буровые установки, способные пробить земную толщу глубиной 524 м». ⁴⁶ Производство столь сложной продукции требовало значительной концентрации рабочей силы и техники. В провинции на машиностроительном предприятии трудилось в среднем 93 человека. В Париже в среднем (если верить Моро де Жоннесу) машиностроительные предприятия были мельче, но также имелись крупные заводы. В пригороде Парижа Гренеле заведение Дерона и Кая в 1837 г. насчитывало 250 рабочих, в 1845 г. - 570, а в 1848 г. уже 1500 рабочих. ⁴⁷ В 40-е годы помимо двух действовавших по существу как единое целое крупных заводов в Гренеле компании Дерона и Кая (впоследствии «Societe I.-F.Cail et Ce») принадлежали заводы в Денене (деп.Нор) и Брюсселе, а их головное предприятие находилось в Париже на улице Шайо.

Типичный для 30-40-х годов технологический процесс и соответственно трудовые функции рабочих-машиностроителей воссоздать очень сложно из-за нестандартности производства. Например, в 30-е годы тогда еще единственный завод Дерона и Кая специализировался в основном на выпуске сахароваренного оборудования, в 1844 г. в его цехах были построены 8 паровозов ⁴⁸, а несколько ранее, в 1843 г., владельцы этого предприятия заключили контракт с изобретателем Шоссено о предоставлении им исключительного права на изготовление оригинальной конструкции предохранительного клапана для паровых машин. ⁴⁹ Соответственно каждый из этих видов продукции имел особый способ изготовления. Поэтому технологический процесс на машиностроительных предприятиях Франции мы представили в обобщенном виде, не связывая его непосредственно с производством той или иной машины.

Основными стадиями изготовления любого сложного агрегата (локомотива, паровой машины, механического ткацкого станка) выступают: 1) получение металлических заготовок, различных полуфабрикатов; 2) производство деталей с помощью развитого парка металлорежущих станков; 3) сборка, наладка.

Первая стадия. На особенно крупных машиностроительных предприятиях имелось собственное литейное производство. Чаще же нужные заготовки производились из готовых металлических болванок. Для подобной первичной обработки металла служили ковочные молоты, прокатные станы, прессы, волочильные станы. В конце XVIII - начале XIX в. эти машины для обработки металлов давлением претерпели значительные изменения. ⁵⁰ В большой степени увеличилась точность их работы. В основном они стали действовать на приводе от паровой машины, а не от водяного колеса. В провинции в 40-е годы на 133 машиностроительных предприятия приходилось 113 паровых машин. ⁵¹

Вторая стадия. Литые, кованые или штампованные изделия подвергали обработке на металлорежущих станках. Важнейшим из них являлся токарный станок. Его использовали как универсальную машину для резания металла. Автор основательного учебника по токарному делу Е. де Валикур писал: «Токарное дело в некотором роде выступает как основание или, по крайней мере, как необходимое дополнение всех других механических работ, и каждый день появляются новые сферы применения токарного станка - этой удивительной машины». ⁵² Помимо продольного обтачивания и нарезания винтовой резьбы на токарном станке совершались самые различные операции: от распилки металлических брусьев и правки фланцев до сверлильных, шлифовальных и Долбежных работ. Соответственно и рабочий-токарь был своего рода универсалом.

Помимо токарного широко применялись сверлильно-расточные станки, также имевшие механический суппорт ⁵³, и масса механических, но узкоспециализированных станков: типа станка, предназначенного исключительно для насечки напильников, или станка для нарезания зубьев. ⁵⁴ В целом французские машиностроительные предприятия отличались высокой технической оснащенностью; на 133 промышленных заведения приходилось 2137 различных механических станков и прочих машин. ⁵⁵ Правда, и в этой отрасли, как и в других,

Англия опережала Францию. «Сопоставляя английскую и отечественную фабрику, - говорилось в сравнительном исследовании французской экономики и других европейских стран, - следует отметить, что наши механики по своей изобретательности ни в чем не уступают иностранцам, но по сравнению с огромными заводами англичан наши заводы отнюдь не оснащены всем необходимым оборудованием для производства с наименьшими издержками. Слишком часто еще встречается использование ручного труда, не везде правильные, шлифовальные и сверлильные станки заменили собой ручную шлифовку и сверление, не везде еще получили распространение большие токарные станки с механическим суппортом».⁵⁶

Третья стадия. На машиностроительных предприятиях Франции сборка вплоть до середины XX в. осуществлялась преимущественно вручную. Только в XIX в. на сборке стояли наиболее высококвалифицированные механики, а в XX в. стандартные машины собираются на конвейере специализированными рабочими. Транспортировка готовых деталей к месту сборки осуществлялась частично вручную, частично с помощью кранов, работавших по принципу лебедки.

При анализе степени вытеснения ручного труда машинным в ходе промышленной революции следует учитывать, что в ряде производств ручной труд и не мог быть устранен в XIX в., а иногда сама промышленная революция создавала потребность в ручном труде (например, механика-сборщик на машиностроительных предприятиях). С другой стороны, даже на самых совершенных машиностроительных заводах Франции в середине XIX в. сохранялись значительные элементы труда ремесленного и мануфактурного типов.⁵⁷ И тем не менее высокий уровень механизации первых двух стадий машиностроительного производства говорит о том, что уже в 30-40-е годы XIX в. фабрично-заводской тип производства в целом утвердился во французском машиностроении.

О высоком уровне развития французского машиностроения может свидетельствовать тот факт, что некоторые виды продукции этой отрасли в конце 40-х годов могли успешно конкурировать с английскими изделиями. Прежде всего это относится к оборудованию для сахароваренных заводов. Французское машиностроение обеспечило эту динамично развивавшуюся отрасль первоклассной для своего времени техникой. По данным Ж.-А.Шнитцлера, в 1828 г. во Франции насчитывалось всего 58 предприятий по переработке сахарной свеклы и 31 строилось, через пять лет действовала 361 сахароварня, в марте 1837 г. их было уже 543 и 39 строилось.⁵⁸ После 1840 г. число сахароваренных заводов начало сокращаться, хотя объем годовой продукции отрасли неуклонно увеличивался.

Технологический процесс производства сахара из сахарной свеклы подразделялся на 10-11 операций: 1) свеклу вручную чистили, освобождали от крупного мусора. Эту работу выполняли обычно женщины или дети. В среднем две женщины за 12-часовой рабочий день должны были обработать 3-3,5 тонны свекловичных корней⁵⁹; 2) очищенную свеклу помещали в специальную машину, которая превращала корни в мелкую пульпу; 3) из пульпы механическими прессами выдавливали сок. Если в годы Реставрации большинство прессов приводилось в действие от конных приводов, то начиная с 30-х годов во Франции преимущественно использовались прессы с приводом от паровой машины. В 40-е годы приблизительно 82% оборудования сахароваренных предприятий приводилось в действие паровыми двигателями⁶⁰; 4) далее в паровых котлах сок подогревали до 60° и очищали с помощью альбумина и известкового молока.⁶¹ Вторая, третья и четвертая операции осуществлялись механически: рабочие только загружали свеклу или пульпу в соответствующий механизм и непосредственно в механической или химической переработке не участвовали; 5) сок проходил через фильтры из шерстяной материи, затем через фильтры из костного угля; 6) в специальных котлах сок концентрировали путем выпаривания из него воды. В 40-е годы для этой операции использовались уже достаточно совершенные котлы со змеевиком, например конструкции де Бегра-теля⁶²; 7) вторичная фильтрация и обесцвечивание в 40-е годы осуществлялись в так называемых мешочных фильтрах; применялись уже и комбинированные фильтры из костного угля с кремнеземом; 8) путем уваривания сиропа в агрегатах наподобие выпаривательных котлов получали утфель. Уже в конце 30-х годов

стало важным моментом в техническом развитии сахароварения. Эти аппараты позволяли снижать температуру кипения до 60° и тем самым получать гораздо менее окрашенный сироп, чем ранее». ⁶³ Эло отмечал также, что конструкция котлов для уваривания в основных своих чертах сохранилась почти неизменной вплоть до конца XIX в.; 9) с помощью рефрижераторов Ховарда, Рота, Дерона охлаждали утфель. Чем меньше в утфеле было примесей, тем быстрее он начинал кристаллизироваться. Если кристаллики сахара не образовывались длительное время, даже при снижении температуры до 40°, то в утфель для ускорения кристаллизации добавляли уже готовый сахар. Технический прогресс, который позволял получать все более чистый утфель, тем самым устранял операцию (по добавлению сахара), которая выполнялась только вручную. Прогресс в некоторых отраслях измеряется количеством необходимых операций: чем их меньше, тем эффективнее технологический процесс и меньше себестоимость продукции.

Сосуды, в которых осуществлялось охлаждение утфеля, были обычно конической формы с отверстием в нижней суженной части; после того как происходила кристаллизация, из отверстия вынимали затычку - содержащаяся еще в сахаре влага сцеживалась; 10) на части заводов полученный сахарный песок просушивался, после чего его передавали на специальные предприятия для рафинирования. На других предприятиях сахарный песок промывали клерсом (предельно чистым, подогретым и насыщенным углекислотой сиропом), после чего его вновь сушили и теперь он мог поступать к потребителю.

Специфика сахароварения в том, что почти все технологические операции данного производства представляют собой не механические, а физико-химические преобразования вещества. Трудовая деятельность человека заключалась в подготовке условий для осуществления этих преобразований, а также в контроле над ними. Т.е. труд в сахароварнях изначально по многим признакам соответствовал труду машинного типа. Но этот факт отнюдь не означает, что сахароварение не знало мануфактурной стадии. Лежащие в основе производства сахара физические и химические превращения были приблизительно теми же и в XVIII в., и во второй четверти XIX в., изменялись лишь технические условия протекания этих превращений. Вместо ивовых корзин с обтянутым полотном днищем стали употребляться мешочные фильтры, костры под выпаривательными котлами были заменены змеевиками с горячим паром. Более чистый, равномерно подогреваемый сок давал меньше осадков, реже сырье оказывалось испорченным из-за несовершенства технологии. В итоге устранялась необходимость множества дополнительных операций (наподобие упоминавшейся выше добавки готового сахара к кристаллизировавшемуся утфелю), объем ручного труда становился меньше. Н этот переход от мануфактурного к фабрично-заводскому типу производства в сахароварении осуществлялся, как нам представляется, на рубеже 20-30-х годов XIX в. В 30-40-е годы подавляющее большинство сахароваренных предприятий представляло собой уже заводы Правда, действовали они 3-4 месяца в году. Лишь механика-наладчика обычно нанимали на год и 2-3 специалистов по получению утфеля - приблизительно на 240 дней, остальных рабочих - в среднем на 120 дней. ⁶⁴

Если для ряда отраслей, таких, как хлопчатобумажная промышленность, машиностроение, сахароварение, вопрос о доминировании того или иного типа производства поддается решению, то тип производства, господствовавший в других отраслях, имеющиеся в нашем распоряжении источники установить не позволяют.

Особенностью шелковой промышленности являлось то, что почти все важнейшие технологические операции были выделены в самостоятельные производства: нам не известны предприятия, на которых одновременно сматывалась бы с коконов нить и осуществлялась крутка, не говоря уже о чесании и прядении коконной путанки. Исходя из последовательности технологического процесса, первым производством следует назвать шелкомотальное. Для получения шелковой нити коконы шелкопряда предварительно нагревали в специальных котлах. Нагревание осуществлялось до строго определенной температуры, малейшие отклонения приводили к тому, что при сматывании нити она рвалась или спутывалась.

Вследствие неправильного температурного режима шелк мог потерять эластичность и блеск. В 30-е годы во многих местностях (деп. Воклюз, Гар, Эро, Ардеш, Буш-дю-Рон, Мозер) рядом с каждым котлом устанавливалась печка. Размотчица с помощницей снимала нить с кокона и сматывала ее посредством ручного мотовила. Тогда же стала получать все большее распространение система парового отопления котлов⁶⁵, которая обеспечивала более равномерный и экономичный подогрев, избавляла от массы подсобной работы. В 30-е годы ручные мотовила стали вытесняться механическими. Работа размотчицы значительно упрощалась, исчезала надобность в помощнице.⁶⁶ Виллерме считал, что уже в конце 30-х годов шелкомотальное производство механизированного типа преобладало. Но приведенный им частный статистический пример свидетельствует об обратном. Из имевшихся в городе Салоне (деп. Буш-дю-Рон) 280-300 мотовил лишь 34 являлись механическими.⁶⁷ По словам Рейбо, к середине 50-х годов «возникли огромные предприятия, на которых пар приводит в действие сотни котлов и мотовил. Чудом сохранилось... несколько домашних мастерских, на долю которых приходится выработка самых простых сортов шелка...»⁶⁸ Правда, это свидетельство вызывает определенные сомнения, так как, согласно данным официальной статистики, в 40-е годы на 1459 предприятий шелковой промышленности приходилось всего 145 паровых машин.⁶⁹ Итак, можно предположить, что хотя в 30-40-е годы имелись шелкомотальные фабрики и число их быстро росло, все-таки доминирования фабрично-заводского типа производства в этой отрасли еще не было.

Представляется дискуссионным и вопрос о преобладании того или иного типа производства в шелкокрутильном деле. Ш.Балло утверждает, что шелкокрутильное производство носило фабричный характер уже в конце XVIII в.; Ф.В.Потемкин считает, что Балло ошибся приблизительно на 50 лет. Техническая «революция в шелкокрутильном производстве совершается во второй четверти XIX в.»⁷⁰ Отсутствие необходимых источников для решения вопроса о том, когда шелкокрутильные мельницы стали машинами, не позволяет присоединиться ни к одному из вышеуказанных мнений. Можно только констатировать, что шелкокрутильное производство осуществлялось не на дому, а в специальных мастерских. Число рабочих в них в 30-е годы, по словам Виллерме, колебалось от 8-10 до 30-40.⁷¹ Этой оценке соответствуют и статистические данные по округу Турнон (деп. Ардеш), в котором в 1836 г. на 24 крупных и мелких крутильных предприятиях трудилось общей сложностью 750 рабочих, т. е. в среднем по 31 человеку на предприятие.⁷² В отличие от сезонного шелкомотального производства шелкокрутильные заведения действовали круглый год.

Б. Мануфактурное производство

При конкретно-историческом анализе критериями отличия централизованной мануфактуры от фабрики, по-видимому, могут служить: во-первых, механизация основной операции данного производства (пряжения в прядильном производстве, металлорезания в машиностроении, пошива в изготовлении одежды и т.д.); во-вторых, степень механизации всех существенных операций. В некоторых производствах невозможно выделить важнейшую операцию, в этом случае первый критерий оказывается неприменимым. При изучении угледобычи вопрос об основной операции не является спорным. Совершенно ясно, что по отношению к вырубке и отбойке угля все остальные операции выступают как вспомогательные. Но именно вырубка особенно долго производилась вручную, с помощью кайла и обушка. В письме в рабочую газету «Atelier» шахтер из Анзенских коней так описывал работу забойщика: «После спуска на глубину 300 или 400 метров шахтер долго добирался до пласта, который он должен вырабатывать. Затем часто в очень неудобной позе: на коленях, а то и лежа на животе - забойщик загоняет деревянным обухом в пласт кайло или металлический угольник и отделяет огромные глыбы угля, рискуя каждую минуту быть ими раздавленным».⁷³ Именно тяжелый ручной труд забойщика и определял в конечном итоге темпы угледобычи. Правда, в некоторых шахтах, а особенно при открытом способе разработки использовалась взрывная техника, но она имела ограниченное применение. К тому же шурфы при подготовке взрыва выдавливались вручную.

Существовало множество способов транспортировки угля от места добычи до колодца, по которому уголь поднимался на поверхность земли, но все их различие заключалось в том, что человек либо переносил уголь в мешках за спиной, либо толкал его перед собой в вагонетке, либо тащил за собой на санках-волокуше. «В большинстве шахт, - отмечал горный инженер А.Бюра, - человек - это единственная двигательная сила».⁷⁴ Обычно лишь по центральным галереям наиболее крупных шахт поезда вагонеток тянули лошади.

Подъем вагонеток или бадей с углем на поверхность земли осуществлялся с помощью паровой машины, лебедки с конным приводом или даже ручной лебедки. Во всяком случае, из книги Бюра явно следует, что даже в 40-е годы применялись еще все три вида подъемных механизмов.⁷⁵ Но преобладающим, согласно данным статистики, являлся подъем с помощью парового двигателя ⁷⁶. На крупных шахтах паровые машины также широко применялись для откачки воды. Помимо вырубki угля, его подземной транспортировки и подъема на поверхность земли к важнейшим технологическим операциям угледобычи относятся также крепежные и ремонтные работы в шахтах. Наскоро устанавливали подпорки сами забойщики и рабочие, занятые погрузкой угля в вагонетки. Основательным же оборудованием шахты, креплением потолков и стен галерей и штреков, ремонтом рельсовых путей занималась специальная смена рабочих, спускавшаяся в шахту после окончания вырубki угля. Труд крепежников и ремонтников подвергся серьезным изменениям лишь в XX в., когда начали вводиться средства малой механизации. В первой половине XIX в. это был тяжелый ручной труд.

Итак, в каменноугольной промышленности из четырех важнейших операций лишь одна была механизирована, вручную выполнялась и самая основная операция этой отрасли. Таким образом, можно заключить, что, несмотря на ряд серьезных усовершенствований (использование паровых машин при подъеме угля, при откачке воды, применение шахтерской лампочки Дэви)⁷⁷, в ней еще доминировал мануфактурный тип производства. Из 10 важнейших отраслей промышленности Франции 30-40-х годов XIX в. только в угледобыче было столь явным преобладание производства по типу централизованной мануфактуры. Рабочие в карьерах в основном работали по принципу простой кооперации. Элементарная кооперация работников, выполнявших набор приблизительно одинаковых, не требовавших специальной квалификации операций, господствовала и в солеварении.

* * *

При рассмотрении мануфактурного типа производства не меньшую сложность, чем вопрос об отличиях централизованной мануфактуры от фабрики, представляет собой проблема дифференциации первичных подразделений рассеянной мануфактуры и ремесленных мастерских. К.Маркс отмечал в «Капитале», что «мануфактура... отличается в своем зачаточном виде от цехового ремесленного производства едва ли чем другим, кроме большего числа одновременно занятых одним и тем же капиталом рабочих»⁷⁸, т.е. он допустил, что на начальном этапе своего развития мануфактура с технической точки зрения отличается от ремесла только количественно, только в отношении массы используемого труда. Но далее, раскрывая содержание понятия мануфактуры с исторической и логической точек зрения, К.Маркс ввел различие мануфактуры и ремесла и по уровню разделения труда. При этом следует остановиться на проблеме различий в уровне разделения труда внутри производственных единиц (мануфактур, ремесленных мастерских) и между ними (между ремесленниками различных специальностей, различных цехов; между работниками первичных подразделений рассеянной мануфактуры). Но при конкретно-историческом анализе было бы неверным отождествлять существовавшие ремесленные и мануфактурные производства и их теоретические модели. Так, в действительности универсальность ремесленного рабочего не только эпохи капитализма, но и эпохи развитого феодализма была относительной. Ведь уже во времена Э.Буало существовало значительное межцеховое разделение труда.⁷⁹ Вопрос о специфически мануфактурном разделении труда, особенно в текстильных отраслях, требует еще значительного уточнения.⁸⁰ Например, специализация в изготовлении тканей лишь определенного сорта не несет в себе ничего специфически мануфактурного. Также и деление на красильщиков, аппретурщиков, сукновалов известно

еще с эпохи Древнего Рима.⁸¹ Видимо, для каждой данной профессии можно установить определенный минимум операций, который являлся бы демаркационной линией, определяющей ремесленный труд от мануфактурного. Разберем с этой точки зрения пример, приведенный К.Марксом в «Капитале»: «Нюрнбергский цеховой мастер, изготавливающий иголки, образует основной элемент английской игольной мануфактуры. Но в то же время как нюрнбергский ремесленник последовательно выполняет одну за другой, быть может, 20 операций, в английской мануфактуре работают одновременно 20 ремесленников и каждый выполняет лишь одну из 20 операций...»⁸² Возможно, нюрнбергский мастер все-таки не изготавливает иголку полностью; для ее полного изготовления необходимо проделать, допустим, 40 операций. Но уже и 2 операции являются той нормой, которая указывает на ремесленный характер труда. Последовательное диахроническое изучение технологии ремесленного труда может позволить установить такие нормы не сугубо предположительно, а на строго научной основе. Но в рамках данной книги невозможно заняться решением этой задачи даже для одной ремесленной специальности. Поэтому, дифференцируя ремесло и мануфактуру, мы исходили только из одного из выработанных К.Марксом критериев. Мы устанавливали, являлись ли хозяева ремесленных мастерских независимыми товаропроизводителями или мелкие мастерские были лишь первичными подразделениями некоего единого целого (подчиненного капиталу).

В первой половине XIX в. масса тружеников, работавших на дому или в мельчайших мастерских типа тех, которые в России назывались светелками, зависела часто не от торгового капитала, что было характерно для XVII-XVIII вв., а от капитала промышленного. Взаимосвязь рассеянной мануфактуры и фабрики или централизованной мануфактуры являлась одной из характерных особенностей развития французской промышленности XIX в. Во многих отраслях фабрики или централизованные мануфактуры выступали одновременно в качестве раздаточных контор сырья и пунктов, куда стекались полуфабрикаты и готовая продукция. Работу на дом подчас брали сами труженики данного предприятия, чаще же ее раздавали жителям окрестных сел. Такая система была очень распространена даже в столь передовой отрасли, как хлопчаткачество. В департаменте Эна, где на фабриках осуществлялось и прядение, и ткачество, было занято в среднем по 151 работнику.⁸³ В то же время А.Одиганн отмечал, что в Сен-Кантене (деп.Эна) из 8-10 тыс. занятых в производстве хлопчатобумажных тканей 7 человек из каждых 8 работали на дому и жили вне города.⁸⁴ Приблизительно такое же положение сохранялось и в Нормандии, где в общей сложности около 129 тыс. рабочих и работниц было занято выработкой хлопчатобумажных тканей руаннери и калико. Большинство ткачей работало на дому на своих станках, но пряжу они получали от предпринимателей.⁸⁵ Правда, вопрос о технической оснащенности надомников остается открытым. Известно, что именно в Сен-Кантене с первых же лет Июльской монархии стало утверждаться машинное ткачество. Виллерме, проводивший свое обследование в середине 30-х годов, ответил, что в те годы преобладали ручные станки, но указал, что их все более вытесняли станки механические.⁸⁶

Взаимодополняющее сосуществование централизованной и рассеянной мануфактур было свойственно для оружейной промышленности. Только в этой отрасли в отличие, скажем, от хлопкоткачества в роли владельца головного предприятия выступало не частное лицо, а государство. В оружейных мануфактурах административными делами и контролем качества занимались офицеры, находившиеся на действительной службе. В крупном центре военной промышленности - Сент-Этьене - производство оружия почти полностью осуществлялось на дому, в централизованной мануфактуре оружие лишь собиралось и подвергалось окончательной шлифовке.⁸⁷ В других оружейных центрах - Мезьере, Тюлле - господствовала приблизительно та же система производства.

В первой половине XIX в. во Франции в изобилии продолжали существовать и рассеянные мануфактуры традиционного типа. В этом случае торговый и промышленный капиталы выступали еще в нерасчлененной форме. Так, предприниматели в шерстоткацком деле обычно через своих посредников, одновременно осуществлявших контроль за методами производства надомников, поставляли ткачам станки и пряжу, получая от них

готовое полотно. На одного дельца подчас работало несколько тысяч ткачей. Некто Брико из Като-Камбрези заявлял в 1834 г., что он предоставляет работу 22-25 тыс. надомников, проживающих не только в департаменте Нор, но и в Па-де-Кале.⁸⁸ На севере Франции в годы Июльской монархии количество шерстоткачей, работавших на дому, не только не сокращалось, но даже значительно увеличивалось. Рассеянные мануфактуры Рубе, очень крупного центра шерстоткачества, в 1829 г. обеспечивали работой 11 тыс. человек, а в 1845 г. - 40 тыс. Этот факт, видимо, объясняется тем, что рассеянная шерстоткацкая мануфактура постепенно превращалась в своеобразную рассеянную фабрику. Ткачи-надомники выживал и» вследствие установления все большей зависимости от предпринимателей, которые предоставляли им взамен несовершенных ручных станков механические жаккарды. Шерстоткачи Рубо и округи в 1835 г. имели 2,5 тыс. станков подобного типа, а в 1839 г. - уже 3 тыс.⁸⁹ Система шерстоткацкого производства, характерная для департамента Нор, была распространена и в департаменте Марна, не менее важном с точки зрения развития данной отрасли. Именно в Реймсе производился наиболее широкий ассортимент шерстяных тканей: фланели, кашемиры, наполитэны и др. По данным Левассера, в департаменте Марна шерстоткацкое производство также имело рассеянный характер и также к концу 30-х годов большинство станков составляли жаккарды. Из 1660 станков, на которых изготавливались ткани для реймских предпринимателей, приблизительно 1000 были механическими.⁹⁰

Во Франции начала XIX в. имелись уже и шерстоткацкие фабрики централизованного типа. Еще во времена Кольберг была создана королевская мануфактура Ван-Робе по производству шерсти. В эпоху Реставрации она превратилась в высокомеханизированную фабрику, использовавшую труд 600 рабочих: мужчин, женщин, детей.⁹¹ Преимущественно централизованный характер имело производство драповых материй в Лодеве (деп.Эро), где в этой отрасли было занято около 8 тыс. рабочих.⁹²

Тем не менее данные источников склоняют скорее к предположению, что в начале XIX в. в шерстоткачестве преобладало рассеянное производство. В 30-е годы только в деревнях, лежавшие в 25-30 лье от Реймса, ткачеством шерсти занималось около 20 тыс. надомников.⁹³ Согласно другому источнику на предпринимателей Реймса работало более 50 тыс. ткачей, проживавших не только в департаменте Марна, но также в департаментах Эна и Арденны, причем 3/4 из них являлись сельскими жителями.⁹⁴

Приблизительно по тому же пути, что и шерстоткачество, развивалось и знаменитое французское шелкоткацкое дело. Доминирующее положение в этой отрасли рассеянной мануфактуры является фактом установленным и доказанным⁹⁵ (правда, как уже отмечалось, только с политико-экономической точки зрения). Даже в 50-е годы XIX в. А.Одиганн писал о шелкоткацком производстве в Лионе, что там очень редко в мастерских работало более 4-5 человек.⁹⁶ Несмотря на тяжелые периодические кризисы поражавшие эту отрасль, число ткацких станков в начале XIX в. неуклонно увеличивалось. В 1827 г. в Лионе насчитывалось 27 тыс. ткацких станков, в 1837 г. - 40 тыс., в 1848 г. - 50 тыс.⁹⁷ В эпоху лионских восстаний подавляющее большинство этих станков являлись полумеханическими жаккардами. (Шерстоткацкий и шелкоткацкий станки значительно различались по своему устройству, хотя оба носили название «жаккардов».) Для работы на них требовалась высокая профессиональная выучка и немалая физическая сила. Более совершенные станки, в том числе действовавшие на приводе от паровой машины, хотя и получили некоторое распространение в мастерских ткачей-хозяев, даже в 40-е гг. еще составляли меньшинство.

МЕЛКОТОВАРНЫЙ УКЛАД

Ни в одном из имевшихся в нашем распоряжении источников не содержалось сколько-нибудь полного описания форм производства, характерных для мелкотоварного уклада. Не существовало не только общепарижской, но, по-видимому, и местной статистики мелкотоварной промышленности первой половины XIX в. Но тем не менее, данный уклад отнюдь не фикция. В 1848 г. в Париже из 64816 владельцев промышленных заведений около 50% нанимали всего одного рабочего или вообще не использовали наемной рабочей силы.⁹⁸ Приблизительно такое же положение сохраняли в годы II Империи. В 1860 г. из 101171 владельца промышленного патента (документа, предоставлявшего право содержать промышленное заведение какого-либо рода) 62199 не использовали наемного труда или нанимали одного рабочего, 31480 предоставляли работу 2-10 лицам.⁹⁹

С политико-экономической точки зрения важнейшим отличием мелкотоварного производства от капиталистического является то, что в мелкотоварном производстве элементом функционирующего капитала выступает и рабочая сила самого хозяина. К тому же часто эта рабочая сила является единственной. Непосредственная задействованность хозяина в процессе физического труда приводит двойственности самого характера производства, которая проявляется в одновременном тяготении к капиталистическому расширенному воспроизводству (т.е. к формуле Д-Т-Д') и одновременно в приверженности к традиционалистскому простому воспроизводству, к производству ради потребления (т.е. к формуле Т-Д-Т').

Участие или неучастие хозяина в производстве (правильнее было бы сказать, характер участия, так как выполняемые хозяином функции, допустим, по организации производства также являются специфической формой участия в производстве) зависит не от его произвола, а от общеэкономических условий, определяющих размеры того минимального капитала, который позволил бы мелкому хозяйчику освободиться от физического труда.¹⁰⁰ В.И. Ленин в «Развитии капитализма в России» привел выдержку из сочинения русского статистика Исаева, который установил определенную закономерность участия мелкого хозяйчика в производстве и тем самым предложил количественный критерий отделения мелкотоварного производства от капиталистического. Исаев писал: «Два-три работника дают хозяину столь небольшой излишек, что он работает наряду с ними... Пять работников уже дают хозяину столько, что он до известной степени освобождает уже себя от ручного труда... и исполняет, главным образом, две последние хозяйские роли (т.е. покупку материала и сбыт товаров). Когда число наемных рабочих достигает 10 или превышает эту цифру, то хозяин не только оставляет ручной труд, но даже почти прекращает свой надзор за рабочими...»¹⁰¹

Безусловно, выведенный Исаевым критерий может иметь только ограниченное применение. Не говоря уже о различии между российскими и французскими экономическими порядками и психологическими привычками, заметим, что число рабочих, которые могли обеспечить хозяину ремесленной мастерской такую прибыль, чтобы сам он мог отстраниться от физического труда, колебалось в зависимости от рода производства.

Но при рассмотрении мелкотоварного уклада необходимо не только определить ту грань, за которой происходит внутреннее перерождение мелкотоварного производства в капиталистическое, но и решить вопрос о степени независимости мелкого производителя - не превратилась ли ремесленная мастерская лишь в одно из подразделений рассеянной мануфактуры. Существование, в рамках одной экономической системы, допустим, большого города, мелкого и крупного капитала обычно предполагает какую-либо прямую или косвенную форму зависимости первого от второго. Но есть водораздел между независимым ремеслом и мануфактурой даже в самом простейшем ее виде.¹⁰² Гарантией независимости мелкого производителя выступает его непосредственная связь с потребителем через механизм рынка. Именно реализация производимой продукции на рынке и является вторым важнейшим характерным признаком мелкотоварного уклада.

Неравномерность экономического развития различных регионов Франции в XIX в. - факт уже давно установленный и доказанный.¹⁰³ Юг и особенно юго-запад, несмотря на наличие нескольких крупных торгово-промышленных центров, значительно отставали от северной части страны. При изучении мелкотоварного уклада во французской промышленности следовало бы обратиться к департаментам с застойным типом развития, с явным преобладанием в их экономике сельскохозяйственного производства (Авейрон, Жер, Ланды, Арьеж). Но именно об экономической жизни этих территорий известно меньше всего. Один из лучших специалистов в области социально-экономической истории Франции XVIII- XIX вв., Ж.Видалян, считает, что в первой половине XIX в. на большей части территории Франции сохраняло свои позиции даже не мелкотоварное, а натуральное хозяйство. Именно так можно понять его утверждение, что «в провинции традиционные ремесленные производства полностью сохраняли свое значение и, за исключением, возможно, департаментов Сена и Рона, большинство населения носило одежду из тканей местного производства. Одежда провинциала была из материи, которую или ткал он сам, или кто-нибудь из родственников, или он получал ее от соседа в обмен на какую-либо услугу».¹⁰⁴

Нам представляется, что это суждение французского историка грешит преувеличением роли натурального обмена в экономике Франции начала XIX в. Действительно, где-нибудь в Ландах и in в горных районах Пиренеев или Альп деревни жили замкнутой, слабо связанной с внешним миром жизнью. Крестьяне предпочитали все необходимое изготавливать своими руками. Подмастерье А.Пердигье во время своего Тур де Франс встречал крестьян из Ланд в одежде из плохо выделанной овчины явно домашнего производства. «Их можно было принять за жителей Гренландии, - писал Пердигье, - что-то дикое ощущалось в их костюмах и лицах».¹⁰⁵ Но никак нельзя согласиться с мнением Видаляни. что такое же положение, как в Ландах, сохранялось во французской Фландрии, в Эльзасе или даже в Провансе.

В подтверждение своего тезиса Видалян ссылается на свидетельство современника, нотабля из Каталя, который по роду своих занятий хорошо знал французскую провинцию. Этот овернец писал: «В хозяйствах большинства мелких землевладельцев зимними вечерами... женщины прядают, хозяин дома разматывает пряжу или накручивает ее на катушки, батрак ткёт, укрывшись от холода в овчарне. Даже те, кто занимается ткачеством, посвящают ему время только с Нового года до мая месяца. Такое положение наблюдается в департаментах Ло, Авейрон, Тарн, Дордонь, Пюи-де-Дом и даже Сарта».¹⁰⁶ Но в свидетельстве овернского нотабля нет указаний, как же реализовывалась изготовленная сельскими жителями ткань. Вовсе не обязательно она раздавалась родственникам и соседям. Возможно, крестьяне-ткачи работали на скупщика и постепенно становились работниками рассеянной мануфактуры; возможно, они продавали свою «зимнюю» продукцию на рынке близлежащего городка. Именно так поступали льноткачи департамента Нор. Уделяя время как сельскому хозяйству, так и ткачеству, в то же время они сами привозили свой батист на рынки Камбре, Эстера, Бассе. Если их не устраивали цены, они забирали свой товар и отправлялись в свои деревни в ожидании более благоприятных дней.¹⁰⁷ В данном случае перед нами типично мелкотоварное хозяйство.

В экономической жизни городов сохранялись архаические явления иного рода. Хотя феодальная система организации ремесла¹⁰⁸ была разрушена в эпоху Великой буржуазной революции, полностью она все-таки не исчезла. Несмотря на действовавшее во Франции законодательство, отстаивавшие принципы «laissez faire» и запрещавшее любого рода профессиональные корпорации, попытки регламентации ремесленного производства со стороны самих же ремесленников продолжались и в годы Реставрации, и в годы Июльской монархии. Первого января 1808 г. в Париже было создано Общество шляпников. Его устав гласил, что еженедельная сумма продаж шляпника не должна была превышать 40 франков. Только в том случае, если в мастерской не оставалось более места, разрешалось реализовать продукцию стоимостью в 50 франков. Все суммы, полученные сверх установленного максимума, подлежали сдаче в казну Общества шляпников. За нарушение данных положений полагался штраф в 10 франков. Устав 1808 г. не изменялся до 14 августа 1840 г., когда максимум был повышен до 50 франков, но при этом оговаривалось, что

реализация столь значительного объема продукции допускается только тогда, когда среди шляпников нет безработных.¹⁰⁹ Если Общество Шляпников представляло собой открытую организацию, вступление в которую не представляло собой каких-либо трудностей, то, например, прием в ассоциацию марсельских грузчиков¹¹⁰ был более чем затруднителен. Эта ассоциация владела почти полной монополией на погрузку и разгрузку судов в марсельском порту. Никакой посторонний рабочий не допускался на важнейшие причалы от Сен-Жана до оконечности Рив-Нев и острова Каналь.¹¹¹ Но и вне этих мест чужакам разрешалось переносить тяжести только с помощью специальных приспособлений, называвшихся Подушкой, все грузы в мешках члены ассоциации оставляли за собой. Корпорация строго следила за выполнением этих правил: с нарушителей взимался штраф (30 франков), который поступал в кассу ассоциации. Шесть высших должностных лиц корпорации так называемые приеры, не только решали все спорные вопросы в среде самих грузчиков, но и осуществляли полицейские функции в интересах корпорации вне ее. Мощные кулаки многочисленную членов ассоциации портовых грузчиков¹¹² служили надежной гарантией уважения ее устава и решений ее приеров. Судя по размерам вступительного взноса и взимавшихся штрафов, она обладала и немалыми финансовыми средствами.

Три пункта устава строго регламентировали прием в ассоциацию. Во-первых, в нее категорически не допускались иностранцы. Во-вторых, приемом занимался совет, состоявший из 60 уполномоченных, которых периодически избирали грузчики. Предварительно приерами специально назначались 4 комиссара, которые наводили справки о добропорядочности кандидата. С помощью аргументов из области морали и нравов всегда можно было отклонить кандидатуру неугодного человека. В-третьих, вступительный взнос равнялся 8 франкам - немалой сумме для рабочего человека.¹¹³

О том, что пункты устава строго соблюдались, свидетельствуют следующие данные за 1847-1848 гг.: 90% членов организации являлось уроженцами Марселя, 73% - потомственными грузчиками и всего 2% пришли в ассоциацию из наиболее обездоленных слоев населения - из крестьян и чернорабочих.¹¹⁴ Именно условия приема в совокупности с монополией на профессиональную деятельность и дают право называть ассоциацию грузчиков корпорацией.

Корпорация обеспечивала своим членам довольно стабильный заработок. Подобно Обществу шляпников организация грузчиков препятствовала обогащению одних членов в ущерб другим. В специальном пункте устава отмечалось: «Любой грузчик, виновный в получении какой бы то ни было суммы за труд другого, на первый раз будет оштрафован на 300 франков, которые пойдут в пользу бедных корпорации, в случае повторения наказанием ему будет служить исключение из корпорации».¹¹⁵ Не менее строгим образом запрещалось использование труда посторонних лиц. Корпорация пыталась пресечь появление субподряда в своей среде как элемента, который мог разрушить почти идиллическое равенство марсельских грузчиков.

Эта ассоциация - уникальное явление в социально-экономической жизни Франции первой половины XIX в. Уникальность его в том, что портовые грузчики, отстаивая свои интересы, сумели эффективно использовать целый комплекс традиционных методов защиты мелких ремесленников и ремесленных рабочих от капитализма, разрушавшего устои их экономического существования. Суть естественного, «чистого» существования мелкотоварного уклада заключается в хроническом разложении. Только юридические насильственные меры внеэкономического характера могут притормозить этот постоянный распад. Идущие из средневековья традиции французского городского ремесла представляли собой богатейший арсенал подобных средств. Но более или менее успешно их можно было использовать только в том случае, если рабочие и большинство мелких хозяйчиков той или иной отрасли выступили совместно. Наряду с некоторыми другими факторами (прежде всего полным господством ручного труда) именно это составляло секрет относительно успешной деятельности на протяжении десятилетий и парижского Общества шляпников, и марсельской ассоциации грузчиков. В подавляющем большинстве других ремесленных специальностей дифференциация мелких хозяйчиков и рабочих зашла слишком далеко. И хотя попытки

некоторых рабочих организаций, прежде всего компаньонажей, контролировать рынок труда¹¹⁶ объективно способствовали консервации мелкотоварного уклада, эффект этих попыток был не сравним с достижениями в этой области марсельских грузчиков.

В имевшихся в нашем распоряжении источниках есть лишь одно свидетельство, указывающее на подобный же феномен «закрытой» профессии. Историк времен II Империи А.Созе утверждал, что вплоть до конца 40-х годов XIX в. стеклодувное дело во Франции оставалось строго наследственным.¹¹⁷ «Закрытость» же указанных современным американским исследователем В.Сьюеллом профессий представляется нам достаточно проблематичной. Так, Сьюелл среди «закрытых» профессий, подобных ремеслу «portefaix», называет кораблестроителей, кожевников, бочаров, но в их среде процент пришлых, непотомственных работников был намного выше, чем у грузчиков. Среди бочаров лишь 31% унаследовали профессию отца, среди кожевников - 38, среди кораблестроителей - 41%.¹¹⁸ Об очень высокой социальной мобильности и соответственно «открытости» ремесленных профессий свидетельствуют подсчеты французского историка Абукайя. По его данным, в лионской агломерации в конце 40-х годов среди ремесленников лишь 26% наследовали профессию отцов.¹¹⁹

Можно предположить, что в очень многих отраслях французской промышленности первой половины XIX в. в значительной степени сохраняло свои позиции мелкотоварное производство, в том числе в «чистом» виде. Согласно данным статистических обследований Парижской торговой палаты в столице в столь важных отраслях, как производство мебели, одежды и обуви, лишь в 10 видах производства из 53 на предприятиях в среднем имелось 10 рабочих.¹²⁰ Производство мебели сохраняло ремесленный характер и вплоть до 60-х годов XIX в. «В мебельном деле, - отмечали современники, - разделение труда практически отсутствует... Вся работа осуществляется исключительно руками человека, и обычно один работник изготавливает тот или иной предмет домашней обстановки от начала до конца».¹²¹

Подавляющее большинство мастерских краснодеревщиков и столяров-мебельщиков представляли собой крохотные заведения; даже в 1860 г. в них трудилось в среднем по 5 человек. Как свидетельствуют письма рабочих к Венсару, а также в газету «Le Pays», значительное число ремесленников этой профессии вообще не использовало наемной силы.¹²² В Сент-Антуанском предместье, центре мебельного производства в Париже, имелось несколько торговцев, к которым независимый ремесленник обычно отправлялся первым делом, чтобы предложить свою продукцию. Но если продажа не осуществлялась, что случалось довольно часто, тогда ремесленник шел на улицу Клери или Тампль, где находились мебельные рынки, или пытался продать свою продукцию, обходя дома в городе: подобная практика называлась «трель».¹²³ Мебельное дело никак не регламентировалось, и конкуренция в этой отрасли была очень жестокой.

Размеры ателье парижских портных были еще меньше, чем размеры мастерских краснодеревщиков: в среднем на каждое из них приходилось около 3 рабочих. Пошив одежды вплоть до 50-х годов XIX в. осуществлялся исключительно вручную.¹²⁴ О сохранении мелкотоварного уклада в швейном деле свидетельствует также тот факт, что в Париже, даже в мастерских, имевших 6-7 рабочих, хозяева непосредственно участвовали в процессе производства. Обычно они занимались самой ответственной операцией - выкройкой фраков.¹²⁵

Отрывочные данные о существовании мелкотоварного уклада в столярном деле во французских провинциальных городах первой половины XIX в. имеются в воспоминаниях А.Пердигье. В Марселе Пердигье пришлось недолгое время проработать в убогой мастерской совсем юного хозяина по имени Мишель. Хозяин и его единственный подмастерье совместно изготавливали большую деревянную квашню для теста. Самый первый мастер-хозяин автора воспоминаний, хотя на него работало несколько подмастерьев, оставлял за собой выполнение некоторых операций, прежде всего чертеж изделий и их сборку. В Монпелье у хозяина Пердигье было прозвище Дожине-ле-Рампан (Ползучий) за то, что он умел обрабатывать искривленные, неправильной формы, «ползучие» куски дерева.¹²⁶ Каких-либо даже косвенных указаний на то, что кто-либо из этих

мастеров в Марселе, Монпелье, Авиньоне работал на подрядчика, в воспоминаниях Пердигье нет. Наоборот, есть неоднократные упоминания о том, что мастера-хозяева непосредственно договаривались с заказчиками. Все это дает право предположить, что в провинциальных городах Франции в 20-30-е годы XIX в. в столярном деле сохранялось мелкотоварное производство.

Итак, одна часть французских рабочих первой половины XIX в. была включена в структуру капиталистических производственных отношений (рабочие фабрик, заводов, мануфактур), другая часть - в структуру мелкотоварных производственных отношений. Согласно данным Моро де Жоннеса, к концу 40-х годов работников крупной промышленности вместе с членами их семей насчитывалось 2,5 млн., мелкое же производство обеспечивало жизнь 3,8 млн. человек.¹²⁷ Но эти данные отнюдь не свидетельствуют о преобладании мелкотоварного уклада в промышленности Франции. Современники, руководствуясь чисто внешними характеристиками, зачисляли в разряд так называемых работников «искусств и ремесел» и тружеников рассеянных мануфактур (например, лионских шелкоткачей).

Но и независимые ремесленные мастерские, особенно в крупных городах, далеко не все функционировали по законам мелкотоварного уклада. Мелкий товаропроизводитель подчас вследствие своего сосуществования с капиталистическим рынком пытается отвергнуть свою собственную политико-экономическую сущность и стремится на базе наличной минимальной собственности¹²⁸ и минимальной (своей собственной плюс ближайших родственников, возможно, одного-двух наемных работников) рабочей силы волевым усилием ввести капиталистические производственные отношения. Тогда происходит феномен, который К.Маркс называл раздваиванием: независимый ремесленник становится в качестве владельца средств производства капиталистом, в качестве работника - своим собственным наемным рабочим. «Он, - пишет Маркс, - таким образом, как капиталист, уплачивает самому себе заработную плату и извлекает прибыль из своего капитала, то есть эксплуатирует самого себя как наемного рабочего и в виде прибавочной стоимости платит себе самому ту дань, которую труд вынужден отдавать капиталу».¹²⁹ Соответственно, те один-два работника, которые трудились на новоявленного «капиталиста», начинают подвергаться эксплуатации, иногда даже худшей, чем на фабрике или заводе.

Таким образом, можно предположить, что часть французских рабочих, формально занятых в мелкотоварном производстве, фактически оказывалась включенной в систему капиталистических отношений.

Все это в совокупности делает правомочным вывод, что французский пролетариат первой половины XIX в. в политико-экономическом смысле являл уже собой класс капиталистического общества. Но нельзя игнорировать и продолжавший существовать мелкотоварный уклад. Он обладал еще определенной устойчивостью.

Частично искусственно сохраняемый благодаря регламентации полуфеодального типа, частично выживающий вследствие технической слабости французского капитализма (даже на предприятиях передовых отраслей 50 и более процентов производительного труда приходилось еще на неквалифицированный и немеханизированный физический труд), мелкотоварный уклад, являясь базой для сохранения во Франции некапиталистических общественных отношений, существенным образом влиял на сознание рабочего Класса.

2. ОБРАЗ ЖИЗНИ РАБОЧИХ

Описание форм экономической жизни Франции первой половины XIX в. не являлось для нас самоцелью. Проблема детерминации классового сознания, одна из ключевых проблем современной общественной науки, заставила нас обратиться к анализу экономических укладов и типов промышленного производства. Нет прямой, линейной обусловленности массового сознания экономическими условиями, но, с другой стороны, именно ими предопределяются границы вариативности массового сознания. И никакая, даже самая буйная, фантазия не в силах преодолеть эти границы. Но в заданных базисными отношениями рамках возможно великое множество типов мировоззрения, поэтому выяснение характера экономической детерминированности сознания выступает лишь как первый этап анализа.

Более непосредственно, чем экономическими условиями, сознание индивида детерминировано условиями социальными, и в первую очередь его классовым положением. Класс не случайно является наиболее рабочим понятием марксистской социологии. Это одно из самых универсальных социологических понятий. Оно отражает определенную реалию и в экономическом, и в сугубо социальном, и в социально-психологическом плане. Но и принадлежность к тому или иному классу также лишь в известной мере определяет сознание индивидов. Так, классовым положением предопределяются лишь некоторые наиболее существенные черты и установки мировоззрения пролетариев. Правда, и эти единые черты и установки выступают в различных формах. Для каждого класса свойственно многообразие классовых психологических типов. Но это многообразие не безгранично. Каждому классу присущ свой набор классовых типов. Притом в целом внутриклассовые психологические различия менее различий междуклассовых.¹³⁰

Для уяснения причин существования среди индивидов, принадлежащих к одному классу, различных психологических типов и различных типов мировоззрения многое может дать рассмотрение социальной структуры класса. Анализируя промышленность Франции в соответствии с господствовавшими в ней экономическими укладами и типами производства, мы по существу одновременно выявили и первичные структуры рабочего класса.

Первая, экономическая, структура: пролетариат капиталистических предприятий различного типа и пролетариат, занятый в сфере мелкотоварного производства.

Вторая, производственная, структура представлена четырьмя отрядами рабочего класса: работниками фабрик и заводов, централизованных мануфактур, рассеянных мануфактур и ремесленных мастерских.

Но понятие внутриклассовой структуры как инструмент анализа будет максимально способствовать познанию механизма детерминации сознания лишь в том случае, если в основу его положены критерии, охватывающие все важнейшие формы жизнедеятельности человека. Характеристики социальных внутриклассовых групп по степени своей универсальности должны приближаться к характеристикам класса. Надо отметить, что группы пролетариата, выделенные в рамках первой и второй структур, явно не отвечают этому условию. Это объясняется тем, что основной гносеологической задачей, которую помогает решить выделение данного типа структур, является не исследование механики обусловливания сознания пролетариев, а истолкование экономических или экономико-технологических процессов. Эти структуры вполне реальны и великолепно служат при описании воздействия экономических и технико-организационных преобразований на жизнь пролетариев эпохи промышленной революции. Соответственно они помогают понять и многие важнейшие социально-психологические процессы. Тем не менее явно ощущается необходимость изучения структуры рабочего класса, определению которой служили бы критерии, более широко охватывающие жизнедеятельность пролетариев.

Базовым понятием при данном логическом построении будет служить марксистское понятие класса. Принципы вычленения класса хорошо известны. Они даны в классическом ленинском определении: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного продукта, которой они располагают».¹³¹ Принципы вычленения класса взаимосвязаны между собой. При анализе капиталистического общества на первый план выступает критерий «отношение к средствам производства». В сложившемся буржуазном обществе именно наличие или отсутствие собственности и характер ее (мелкая или крупная) в конечном итоге определяют роль в общественной организации труда, и размеры, и способ получения доли общественного богатства. При изучении

внутриклассовой структуры пролетариата вопрос о собственности снимается; что же касается двух других критериев, то они несколько трансформируются. В рамках одного класса сохраняются различия между индивидами по их месту в системе общественного производства и по размерам получаемого ими для потребления общественного продукта. Индивид, относившийся к рабочему классу, в первой половине XIX в. мог работать на металлургическом заводе с 1000 занятых и в крошечной ремесленной мастерской, мог получать 75 сантимов в день и 5 франков.

«Роль в общественной организации труда» при изучении каждого конкретного рабочего будет выступать в виде характеристики его трудовой деятельности. В свою очередь от ее характера (квалифицированный или неквалифицированный труд, работа только в промышленности или также в сельском хозяйстве) зависят размеры получаемой доли общественного продукта. Эта зависимость указывает на определяющее, сущностное значение показателя характера труда. В то же время при конкретном анализе критерий «доля общественного продукта» следует рассматривать в контексте более широкой системы характеристик. Для понимания специфики жизненных условий индивида важно знать не только размеры реального дохода, но и способы его реализации, т.е. в отношении пролетариата - характер восстановления рабочей силы. Трудовая деятельность и деятельность по восполнению затрачиваемой рабочей силы составляют в совокупности наиболее существенные формы жизнедеятельности индивида, которые конституируют его образ жизни. Иначе говоря, предлагаемая нами социальная структура рабочего класса будет строиться в соответствии с наиболее характерными и определяющими чертами образа жизни пролетариев.

При рассмотрении пролетариата Франции первой половины XIX в. с точки зрения выявления в его среде различных образов жизни можно выделить три группы, тяготеющие соответственно к трем нормам трудовой деятельности и потребления. Это рабочие, систематически совмещавшие промышленный и сельскохозяйственный труд, городские неквалифицированные и городские квалифицированные рабочие.

В первую из рассматриваемых нами социальных групп французского пролетариата входили работники, сохранявшие еще очень тесную связь с сельским укладом жизни. Это прежде всего рабочие, постоянно или большую часть времени проживавшие в сельской местности. По профессиональному составу к ним относились работники различных рассеянных мануфактур: текстильщики, игольщики, ножовщики, а также шахтеры многих угольных бассейнов Франции, металлурги и масса деревенских ремесленников. Совмещение промышленного и сельскохозяйственного труда для них носило регулярный характер.

В России XIX в. населенные пункты, в которых в основном жили такие полурабочие-полукрестьяне, называли промышленными селами или рабочими поселками. Во Франции XIX в. подобные промышленные села и рабочие поселки в изобилии встречались на шампанской равнине и в долинах Юры, в Провансе и в Нормандии, в окрестностях Рубе и Гренобля. В деревнях вблизи Ножана (деп.Об) около 3-4 тыс. человек занимались производством ножей. Каждое воскресенье их продукция скупалась крупными торговцами. Помимо набора простейших инструментов эти рабочие имели домашний скот и крошечные участки земли, на которых они выращивали картофель, кормовые травы, а также пшеницу или рожь.¹³² На юге Франции значительное время уделяли сельскому хозяйству шахтеры. С мая по июнь число забойщиков на шахтах Кармо сокращалось почти вдвое. Часть шахтеров обрабатывала свои собственные участки земли, другие нанимались на близлежащие фермы в качестве батраков.¹³³ Такое же положение наблюдалось на металлургических заводах Деказвиля, Крезе, Ля Машин, на железоделательных предприятиях каталонского типа в Пиренеях, на горнорудных разработках Рансье.¹³⁴ О сельских ткачах (работниках рассеянной мануфактуры) Виллерме писал: «Эти парии промышленности, которым она обеспечивает совершенно недостаточные доходы, становятся сушильщиками сена и сборщиками урожая у фермеров».¹³⁵

В кантоне Сен-Жуар в 40-е годы свыше 6 тыс. ткачей и прядильщиков каждое лето посвящали сельскохозяйственным работам. На сезонных предприятиях Воклюза, производивших органический краситель чарену, работали почти исключительно крестьяне-горцы, точно так же на сезонные шелкомотальные фабрики нанимали на 3-4 месяца женщин-крестьянок, которые, получив причитавшиеся им гроши, спешили вернуться к своим хозяйствам.¹³⁶

Данные об уровне «двойного» дохода полукрестьян-полурабочих заставляют предположить, что большинство их жило в постоянной и тяжелой нужде. Промышленные предприниматели, рассчитывая на дополнительные приработки эксплуатируемых ими рабочих, доводили их заработную плату до минимальных размеров. Так, в 30-е годы льнопрядильщицы в окрестностях Аббвиля за день работы получали от 40 до 60 сантимов. С введением же механического льнопрядения их заработки упали до 25-30 сантимов в день.¹³⁷

Превосходный знаток сельской Франции, агроном Леклерк-Туэн отмечал в своей книге «Сельское хозяйство Восточной Франции», что многие деревенские ткачи «часто вынуждены бороться с нищетой».¹³⁸ В несколько лучшем положении находились рабочие металлургической промышленности. Литейщик в провинции получал 60 франков в месяц, его помощник - 50, а «внешние», вспомогательные рабочие - 30 франков.¹³⁹ Но даже при самых благоприятных обстоятельствах достаток рабочих-металлургов был очень шатким. Французский историк Ж.Вьяль писал по этому поводу: «На процветающем предприятии в условиях полной занятости имелись (у рабочих-металлургов. - Е.К.) даже вклады в сберегательных кассах, особенно если к заработной плате главы семейства добавлялись доходы от земельного участка, заработки жены и детей... Но сам тот факт, что достаток рождался вследствие дополнительных доходов и полностью зависел от случайностей: безработицы или болезни - доказывает, что экономическое положение большинства рабочих было незавидным».¹⁴⁰

Специфика образа жизни полурабочих-полукрестьян проявлялась не только в совмещении промышленного и сельскохозяйственного труда, но и в ряде особенностей в восполнении затраченных жизненных сил. Различия в этой области между сельским промышленным пролетариатом и городским имелись и в рационе питания, и в характере проведения досуга, и в самом режиме свободного времени. В большинстве своем городские рабочие чаще ели мясо, чем их сельские собратья, но потребляли меньше хлеба и мелочных продуктов.¹⁴¹ Одежда деревенских жителей была хуже и грубее. Предприниматели с выгодой для себя использовали более низкий уровень потребности сельчан, предлагая им работу за ту плату, на которую не согласились бы городские рабочие. Полицейские власти (деп.Гар) сообщали о местных фабрикантах, что они нанимали рабочих в сельской местности, так как те имели гораздо меньшие расходы и потребности и соглашались работать за более резкую плату, чем городские рабочие. Продолжительность трудового дня полукрестьянина-полурабочего точно определить невозможно, ибо она никак не фиксировалась. Чаще всего, видимо, работа длилась целый световой день. Подобная продолжительность рабочего дня была возможна только вследствие того, что рабочая сила частично компенсировалась в ходе самого трудового процесса, что обеспечивалось его саморегулируемостью, сравнительно (с фабричным трудом) небольшой интенсивностью, чередованием работы, допустим, у ткацкого станка или в шахте и работы по уходу за скотом или в поле. Свободного же времени, досуга почти не было.

Серая монотонность будней создавала потребность в сильной психологической разрядке. Однообразие жизни порождало эмоциональный голод, утоление которого приходило лишь во время шумных и веселых праздников. Кюре Обри из сельской коммуны Фюто писал об обитателях своего прихода, в основном состоявшего из стеклодувов и лесорубов, что их жизнь не подчинялась строгому недельному режиму; они месяцами трудились без отдыха, нарушая тем самым христианский обычай, осуждающий воскресный труд. С тем большей энергией и страстью (выражение Обри) отмечались всевозможные праздники: профессиональные, семейные, христианские. Пораженный священник

описывал крики, игры, фарсы «толпы, в часы веселья придававшей Фюто вид индейского поселения Нового света, вроде тех, о которых сообщают в своих донесениях миссионеры».¹⁴⁴ Чередование многодневного и даже многонедельного непрерывного труда и недолгих, но очень ярких и шумных праздников - характерная особенность образа жизни полукрестьян-полурабочих. Подобный ритм жизни неизбежно накладывал отпечаток на психику сельских пролетариев. Крестьянская привычка терпеливо переносить любые лишения неразрывно связана с покорностью судьбе. Зависимость от капризов природы приучает стоически относиться и к социальным невзгодам. Слепой крестьянский фатализм проявлялся в ощущении предопределенности природного и общественного миропорядка. Традиционные, освященные обычаем методы эксплуатации воспринимались сельскими тружениками (сельский промышленный пролетариат в этом плане не исключение) как неизбежное зло, столь же естественное, как засуха или заморозки. Покорность подчас доходила до того, что признавалась необходимость, казалось бы, сугубо враждебных работнику сил. Рабочий активист в эпоху II Империи Ж.-Б.Дюме рассказывал о своем отчине, много лет отработавшем на заводе в Крезе: «Перрен, как и мать, не умел ни читать, ни писать. То был отличный работник, но основная забота его жизни сводилась к стремлению быть на хорошем счету у руководства завода. Великолепно зная свою профессию кочегара, он думал, что необязательно уметь читать и писать, чтобы стать хорошим рабочим... «Если бы не было богатых, что дают нам работу, что с нами бы стало?» - вопрошал Перрен».¹⁴⁵

Современники из буржуа, отмечавшие превосходство сельских тружеников над городскими в моральном плане, **под моралью рабочих понимали не только бытовые привычки, но и характер их отношения к хозяину и в целом к состоятельным людям. Как показывает статистика массовых движений, рабочие из сельской местности гораздо более безропотно сносили эксплуатацию, чем пролетарии города.**

Но безграничного терпения не бывает, и как на смену тяжким будням приходил раскрепощающий душу и тело праздник, так долгие годы покорности прерывались бунтом. Предел терпения есть даже у работников, казалось бы, совершенно забитых и задавленных чрезмерным трудом на часто незримых и неизвестных эксплуататоров. Попытки ухудшить и без того нищенское существование полукрестьян-полурабочих не раз вызывали с их стороны сопротивление.

Вследствие попыток сократить заработную плату рабочих-металлургов разразились стачки в Крезе в 1833 г. и в Деказвиле в 1847 г.¹⁴⁶ Значительный рост цен на продукты питания в кризисный 1840 г. привел к падению реальной стоимости заработков шахтеров Ля Машин (деп.Ньевр). Доведенные до отчаяния работники взбунтовались: избили учетчика, перебили стекла в административном здании. От директора шахты они потребовали увеличения оплаты труда, а местного мэра принудили дать согласие на таксацию цен на хлеб. В апреле 1844 г. на металлургическом заводе Ля Вульта (деп.Гар) рабочие забастовали в ответ на незаконную задержку зарплаты, попутно рабочие потребовали увеличения ее. Стачка была прекращена после выплаты рабочим денег, но расчет был произведен по прежним расценкам.¹⁴⁷ В январе 1848 г. Дюваль, бывший нотариус в сельской коммуне Эрке (деп.Сомма), объявил жителям своей коммуны, хранившим у него свои скудные сбережения, что он сможет выплатить только 25% их вкладов. Из 150 его клиентов большинство составляли рабочие. Возмущенные, они перебили стекла в доме Дюваля, взломали дверь.¹⁴⁸

Формой защиты своих жизненных условий являлось и участие в интересующей нас категории работников в антифискальных выступлениях. В 1841 г. совместно с крестьянами рабочие-металлурги, ткачи, речники оказывали сопротивление проводившейся властями переписи. В департаментах Авейрон и Од происходили столкновения с линейными войсками и жандармами, фискальным агентам не раз угрожала расправа. В Ливенак-ле-О (деп.Авейрон) налоговому инспектору, а вслед за ним и заместителю мэра пришлось укрываться в здании муниципального совета от разъяренной толпы, в Пеннотье (деп.Од) представители власти вынуждены были проводить перепись под защитой конных стрелков.¹⁴⁹

Все эти выступления: и стачки, и антифискальные движения, не говоря уже о наивной мести незадачливому «финансисту» из Эрке, имели совершенно стихийный характер. Живя бок о бок с крестьянами, еще очень немногим отличаясь от них по образу жизни, промышленные рабочие из деревень и заводских поселков сохраняли в значительной степени крестьянскую психологию, для которой характерны неспособность к планомерной организационной деятельности, импульсивность, резкие переходы от покорности к бунту и наоборот. Эти черты во многом были свойственны французским полурабочим-полукрестьянам первой половины XIX в. Подобные особенности психологии не могли не тормозить и становление классового сознания данного отряда пролетариата.

Второй рассматриваемый нами отряд французского пролетариата состоял преимущественно из городских неквалифицированных рабочих. К этой же социальной группе тяготели некоторые рабочие, проживавшие в сельской местности, но занятые исключительно промышленным трудом. Таковы были шахтеры угольных бассейнов Ривде-Жье, Валансьена и некоторых других.

При попытке очертить границы данного отряда пролетариата, пожалуй, наибольшую сложность представляет собой дифференциация квалифицированных и неквалифицированных рабочих. Можно выделить несколько показателей, характеризующих труд с точки зрения его квалифицированности.¹⁴⁹ Во-первых, квалифицированность труда измеряется количеством и сложностью выполняемых операций. Трудовые функции большинства рабочих прядильных, ситцепечатных, хлопчаткацких фабрик, сахароваренных заводов, землекопов и массы разнорабочих отличались предельной простотой. Выполняемые ими операции были столь немногочисленны и столь несложны, что с ними могли успешно справляться женщины и дети.¹⁵⁰ Вторым показателем уровня квалифицированности труда является длительность обучения, необходимого для осуществления той или иной производственной деятельности. Ни обслуживание бранкоброшной или «волк»-машины, ни контроль за фильтрованием свежковичного сока не требовали специальной длительной подготовки. Новичок мог войти в курс дела всего за несколько дней.

Во второй отряд пролетариата следует включить и некоторых рабочих, владевших сложными профессиональными навыками, но фактически деквалифицировавшихся вследствие внедрения более прогрессивных машинных методов труда. Их квалификация как бы стала излишней, общественно бесполезной. Такой труд, хотя технологически он оставался сложным и квалифицированным, фактически в соответствии с капиталистическим законом стоимости был уравнен с неквалифицированным трудом. Иначе говоря, себестоимость производимой этими ремесленниками и мануфактурными рабочими продукции была намного выше общественной стоимости этой продукции. С формально политико-экономической точки зрения эта категория работников должна была немедленно исчезнуть вследствие невозможности воспроизводства затрачиваемой рабочей силы. В действительности исчезновение подобных жертв капиталистического прогресса растягивалось подчас на долгие годы.¹⁵¹ Особенно это характерно для Франции, имевшей сравнительно (с Англией) медленные темпы механизации и сравнительно невысокую динамику внутреннего рынка. К тому же подчас предпринимателям было выгодно искусственно поддерживать *рассеянное* производство.

В Руане, одном из крупнейших центров текстильного производства Франции, в 30-40-е годы XIX в. сосуществовали и ткачи-надомники со своими ручными станками, безуспешно пытавшиеся противостоять конкуренции машин, и надомники, купившие или арендовавшие у предпринимателей полумеханические жаккарды, и наконец, масса рабочих, трудившихся на текстильных фабриках, оснащенных передовой по тем временам техникой. Трудно сказать, какой из этих категорий работников положение было предпочтительнее. Лидер руанского пролетариата в 1848 г., сам ткач по профессии Ш.Нуаре считал положение руанских ткачей бедственным. Он писал о своих собратьях по труду «Чаще всего

они столь бедны, что как только их дети начинают ходить, они их отправляют на фабрики, чтобы заработанные ими крохи помогли хотя бы с грехом пополам обеспечить прокорм семьи».¹⁵² В конце 40-х годов в Руане ткачи-надомники зарабатывали от 7 франков 5 сантимов до 7 франков 80 сантимов в неделю¹⁵³, т.е. немногим более франка в день. Не лучшим было положение ткачей в Вандее В связи с выступлениями пролетариата в Шолле (деп. Мен и Луара) полицейские власти сообщали: «...местное рабочее население отличается такой нищетой, заработки столь скудны, что беспорядки могут разразиться вновь в любой момент. Уже долгое время шолльтезская промышленность едва сводит концы с концами, она задыхается вследствие конкуренции дешевых товаров и отсутствия рынков... В то время как сельскохозяйственное население Вандеи процветает, положение рабочих - хуже некуда».¹⁵⁴

В Дижоне, текстильном центре Бретани, вследствие механизации предложение на рынке труда явно превосходило спрос, констатировала рабочая газета «Atelier». Ткач за 12-14-часовой рабочий день получал 1,5-2 франка, но часто он вообще оставался без заработка. Питание ткачей сводилось к картофелю и похлебке из дешевой ржаной муки.¹⁵⁵

В хлопкопрядении, где процент неквалифицированных рабочих был особенно высок, средняя заработанная плата рабочих мужчин во Франции 40-х годов составляла 1 франк 96 сантимов, в шерстопрядении - 1 франк 78 сантимов.¹⁵⁶

В разговоре с Виллерме один из руанских фабрикантов, владелец крупной хлопкопрядильни, признался, что в период кризиса начала 30-х годов у более чем 60% его рабочих заработка не хватало для удовлетворения даже самых насущных нужд. Тогда в целях экономии рабочие объединили свои скудные ресурсы и жили своеобразной коммуной.

Предельно низким уже в годы Реставрации был заработок рабочих сахароваренной промышленности. Они получали от одного до полутора франков в день¹⁵⁷ (исключение составлял лишь труд ремонтника-наладчика оборудования). За период Июльской монархии их доходы не повысились: средняя заработная плата работника предприятия по варению сахара из свеклы - 1 франк 56 сантимов.¹⁵⁸ В Марселе, по подсчетам Сюелла, вередом зарплата неквалифицированных рабочих равнялась 2 франкам 20 сантимам, диапазон ее колебаний был от 1 франка 75 сантимов до 3 франков, в то время как у квалифицированных рабочих - от 2 франков 50 сантимов до 4 франков 50 сантимов в день. В Нанте в начале 30-х годов XIX в. местный врач А.Гэлен выделял следующие две категории рабочего населения: 1) рабочие, обладавшие относительным достатком (плотники, каменщики, печатники, столяры); 2) нищие, рабочие (надомники, преимущественно ткачи). Первые зарабатывали от 500 до 1000 франков в год, вторые - лишь порядка 300 франков.¹⁶⁰

Если уровень заработной платы почти полностью предопределял характер питания промышленных рабочих, не связанных непосредственно с сельским хозяйством, то жилищные условия зависели в значительной степени также от длительности пребывания работника в данной местности. В числе неквалифицированных рабочих было особенно много пришлых людей. Среди квалифицированных рабочих Марселя уроженцы других мест составляли приблизительно половину, а среди неквалифицированных - 3/4.¹⁶¹ Мизерная заработная плата и отсутствие своего или родительского крова заставляли тружеников фабрично-заводской промышленности ютиться в рабочих казармах при предприятиях. Ф.В.Потемкин в книге о промышленной революции привел описание подобной казармы, данное инспектором труда: «Кровати были расставлены там с такой теснотой, что в проходах можно было лишь с трудом продвинуться одному человеку; постели взрослых и детей, мужчин и женщин были перемешаны, и местный инспектор... с иронией говорил о неизбежности «общности» в подобном «фаланстере»».¹⁶²

Теснотой и грязью отличались не только фабричные казармы. Антисанитарные условия являлись почти всеобщей «привилегией» жилищ неквалифицированных рабочих. В ответе на анкету 1848 г. о промышленном и сельскохозяйственном труде следующим образом характеризовались жилищные условия интересующей нас категории рабочих в департаменте Луара: «Жильем для работниц текстильных фабрик служат затхлые чердаки, куда свет проникает через одно или два маленьких отверстия, пробитые почти на уровне пола. Женатые шахтеры обычно со всем своим семейством помещаются в одной грязной комнате. Так как прежде всего они стремятся найти жилище по самой дешевой цене, то селятся исключительно в скверно освещенных, а часто и влажных помещениях».¹⁶³ Бедственное положение кварталов, в которых сосредотачивалось рабочее население наиболее промышленно развитых городов Франции: Лилля, Руана, Амьена, Мюлуза, - не раз отмечалось современниками.¹⁶⁴

Продолжительность рабочего дня для ткачей-надомников и других тружеников рассеянных мануфактур ограничивалась лишь наступлением полного истощения физических сил работника. Чрезмерной длительностью (от 12 до 16 часов) отличался рабочий день и на фабриках.¹⁶⁵

Каждый из неквалифицированных работников в любой момент мог быть выгнан на улицу за малейшую провинность или просто вследствие изменения ситуации на рынке. Заменить такого рабочего для предпринимателя не составляло никакого труда. Недостатка в неквалифицированной рабочей силе не было. Текстильщики, шахтеры департаментов Нор, Па-де-Кале, Луара, землекопы трудившиеся на строительстве железных дорог, чувствовали себя тем более подавленными, что им казалось, что их судьбой распоряжается некая безликая сила. То явление, о котором писал А.Кошен в 1862 г.: «Хозяин - это существо выдуманное законом, его никто не видит, это нечто безличное»¹⁶⁶, было знакомо рабочим уже в 30-40-е годы XIX в. Утверждалась анонимная капиталистическая эксплуатация как полукрестьян-полурабочих, занятых в рассеянных мануфактурах, так и пролетариев крупных промышленных предприятий. Если до 1837 г. месторождения угольного бассейна Луары, обеспечивавшего половину годовой добычи угля во Франции, были распределены между 65 концессиями, а крупнейшие из них к тому же были разделены и отданы в эксплуатацию мелким частным хозяевам, то после 1837 г. почти весь Луарский бассейн стал собственностью трех крупных компаний¹⁶⁷. Хозяева нередко уклонялись от непосредственного руководства производством. Их заменяли управляющие, сами исполнители чужой воли. Вмешательство крупного торгового капитала в промышленную деятельность ускоряло этот процесс обезличивания.¹⁶⁸

Разрыву личных отношений между хозяином и работниками способствовали также перестройка крупных промышленных городов, создание особых буржуазных и пролетарских кварталов. Уже Э.Бюре, обследовавший в 30-е годы XIX в. положение пролетариев Франции и Англии, отмечал: «Хозяева и рабочие в моральном плане отделены настолько, насколько это возможно. Они больше не имеют между собой даже отношений, рождающихся из простого факта соседства. Часто патрон живет очень далеко от своего предприятия, и все управление осуществляется за него служащими».¹⁶⁹ Известный в первой половине XIX в. врач и публицист Гэлен также писал, что если ремесленные рабочие, обитатели преимущественно старых городских кварталов, живут часто бок о бок с мелкой и даже крупной буржуазией, то труженики фабрик и мануфактур сосредоточены в основном в новых районах, где они составляют почти однородную массу.¹⁷⁰

Землекопы, чернорабочие на фортификационных работах и железнодорожном строительстве, рабочие текстильных фабрик и сахароварен в социально-психологическом плане не составляли еще коллективов, т. е. сообществ с развитой внутренней структурой формальных и неформальных отношений. Из рассматриваемой нами группы остальных рабочих несколько обгоняли в этом шахтеры Рез-де-Жье, Живора, Валансьена.¹⁷¹ Вследствие почти полного отсутствия источников, исходящих из среды самих неквалифицированных рабочих, очень трудно восстановить историю становления пролетарских коллективов. И все же некоторые моменты этой важной социально-психологической эволюции пролетарских микрогрупп прослеживаются. Известно, что формальные, институализированные отношения большей частью ведут свое происхождение от отношений неформальных,

Можно лишь догадываться о той безысходности жизни, что ощущали неквалифицированные рабочие в начальную эпоху промышленного переворота. Авторы 1-го тома многотомного исследования «Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории» пишут о фабричных рабочих интересующей нас эпохи: «Выходцы из деревень и местечек, близких и дальних, зачастую даже из других стран, земледельцы, ремесленники и подмастерья, собранные в одном здании, чувствовали себя крайне неуютно... Выбитые из привычного образа жизни, чужаки по отношению друг к другу, они первое время были подавлены обрушившимися на них невзгодами и не сразу могли приспособиться к новым производственным распорядкам, к новой социальной среде».¹⁷² Именно среди работников таких динамично развивавшихся отраслей, как хлопчатобумажное производство, сахароварение, шерстоткачество, железнодорожное строительство, было особенно много пришлых людей, в том числе иностранцев. В текстильных центрах департаментов Нор, Па-де-Кале работало множество бельгийцев, в Эльзасе - немцев, швейцарцев. В рабочем пригороде Лилля Ваземмс бельгийцы составляли 38% жителей, в Рубе - 40%.¹⁷³ Среди землекопов на строительстве железных дорог было много пьемонтцев. Царившая среди рабочих конкуренция служила благоприятной почвой для вспыхивания национальных конфликтов.

Задерживалось спланивание неквалифицированных работников и вследствие их очень разнородного половозрастного состава. Общеизвестно, что именно на текстильных фабриках наряду со взрослыми мужчинами трудились женщины и дети. Среди работников хлопкопрядильной промышленности на их долю приходилось 64%, в шерсто- и льнопрядении - соответственно 57 и 53% рабочей силы.¹⁷⁴ По данным современных французских историков, среди 10 тыс. шахтеров угольного бассейна Валансьена более половины составляли дети от 10 до 15 лет и юноши от 15 до 20 лет.¹⁷⁵ В целом по Франции в промышленности было занято приблизительно 593 тыс. женщин и детей.¹⁷⁶ Подавляющее большинство из них относились к неквалифицированным работникам.

И тем не менее в этой разнородной массе в процессе каждодневного совместного труда, под влиянием необходимости сопротивления гнету хозяев складывались неформальные, сугубо человеческие отношения товарищества, взаимовыручки, солидарности. Взаимопомощь являлась столь настоятельной жизненной необходимостью для бесправных неквалифицированных работников, что легла в основу не только нравственных правил значительной части пролетариев, но и стала духовной базой их первых организаций, которые так и назывались - обществами взаимопомощи. Происходил, таким образом, переход от неформальных к простейшей форме формальных отношений, причем последние, видимо, отнюдь не вели к деградации чисто человеческих отношений, а наводились с ними в органическом единстве. Первые общества взаимопомощи фабричных рабочих возникли еще в годы Империи. Известно о существовании в Мюлузе (деп. Верхний Рейн) с 1804 до 1848 г. кассы взаимопомощи рабочих-ситцепечатников.¹⁷⁷ В том же департаменте в 1823 г. пытались создать мютюэлистское общество работники хлопкопрядильных фабрик.¹⁷⁸ По свидетельству доктора Пено, одного из основателей филантропической организации промышленников «Societe Industrielle», в 1830г. в Эльзасе рабочие почти всех текстильных предприятий имели общества взаимопомощи 179. Насколько можно судить по анкетам Виллерме, Одианна, книге де Жерандо, в 30-40-е годы такие общества получили широкое распространение и в других районах Франции.

Виллерме описал их бесхитростную деятельность: она сводилась в основном к сбору взносов и проведению собраний, на которых решалось прежде всего, кому выделить вспомоществование из общей кассы. Общественные деньги хранились обычно у владельца кабачка, в котором проводились собрания. Виллерме упоминает о совместном обществе взаимопомощи шерстопрядильщиков и рабочих механических мастерских Лодева.¹⁸⁰ По его же словам, в Лилле, одном из наиболее фабричных городов Франции, в 1836 г. насчитывалось 106 подобных обществ, объединявших 7329 человек.¹⁸¹

Каторжные условия жизни, постоянная угроза безработицы, оупляющий, изматывающий духовно и физически труд ставили неквалифицированный пролетариат перед выбором: или полная духовная деградация или возрождение через борьбу. Об этой дилемме Ф.Энгельс писал: «Нечего говорить о том, какое деморализующее, обескураживающее действие оказывает эта неуверенность в завтрашнем дне, вытекающая из непрерывного развития техники и связанной с ним безработицы, на рабочего, положение которого и без того уже достаточно шатко. Чтобы не впасть в отчаяние, рабочему остается только два пути: внутренний и внешний протест против буржуазии, или пьянство и вообще беспутство».¹⁸²

На первых порах промышленной революции потребность вырваться любой ценой из бесконечных кругов фабричного ада толкала рабочих к выходу совершенно иллюзорному. Наиболее доступным средством избавления от ощущения полной безысходности являлся алкоголь. Ежедневное, если не каждодневное пьянство было особенно широко распространено среди неквалифицированных работников. Резко контрастируют в этом отношении материалы П.Венсара, посвященные в основном квалифицированным, ремесленным рабочим, и анкеты Виллерме, Бюре, Виго де Морога, в которых преимущественно дается характеристика текстильных отраслей с их массой неквалифицированных работников. Пьянство и связанная с ним преступность очень часто упоминаются на страницах этих анкет.

И все же даже в страшные 30-60-е годы XIX в. даже наиболее обездоленным рабочим удалось противостоять полной деморализации. Первое тому доказательство - общества взаимопомощи. второе - та стачечная борьба, которую вели работники текстильных фабрик, шахт, железнодорожныхстроек. С июля 1830 г. по февраль 1848 г. имеются сведения о 136 выступлениях неквалифицированных рабочих Франции.¹⁸³

Основную массу работников третьего отряда французского пролетариата составляли ремесленные рабочие города; к нему также относились некоторые сравнительно немногочисленные категории квалифицированных мануфактурных и фабрично-заводских рабочих: граверы, наладчики станков, токари, слесари, механики и некоторые другие.

Для овладения трудовыми навыками рабочих профессий дайной социальной группы требовался длительный срок ученичества. Производственные функции плотника или камнереза, каменщика или токаря-машиностроителя отличались сложностью и многообразием. В письме в газету «Enquete sociale» рабочий-плотник Веллю дал любопытное перечисление знаний и навыков, необходимых для успешного выполнения плотницких работ. Эти знания включали: 1) определенное представление об архитектуре, необходимое для чтения чертежей и перерисовки их деталей; 2) понимание характерных особенностей различных пород дерева; 3) усвоение элементов статики для правильного закрепления тяжестей на точках опоры и элементов стереотомии для точного рассечения твердых тел различной геометрической формы. При этом Веллю отмечал, что плотникам, работающим в сельской местности и участвующим в возведении водяных и ветряных мельниц, гидравлических машин, бумажных прессов и волочил, требуются дополнительные знания из области механики, гидростатики и даже алгебры.¹⁸⁴

Значительным объемом знаний и умений должен был обладать и рабочий-ювелир. Эта профессия требовала и ясного представления о всех тонкостях плавки ценных металлов, и умения рисовать, моделировать, чеканить, гравировать.¹⁸⁵ В труде ювелиров, краснодеревщиков, как и рабочих ряда других ремесленных специальностей, имелись элементы художественного творчества. «Мебельное дело - это почти искусство»¹⁸⁶, - писал П.Венсару, рабочий-краснодеревщик.

Срок обучения квалифицированного рабочего занимал обычно несколько лет. Камнерезанию начинали обучаться довольно поздно - с 18 лет, в совершенстве овладевали этим ремеслом лишь по прошествии 7-8 лет. Ученичество у булочников длилось от года до 18 месяцев. Но молодой рабочий становился после этого обычно лишь третьим помощником булочника, пекарем, на которого возлагались самые несложные операции.¹⁸⁷ Дообучение осуществлялось в ходе каждодневной работы. В среднем, по данным Торговой палаты, в Париже в большинстве ремесленных профессий ученичество длилось от 2 до 5 лет.¹⁸⁸ В 1848 г. из 19114 парижских учеников-рабочих 3482 имели контракт об обучении на 5 лет, 4434 - на 4 года и 3501 - на 3 года.¹⁸⁹

В ремесленных специальностях повышение профессионального мастерства не заканчивалось с периодом ученичества. При этом мы не имеем в виду характерную для ремесленного производства возможность самоусовершенствования в ходе самого трудового процесса. У каменщиков, плотников, столяров и ряда других прогрессий существовали специальные школы, которые вели наиболее опытные рабочие и мастера. А.Пердигье и М.Надо, рабочие вожаки в годы Июльской монархии и II Республики, некоторое время являлись преподавателями подобных школ.¹⁹⁰ В первой половине XIX в. профессиональные школы такого рода были широко распространены. Во всяком случае об этом говорят источники, происходящие из среды самих пролетариев. Парижанин, рабочий-плотник в письме в редакцию газеты «Reforme», делая расчет бюджета работника своей профессии, в качестве обязательной статьи расхода указал и плату за месяц обучения в подобной школе.¹⁹¹ Свидетельство такого же рода имеется и в незаконченной книге Венсара. Он писал о профессии камнереза: «Часть заработка уходит на уроки по прикладному черчению и геометрии: на преподавателя, инструменты, бумагу, краски, карандаши - а все это недешево!.. Сколько времени и сил приходится затратить, чтобы обучиться этому богом проклятому ремеслу! Сколько вытерпеть мук, прежде чем можно будет с гордостью сказать: Я - Камнерез!»¹⁹² В анкете о положении рабочих Парижа, опубликованной в газете фурьеристов «Democratic pacifique», отмечалось, что «среди рабочих-плотников практически нет таких, которые на протяжении нескольких лет не посещали бы школу с целью изучения прикладного черчения, почти все они совершили также Тур де Франс».¹⁹³

Работники квалифицированного труда, насколько это было в их силах, боролись против деквалификации. Они пытались задержать или вообще не допустить внедрения машин в своих отраслях, выступали против использования необученных рабочих, не отбывших срока ученичества. Так, в Вальбенуате, коммуне близ Сент-Этьенна, рабочие-красильщики потребовали удаления с предприятия подобного работника. Так как хозяин отказался удовлетворить их требование, разразилась стачка.¹⁹⁴

Несмотря на сопротивление рабочих, процесс деквалификации продолжался. Стоимость квалифицированной рабочей силы в одних отраслях падала вследствие внедрения машинного производства, в других - из-за изменения ситуации на рынке труда, из-за обострения конкуренции между рабочими.¹⁹⁵

О характере воспроизводства рабочей силы квалифицированными работниками некоторое представление дает уже отмеченный выше полный перечень расходов рабочего-плотника, который был приведен в газете «Реформ». По мнению автора письма, каждый год работник должен был тратить 16 франков на покупку 2 пар обуви, 4 франка на ее починку, 15 франков - на приобретение брюк из драпа, 4 франка 50 сантимов - на 2 галстука, 2 франка 40 сантимов - на 6 пар носок; раз в 4 года надо было обновлять пальто и раз в 2 года-жилет, тратя соответственно в пересчет на год - 18 и 10 франков; 5 франков - на картуз, 2 франка 50 сантимов - на рабочую блузу, 18 франков - на 2 рубашки 5 франков - на две пары рабочих штанов. Ежедневные траты на питание должны были выглядеть следующим образом. Завтрак 15 сантимов - бульон, 20 сантимов - порция вареного мяса, 20 сантимов - стакан вина (250 г); обед: 25 сантимов - сыр, 20 сантимов - вино; ужин: 30 сантимов - порция мяса с овощами, 20 сантимов - вино; а также приблизительно 35 сантимов в день на хлеб.¹⁹⁶

Данный бюджет отражал, правда, скорее уровень потребностей рабочего-плотника, чем его реальное потребление. Указанные в письме расходы в сумме составляют приблизительно 1000 франков в год, в то время как годовая заработная плата плотника в среднем равнялась 850 франкам¹⁹⁷, т.е. рассчитанный автором письма бюджет представлял собой как бы норму потребления с точки зрения рядового парижского плотника. Но эта норма отнюдь не являлась чистой фантазией рабочего. Она сложилась под влиянием того факта, что некоторые рабочие других профессий получали более высокую заработную плату и могли себе позволить такое потребление, которое для парижских плотников было еще недоступно, но которого они добивались путем стачки. В частности, цель составления бюджета и цель самого письма в «Реформ» - доказать справедливость требования стачечников об увеличении на 1 франк поденной оплаты в плотницком деле.

Что же касается уровня зарплаты других квалифицированных рабочих, то, действительно, многие из них зарабатывали больше плотников. Например, выше была годовая заработная плата даже у каменщиков низшего разряда, так называемых лимузенцев. В день они получали приблизительно 3 франка 75 сантимов, но так как у каменщиков сезонная безработица длилась в среднем 2 месяца в год, а у плотников - 4-5 месяцев, в сумме лимузенцы получали больше. Каменщики же, полностью закончившие срок обучения и достигшие определенного мастерства в своем ремесле, зарабатывали 4 франка 25 сантимов - 4 франка 50 сантимов в день. Рабочие-кровельщики в Париже получали по 5 франков в день, а высококвалифицированные металлисты на заводе Каве - от 5 до 10 франков.¹⁹⁸ Как отмечал Левассер, подсобники (неквалифицированные рабочие) разного рода получали в Париже в среднем от 2 франков 50 сантимов до 3 франков в день 199. Самая высокая средняя заработная плата в масштабе всей страны была у типографских рабочих. По подсчетам Моро де Жоннеса, она равнялась 4 франкам 18 сантимам в день.²⁰⁰

Помимо лучшего питания, более добротной одежды и лучших жилищных условий в воспроизводстве обученной рабочей силы (по сравнению с необученной) имелся еще один специфический момент. Часть квалифицированных работников могла себе позволить культурные развлечения иного рода, чем посещение местного кабачка. В источниках, относящихся к рассматриваемой группе пролетариата, есть неоднократные упоминания о посещении рабочими театров. Об этом писали столь разные авторы, как А.Перпигье, А.Корбон, Монфалькон.²⁰¹ Театры парижских бульваров «Амбигю Комик» и «Порт Сен-Мартен», учитывая симпатии своей пролетарской аудитории, поставили в начале 40-х годов пьесы писателей-республиканцев Ф.Сулье «Рабочий» и Ф.Пиа «Два слесаря». Еще ранее в театре «Порт Сен-Мартен» шел пользовавшийся успехом водевиль «Фабрика» по мотивам сборника «Рассказы мастерской» писателя 13 рабочих М.Массона.²⁰² Когда в 1848 г закрылся парижский театр Бомарше, его директор объявил, что банкротство объясняется тем, что вследствие промышленного кризиса театр перестали посещать его постоянные зрители, пролетарии из предместья Сент-Антуан.²⁰³ В воспоминаниях провансальского поэта-демократа В.Желю есть даже упоминание о том, как он в молодости (в 20-30-е годы XIX в.) посещал театральные представления, устраивавшиеся рабочими обществами Марселя. Тогда же В.Желю вместе со своими друзьями, портовыми грузчиками²⁰⁴, пытался поставить ко дню Карнавала пьесу Шиллера.²⁰⁵ Театр, участие и певческих обществах²⁰⁶ служили не только психологической разрядкой, но способствовали и духовному развитию рабочих.

Хотя квалифицированный труд вызывал нередко серьезные психологические перегрузки, все же он не действовал на человека столь оупляюще, как тяжелый непрофессиональный труд шла чисто мускульных усилиях, землекопа или однообразная, механическая работа, состоявшая из постоянного набора простейших операций, которые приходилось выполнять прядильщику у мюль-машины.²⁰⁷ После дня, проведенного у печатного станка, перед столярным верстаком или просто за столом с портняжной иглой в руках, обратиться вечером к книгам было все-таки легче, чем после того, как человек 12 часов отмахал

лопатой, сооружая железнодорожную насыпь, или простоял у «волк»-машины, совершая операцию, для выполнения которой требуется всего 3-4 простейших движения. Притом если одним неквалифицированным рабочим постоянно приходилось страдать от капризов погоды: жары, дождя, холода, то другим - от духоты или излишней влажности, пыли, зловонных и вредных испарений, постоянного грохота в тесных и мрачных цехах фабрик и заводов. Условия труда квалифицированных работников в среднем были несколько лучше.

Но помимо того, что квалифицированный труд не был столь отталкивающим бездуховным (и уже в силу этого приводящим к деградации человека) и осуществлялся нередко в более или менее сносных условиях, интеллектуальному развитию квалифицированных работников в некоторой степени способствовала сформировавшаяся за годы овладения профессией привычка к обучению. Обязательные годы обучения при всей его ущербности не могли не наложить отпечатка на личность. Во всяком случае у части работников складывалось понимание необходимости положительных знаний. В некоторых же пробуждалась настоящая страсть к учению. Именно страсть могла заставить усталого, часто регулярно не высыпавшегося человека приходить вечером на какие-либо курсы, слушать лекции, читать трактаты по физике или истории. Молодой эльзасец, рабочий-кожевник, совершая Тур де Франс, писал отцу из Безансона, что каждый день он работает с половины пятого утра до восьми вечера, но тем не менее регулярно занимается французским языком и географией, а в Боне ему удалось посещать вечерние курсы чтения, письма и арифметики.²⁰⁸

Не известно, насколько широка была в провинции сеть курсов; подобных тем, которые посещал в маленьком городке департамента Кот д'Ор любознательный эльзасец.²⁰⁹ Что же касается Парижа, то в 20-40-е годы там насчитывалось несколько добровольных обществ, занимавшихся образованием трудящихся классов. Еще в 1824 г. в «Консерватории искусств и ремесел» открылись курсы публичных лекций, посещавшиеся и рабочими.²¹⁰ С января 1831 г. действовала «Политехническая ассоциация», которую возглавляли либеральные профессора В. де Траси, О.Конт и Пердонне. В середине 1831 г. изгнанные за политическую агитацию из «Политехнической ассоциации» Лешевалье и Рокур основали «Ассоциацию бесплатного обучения народа», члены которой успешно соединили преподавание естественных наук и пропаганду республиканских идей. После роспуска этой ассоциации из-за массового участия ее членов в восстании 5-6 июня 1832 г. она вскоре была воссоздана под именем «Свободная ассоциация народного просвещения». Генеральным секретарем ее стал Э.Кабе, а председателем - Дюпон де л'Эр.²¹¹

О том, что лекции, устраивавшиеся всеми этими ассоциациями, посещались в основном квалифицированными рабочими, свидетельствуют источники разного рода. М. Надо, сам постоянный слушатель лекций «Ассоциации бесплатного обучения народа», указывал, что на них он встречал многих каменщиков, уроженцев его департамента Крез.²¹² Рабочий-столяр Ф.Манен, выступая на банкете, посвященном 21-й годовщине со дня смерти О.Конта, вспоминал, как он вместе с небольшой группой рабочих посещал в начале 40-х годов лекции в «Консерватории искусств и ремесел». А с 1843 г. Маньен и 6 его товарищей, по совету золотых дел мастера П.Бюиссона, стали слушать лекции Конта. В то время помимо лекций Конт проводил особые занятия по философии для троих рабочих: портного, типографа и часовщика.²¹³

Некоторое представление о социально-профессиональном составе «Свободной ассоциации народного просвещения» дает письмо группы ее членов в газету «Bon Sens». Это письмо подписали: 2 краснодеревца, 2 ювелира, токарь, токарь-оптик, эмальщик, 7 рабочих, изготавливавших бижутерию, 2 рабочих, занимавшихся производством несесеров, работник корсетной мастерской, полотер, студент, весовщик, собственник (propriétaire) и человек, который подписался просто «ouvrier».²¹⁴ Конечно, даже среди квалифицированных рабочих активно занималось самообразованием лишь меньшинство.²¹⁵ К тому же существовала разница между парижскими и провинциальными рабочими. В Париже это меньшинство, видимо, было гораздо более значительным, чем в провинции.

Специфическим моментом в социальной психологии квалифицированных работников являлось их отношение к труду. Для них, в отличие от неквалифицированных рабочих, труд - не проклятие и не просто способ заработать деньги на жизнь, а предмет гордости, а подчас и радости. Настроения подобного рода особенно ярко проявились в поэзии и песнях шансонье из рабочих. Каменщик из Тулона Ш.Понси посвятил целый сборник стихов воспеванию труда рабочих разных профессий. В одном из стихотворений этого цикла есть характерные строки:

В тени своей кузин живу

Счастливее короля.

Можно гордиться собой,

*Когда польза всем от тебя.*²¹⁶

В стихотворении Ш.Жилля «Рубанок» красочно описывается работа столяра; работник, его инструменты и послушное его мыслям и рукам дерево - вот «действующие лица» этого стихотворения, почти идиллического. Строки:

Древесной основы касаясь слегка,

Рубанок мой бодро снует.

И стружка, как локон, легка и тонка,

И дерево звонко поет.

Все движется, дышит, и в этот момент

Себя я считаю главой

Оркестра, где важен любой инструмент

*И голос у каждого свой,*²¹⁷

особенно обращают на себя внимание контрастом по отношению к созданному тем же Ш.Жиллем описанием труда на химической фабрике²¹⁸ и ко всему трагическому настроению его поэзии (замученный нищетой, Ш.Жилль повесился в 1856 г. в возрасте 36 лет).

Вряд ли имеет смысл цитировать все известные нам стихи и песни рабочих, в которых выражены чувства гордости своим трудом, радости от процесса труда и создания всего самого необходимого для людей, наконец, понимания своей значимости в мире. Это и «Песня каменщика из Креза»²¹⁹, и «Песня тружеников» Э.Пети («Позор тому, кто не хочет трудиться! Слава трудящемуся каждый день!»)²²⁰, и «Советы старого мастера Трубадура юному плотнику» Эйрра-старшего.²²¹

Квалифицированный труд не только обеспечивал возможность нормальной самореализации личности, но и мог послужить трамплином для социального возвышения. Благодаря своему умению и профессиональной ловкости каменщик или токарь-универсал мог выделиться из среды своих товарищей. Сложная профессиональная деятельность выявляла фактическое неравенство человеческих способностей, в то время как машинное производство, наоборот, насильно уравнивало сильных и слабых, интеллектуально более и менее развитых. Неквалифицированные работники почти не имели реальных шансов на индивидуальное улучшение своего положения. Трудно определить, насколько велики были шансы на возвышение по социальной лестнице у массы квалифицированных рабочих, но некоторые факты заставляют предположить, что во всяком случае их социальная стабильность была выше, чем у неквалифицированных работников. Основатель династии парижских фабрикантов-мебельщиков К.Мерсье начинал свою карьеру в качестве подмастерья Тур де Франс.²²² Другой «парвеню» - О.Пеккер в детстве помогал своим родителям-землепашцам, в юности был учеником часовщика, в зрелые же годы благодаря счастливому сочетанию предпринимательской жилки и выдающихся способностей механика и конструктора стал основателем и владельцем оснащенного по последнему слову техники сахароваренного завода.²²³ Многие парижские строительные подрядчики говорили Ж.Мишле, что приехав в столицу, они сначала работали каменщиками или плотниками.²²⁴ Анонимный автор отмечал в 1844 г., что «ремесленник-одиночка имеет больше возможностей добиться независимого положения, чем рабочие крупной

промышленности».²²⁵ Сопоставленные этим автором две категории работников частично сопадают с выделенными нами группами городских квалифицированных и неквалифицированных рабочих: ремесленники-одиночки являются составной частью первого отряда пролетариата, а рабочие крупной промышленности в большинстве своем относятся ко второму.

Надежда на возможность путем труда, экономии, а подчас и хитрости добиться жизненного благополучия жила в сознании части квалифицированных работников. Именно рабочие с подобной надеждой в душе особенно часто отказывались участвовать в стачках, объявляли себя сторонниками порядка и собственности.²²⁸

Но в первой половине XIX в. путь буржуазного индивидуализма привлекал лишь небольшое число рабочих. Даже высококвалифицированных рабочих гораздо чаще волновала проблема как выжить, чем проблемы социального возвышения. А Корбон выделял в среде парижского пролетариата три группы. По его данным, половину рабочих, а в революционное время даже 7/10 составляли люди, которые не только занимаются производительным трудом, но и «заставляют правительство идти по пути прогресса»; 3/10 работников приносили пользу обществу только своим трудом, общественные интересы для них оставались или непонятными, или неизвестными; в так называемый нижний класс рабочего населения Парижа Корбон включал тех, кого К.Маркс называл люмпен-пролетариатом. Автор подразделял вторую группу, или, по его терминологии, средний класс, еще на три части и определял одну из них как «l'arrier-ban de la bourgeoisie laborieuse» («резерв трудящейся буржуазии»). Корбон характеризовал эту категорию рабочих следующим образом: «Так как они любят реальное и зримое благополучие, больше всего они заняты удовлетворением своих потребностей». Они избегают многодетности, отмечал Корбон, их образ жизни сформировался под влиянием безмерного развития самолюбия.²²⁷ Как видим, по мнению этого человека, очень хорошо знавшего парижский пролетариат, обуржуазивание затронуло к середине XIX в. лишь очень незначительную часть рабочих. В основной массе квалифицированных рабочих, как и в среде других групп французского пролетариата, происходило стихийное отторжение буржуазной системы ценностей.

* * *

Становление классового сознания каждой из рассмотренных групп пролетариата-полукрестьян-полурбочих, городских неквалифицированных и квалифицированных работников-имело свою определенную специфику. Полукрестьяне-полурбочие по своей психологии, по широте своего кругозора, по самоидентификации лишь только начинали отрываться от крестьянского мира. Правоммерно предположить, что формирование пролетарского классового сознания у полукрестьян-полурбочих начиналось с того, что они превращались просто в рабочих. Промежуточное же классовое положение лишь в определенной степени подготавливало их к перемене социального статуса и социальной ориентации.

Городские неквалифицированные рабочие в своем подавляющем большинстве - это вчерашние крестьяне. Только крестьянство, составлявшее 2/3 населения Франции и постоянно страдавшее от нехватки земли, могло поставить всю эту промышленную армию труда для динамично развивавшихся текстильной, сахароваренной, каменноугольной промышленности, для очень значительного в 40-е годы железнодорожного строительства. Ремесленники, будучи гораздо более грамотными и ориентированными в городской жизни, даже разоряясь, значительно реже переходили в разряд неквалифицированных работников²²⁸, к тому же на их долю приходилось всего 10% населения Франции. Впрочем, капиталистическое горнило, в которое попадали неквалифицированные или дисквалифицированные рекруты промышленности, быстро всех уравнивало. Проблема хлеба насущного на долгое время вытесняла все иные проблемы, а также старые привычки, предрассудки; оставалась лишь смутная горечь воспоминаний. Унаследованная от предков традиционалистская культура была настолько несовместима с новыми условиями жизни и труда, что быстро и безвозвратно утрачивалась. Религиозные и нравственные устои рушились.

Лишенная каких бы то ни было средств существования, полностью бесправная масса неквалифицированных тружеников из всех слоев населения должна была в особенно резкой форме испытать, как при господстве буржуазии разрываются все привычные, традиционные связи между людьми, в том числе между собственниками и неимущими. Отрезанный от всего культурного мира неквалифицированный пролетариат, пролетариат во всех смыслах этого слова, тем не менее постепенно вырабатывал свои собственные нормы человеческого общежития. Эти-то нормы во многом и легли в основу классового сознания послужили его социально-психологическим фундаментом коллективизм, товарищество явились характерными моментами формировавшейся классовой психологии - важного компонента классового сознания. Поднимались подчас неквалифицированные работники и до понимания общности интересов рабочих различных местностей и разной квалификации. Об этом свидетельствует стачка землекопов на постройке фортификаций в Нуази под Парижем в декабре 1831 г. Они потребовали увеличения заработной платы, угрожая в случае отказа выступить в количестве 10 тыс. человек, «чтобы последовать примеру лионских рабочих».²²⁹ В июне 1848 г в Шомон (деп.Верхняя Марна) прибыл вооруженный отряд землекопов из Лангра с целью отправиться далее в Париж. Местные власти задержали отряд, не без оснований заподозрив рабочих в том, что они собираются встать на сторону восставших.²³⁰ Тогда же в Эссоне рабочие-бумажники построили баррикады, чтобы не пропустить направлявшиеся в Париж воинские подразделения.²³¹

Важнейшее отличие становления классового сознания у квалифицированных рабочих от этого же процесса у их необученных собратьев состояло в том, что промышленная революция во Франции не привела к быстрому исчезновению тех неписаных, освященных временем и традицией законов, которые во многом регулировали повседневную жизнь, труд и даже отношения с хозяевами работников, имевших высокую квалификацию, жизнь же неквалифицированных работников регулировалась исключительно законом спроса и предложения.

Обученные работники хранили как передававшиеся из поколения в поколение старые обычаи городского ремесленничества, так и воспоминания об участии их старших родственников в Великой буржуазной революции. Духовная преемственность у этой группы пролетариата не была нарушена, поэтому изучению становления классового сознания данной социальной группы должно обязательно сопутствовать исследование тех форм сознания, которые предшествовали классовому

IV. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ ФРАНЦУЗСКИХ РАБОЧИХ в 30-40-е года XIX в.

1. ФОРМЫ СОЗНАНИЯ, ПРЕДШЕСТВУЮЩИЕ КЛАССОВОМУ

Франция 30-40-х годов XIX в оставалась страной с явным преобладанием сельской местности над городом. В середине 30-х годов из 37252 коммун лишь 1377 считались городскими. Даже некоторые из департаментских и окружных центров получали статус городов только за свое административное значение. По подсчетам известного статистика той эпохи Ж.-А.Шнитцлера, всего в 1102 коммунах численность населения превышала 3 тыс. человек.¹ Провинция жила неторопливо, бережно сохраняя старые традиции. Только начинала клониться к упадку ярмарочная торговля, пережиток феодальной организации коммерческого дела. Ф.Энгельс писал о Франции тех лет: «Местные налоги во всех городах с населением свыше 1000 человек являются косвенными и взимаются с ввозимых туда продуктов. Таким образом, даже внутри страны свобода торговли через каждые 10-15 миль наталкивается на препятствие в виде своеобразных внутренних таможен».²

Экономическая разобщенность усугублялась социально-культурными различиями, сохранявшимися особенно в народной среде Немало способствовала разъединению тружеников живучесть во многих районах Франции патуа и диалектов. Даже о столь промышленно развитом департаменте как Верхний Рейн, географ А.Гюго писал «Диалект немецкого языка, на котором говорят в департаменте, очень похож на немецкий язык, употребляемый в Швейцарии В округе Бельфор говорят на патуа, состоящем из кельтских, латинских, древнегерманских и французских слов. В кантонах, расположенных вдоль цепи Вогезских гор, объясняются на лотарингском патуа, имеющем грубое и сложное произношение, этот патуа различается от кантона к кантону и даже от деревни к деревне».³

В период Июльской монархии лишь три города - Париж, Лион и Марсель - насчитывали более 100 тыс. жителей Обилие маленьких городков с застойной сонной жизнью очень характерно для Франции тех лет. В сотнях этих бургов проживали ремесленные и мануфактурные рабочие, сознание которых в полном соответствии с окружающей их жизнью в значительной степени сохраняло следы прошедших эпох. Впрочем и в крупнейших городах Франции 30-40 х годов XIX в далеко не все пролетарии освободились от отживших представлений

Подобно тому, как в XVII-XVIII вв. интересы подавляющего большинства наемных работников физического труда не выходили за границы корпорации, мануфактуры, компаньонажа или братства, в XIX в. столь узкий горизонт общественного сидения оставался все еще уделом значительного числа пролетариев Это была отличительная особенность сохранявшегося и в 30 40-е годы XIX в. архаического, партикуляристского типа рабочего сознания. В настоящее время его отдаленным аналогом выступает цеховое сознание.⁴ Но за исключением совпадений и очень ограниченном понимании своей общности «мы»⁵, эти два типа рабочего сознания являют собой качественно различные системы представлений и психологических установок. Утилитарное отличающееся своеобразным коллективным эгоизмом цеховое сознание-плод зрелого капиталистического общества, в то время как партикуляристское сознание генетически связано с эпохой «старого режима». Партикуляризм, разобщенность самой общественной жизни, еще не унифицированной капиталистической цивилизацией, - вот почва, порождавшая этот архаический тип сознания.

«Мы» рабочего человека, обладавшего данным типом сознания, охватывало лишь членов микрогруппы, с которой была непосредственно связана его трудовая деятельность. Правда, подобная микрогруппа необязательно являлась постоянно функционирующим производственным коллективом. Для рабочих ряда ремесленных профессий в качестве таких микрогрупп выступали или тайные союзы подмастерьев-компаньонажи, или братства, или неформальные сообщества типа повсеместно существовавших объединений земляков. Роль компаньонажей, братств, объединений земляков в организации труда и во всей жизнедеятельности множества ремесленных и мануфактурных рабочих была огромной. Наем на работу осуществлялся не прямо путем заключения сделки с предпринимателем, а через посредничество должностного лица или просто влиятельного члена микрогруппы.⁶ Более того, неписанными правилами компаньонажа строжайше запрещалось его членам самостоятельно искать работу. Хотя ремесленный подмастерье часто менял место работы и, следовательно то и дело попадал в новый коллектив, неизменно его товарищами по труду оказывались члены именно той микрообщины, к которой принадлежал и он сам.

Это объяснялось тем, что отношения между различными микрогруппами очень часто характеризовались отчужденностью или прямой враждебностью. Так, нередко и в XIX в. члены различных компаньонажей вступали в жестокие драки.⁷ Груз профессиональных, национальных, сословных и сугубо местных предрассудков довлел над сознанием многих рабочих. В провинции да и в крупных промышленных городах рабочие еще нередко делились на «пришлых» и «коренных», на потомственных, гордившихся полученными когда-то привилегиями, и новобранцев промышленности.⁸ В ходе стачек довольно часто выдвигалось требование удаления из города иностранных рабочих.⁹

Даже среди уроженцев одного департамента сохранялось деление на враждовавшие местные кланы. Редко кто из строительных подрядчиков Парижа рисковал нанять на одну и ту же стройку выходцев из Сантеррена и Понтарьона, близлежащих местностей департамента Крез.¹⁰ Никогда не работали совместно и члены разных компаньонажей. В том случае, если хозяин нанимал поочередно то гавотов, то деворанов, в мастерской при смене рабочего персонала совершался очистительный обряд: вновь прибывшие жгли серу, одеколон, смолу, на инструменты брызгали уксусом.¹¹

Партикуляристский тип сознания воспроизводился из поколения в поколение с минимальными видоизменениями. Представления об обществе, как и трудовые навыки, диктовались традицией. Рабочие не вырабатывали собственное мировоззрение, а получали его как бы в готовом виде. Столярный подмастерье, неумолимый реформатор компаньонажей А.Пердигье писал: «Как только молодой человек попадал в какое-либо общество (имеется в виду компаньонаж. - Е.К.), оно становилось для него его родиной, его любовью... Те же, кто находился в другом объединении и подчинялся другим правилам, превращались в его врагов».¹² Рабочие партикуляристского типа сознания строго следовали нормам своей микрогруппы. Часть этих норм впоследствии исчезла вместе с самим партикуляристским типом, одна же из них - коллективизм, солидарность, - претерпев определенные изменения, и по сей день является существенным компонентом рабочего сознания.

В 30-40-е годы XIX в. представление о микрогрупповой общности отличалось очень большой интенсивностью. Солидарность в рамках микрогруппы проявлялась не спорадически, а являлась строгим моральным законом внутренней жизни. Хорошо осведомленная о жизни пролетариата газета «Reforme» писала, например, о таком давнем обычае рабочих-плотников: в том случае, если в каком-либо городе плотницкие работы хорошо оплачивались и рабочих туда стекалось слишком много, город добровольно покидали давно в нем трудившиеся подмастерья, чтобы дать возможность подзаработать вновь прибывшим.¹³ О силе рабочей солидарности свидетельствует тот факт, что стачки принимали насильственный характер чаще всего тогда, когда власти пытались арестовать кого-либо из забастовщиков.¹⁴ Тем более можно говорить о настоящем культе товарищества в рамках рабочих организаций.

«У матери компаньонов (владелицы кабачка, где регулярно столовались, проводили свои собрания, хранили общественные деньги члены определенного компаньонажа. - Е.К.) я увидел молодых людей, пришедших со всех концов Франции, во всем помогавших друг другу, живших как братья... Спокойствие, честность и взаимное уважение царили в этом доме...»¹⁵ - таковы были первые впечатления пребывания Пердигье среди членов объединения компаньонажей «Девуар де Либерте». Взаимная выручка была одной из характернейших особенностей взаимоотношений внутри компаньонажей.

Значение этих организаций для ремесленных рабочих было очень велико. Даже в конце 40-х годов XIX в., когда лучшая пора их была уже позади (она приходилась на период Реставрации), по оценке Пердигье, они насчитывали до 100 тыс. членов.¹⁶ Целый ряд других организаций мануфактурных и ремесленных рабочих по внутренней структуре, обычаям и самому духу напоминали, а часто просто копировали компаньонажи.¹⁷

В производственных коллективах, в компаньонажах и подобных им организациях царил дух братства, но отнюдь не равных между собой индивидов. Одной из характерных особенностей партикуляристского видения мира являлся иерархизм. В компаньонажах он проявлялся в жестком различии между полноправными компаньонами и новичками («аспирантами»).

В особенно резкой форме иерархизм был свойствен членам компаньонажа «Девуар». О порядках в нем Пердигье писал: «Компаньоны и аспиранты не имеют общих собраний... за обеденным столом и во время отдыха держатся раздельно. По отношению к «аспирантам» компаньон ведет себя как офицер: он выдерживает подобающее расстояние, старается не жить бок о бок с простым солдатом, который должен ему подчиняться».¹⁸ Взрослые рабочие подчас даже не допускали учеников к участию в традиционных профессиональных праздниках.

По всей Франции специальной церемонией «посадки букета» каменщики всякий раз отмечали завершение строительства.¹⁹ Этот ритуальный и в то же время очень веселый праздник разыгрывался в ночь после окончательного возведения здания. В ближайшее воскресенье праздник возобновлялся. Но ученики всегда отстранялись от участия в общем веселье. В знак особого благорасположения взрослые подмастерья могли выдать своим помощникам небольшую сумму денег, чтобы те по своему усмотрению отметили завершение строительства. Хотя деньги на празднование «посадки букета» сами подмастерья получали в виде специального дара от предпринимателей, они отнюдь не считали себя обязанными делиться ими с учениками.²⁰ Сохранились данные о неполноправном положении учеников, о пренебрежительном отношении к ним со стороны подмастерьев в среде бумажников Тьера и конопатчиков Гавра, в среде кузнецов, шляпников, ситцепечатников.²¹

Косвенным свидетельством живучести иерархизма даже среди пролетариев столицы может служить одно из писем в лево-либеральную газету «Bon Sens», поместившую в 1832-1833 гг. на своих страницах более 160 различных посланий пролетариев Парижа и провинции. Молодой рабочий отмечал, что до сих пор публиковались лишь послания работников, имеющих квалификацию, но он надеется, что и ученикам предоставят слово.²² Характерен тон этого письма, в нем явно сквозит настороженность: нет ли и в газете дискриминации в отношении «неполноценных» рабочих. Иерархизм рабочего мышления являлся отражением существовавшей на протяжении веков четкой градации работников внутри ремесленной мастерской на низших, неполноправных (ученики), и высших (подмастерья). Подобное разделение в основных чертах было унаследовано и мануфактурой.²³

Исучаемому типу рабочего сознания был также в значительной степени присущ иррационализм. Лишь путем длительного анализа можно установить, что непримиримая враждебность компаньонажей, объединений земляков и т. п. по отношению друг к другу была своим исходным пунктом существовавшую между ремесленными рабочими конкуренцию. Сами же рабочие экономической подоплеки своих кровавых побоищ не создавали. Ненависть гавотов к деворанам или бигаро к бруля²⁴ была немотивированной, традиционной и иррациональной. Пердигье описывает, как часто схватки между членами враждебных компаньонажей начинались где-нибудь на дороге во время совершения Тур де Франс; все противники при этом видели друг друга первый раз в жизни.²⁵ Иррационализм проявлялся также в мистицизме, который пронизывал многие обычаи, ритуалы рабочих организаций и даже правила трудовой деятельности.

Партикуляристское сознание по природе своей является неполитическим. Именно этим объясняется отсутствие сколько-либо точных данных о политической активности компаньонажей даже в годы революций 1789-1799 и 1830 гг., а партикуляристский дух нашел наиболее полное воплощение именно в сознании компаньонов. Для этого типа сознания значимость микрогрупповых ценностей намного превосходила значимость ценностей общенациональных. Но некоторые реалии политической жизни все-таки находили свое отражение в партикуляристском сознании. В эпоху «старого режима» естественным следствием партикуляризма, можно даже сказать его органической частью, выступало не критическое восприятие некоторых традиционных символов. В то время национальная идея находила свое органическое воплощение в наивном, народном монархизме. Неспособность защищать свои интересы на общенациональном уровне приводила рабочих к тому, что они возлагали эту обязанность на институты государственной власти, а в самой высшей инстанции - на короля.

Правда, в 30-40-е годы XIX в. для значительной части рабочих вообще не был свойствен партикуляристский тип сознания. У них выработался совершенно иной взгляд на общество в целом. А с другой стороны, миф о «добром монархе» по меньшей мере расстроился. Для части рабочих партикуляристского типа сознания образ «доброго монарха» ассоциировался с законным, легитимным королем; другие сохраняли верность бонапартистской легенде; третьи возлагали надежды на Луи-Филиппа. Подобный плюрализм отнюдь не способствовал

укреплению монархических настроений. Сама борьба за умы рабочих между легитимистами, орлеанистами и бонапартистами принуждала рабочих к определенному выбору, т.е. приучала их к политическим размышлениям, а тем самым способствовала разрушению партикуляристского сознания - наиболее благодатной почвы для Утверждения монархических иллюзий. Тем не менее и легитимизм, и орлеанизм, и бонапартизм находили еще своих приверженцев в среде рабочего класса Франции.

В полицейских донесениях содержится описание происшедшей в мае 1831 г. в Тулоне (деп.Вар) уличной драки по политическим мотивам. Подрались двое рабочих: один из них был карлистом, другой - либералом. Толпа, состоявшая в основном также из рабочих, пришла на помощь первому.²⁶ Есть сведения о легитимистских настроениях среди пролетариев и в «Gazette des Tribunaux». Во время собрания национальной гвардии коммуны Сен-Симон (деп.Эна) рабочий-портной Рифле начал кричать, «что он плевать хотел на национальную гвардию... и пусть она катится к чертовой матери вместе с генералом Лафайетом и что в трехцветном знамени ...есть только один достойный цвет - белый».²⁷ В Сент-Омере (деп.Па-де-Кале) был задержан столяр, выкрикивавший на улице: «Да здравствует Карл X! Да здравствует герцог Бордосский! Долой Луи-Филиппа! Я - роялист, и никто мне этого запретить не может!»²⁸ Даже в период революции 1848 г. среди некоторых групп пролетариата сохранялись легитимистские настроения. В письме одного марсельского рабочего к секретарю Клуба демократов Л.Комбу говорилось о той опасности, которую представлял собой батальон национальной гвардии портовых грузчиков, в большинстве своем являвшихся карлистами.²⁹

О значительной стабильности в партикуляристском сознании образа «короля-защитника» может свидетельствовать тот факт, что некоторые рабочие перенесли этот образ и на Луи-Филиппа. В Париже на Гревской площади (туда обычно приходили пролетарии в поисках работы) 2 марта 1831 г. из толпы раздались возгласы: «Король не знает о нашем положении!» Прибывшие национальные гвардейцы принудили рабочих разойтись, но через час снова собралось около 60 рабочих и снова раздались крики. «Да здравствует король! Да здравствует свобода! Работы и хлеба или смерти!»³⁰ На следующий день на той же площади уже около 400 рабочих громко провозглашали: «Да здравствует король! Работы, вот чего мы требуем!»³¹ В этих выкриках рабочих проявилась характерная логика партикуляристского мышления: король-защитник простого люда не знает о наших бедах; узнав, он обеспечит нас работой и хлебом.

Но в среде парижских пролетариев в 30-40-е годы XIX в. задавали тон отнюдь не партикуляристски ориентированные рабочие. Недаром во время демонстраций на Гревской площади провозглашали не только «Да здравствует король!», но и «Да здравствует свобода!» А когда в ноябре 1830 г. на Марсовом поле некоторые работники призывали толпу из 1200 человек отправиться в Пале-Рояль³², кто знает, собирались ли они смиренно обратиться к «доброму королю» с просьбами или требовать коронованного слуги народа улучшения своего положения?

Политический опыт двух революций плохо совмещался не только с наивным монархизмом, но и со всем укладом партикуляристского типа сознания. Происходила его ломка и одновременно перестройка. Широкое распространение в умах рабочих бонапартистской легенды явилось одним из проявлений этого процесса.³³ Бонапартизм не может быть отождествлен с наивным народным монархизмом, хотя в основе и первого и второго лежит неспособность защищать свои классовые интересы от своего собственного имени.³⁴ Бонапартизм как феномен массового дознания гораздо сложнее и противоречивее, и уже в силу этого он более отвечал условиям 30-40-х годов XIX в., чем легитимизм или орлеанизм.

В романе «Красное и черное» Стендаль привел мимолетный разговор трех каменщиков о Наполеоне: «Ну, бог, пришел и наш черед. Новый набор объявили! - Да, тогда тот был - что же, в добрый час! Из каменщика ты офицером делался, а то и генералом, видали такие случаи. - Теперь, брат, уж не увидишь! Одна голытьба в солдаты идет. А тот, у кого в кармане позвякивает, дома остается. - Кто нищим родился, тот нищим весь век и останется. - А что, верно говорят, будто тот помер? - Это, брат, толстосумы говорят! Как же, он им нагнал страху!»³⁵ Учитывая большую точность и глубину политических характеристик великого писателя, видимо, не стоит игнорировать этот художественный документ эпохи. Бонапартистская легенда в ее народной интерпретации включала в себя и традиционное представление о «короле-защитнике», и высокий пафос национальной гордости, и даже смутные стремления к более справедливому устройству общества.³⁶

Тем не менее, хотя некоторые из рабочих - сторонников Наполеона - и заявляли: «Если бы нашлось 20 парней вроде меня, не долго б усидел король на своем месте! Долой правительство! Да здравствует Наполеон!»³⁷ - монархизм в любой его форме (даже бонапартистской) более всего соответствовал партикуляристскому типу сознания. А этот тип рабочего сознания становился все более явным анахронизмом во Франции эпохи промышленного переворота.

В 30-40-е годы XIX в. партикуляристское сознание сохранялось у наиболее отсталых рабочих Франции. Традиционализм, иерархизм, статичность общественных воззрений вступали в противоречие с бурным политическим и все ускорявшимся экономическим развитием страны. Капиталистические товарно-денежные отношения, сплачивавшие страну в единое целое, постепенно приобщали к общенациональному рынку труда самых темных пролетариев и тем самым способствовали формированию в рабочем сознании представлений о нации, о народе. Начало складывания этих представлений относилось к эпохе Солее ранней, чем 30-40-е годы XIX в. Длительная эволюция самого общества еще в рамках «старого режима», затем перипетии Великой революции, призвавшей массы к решению коренных политических проблем, создали условия для органического восприятия рабочим сознанием таких понятий, как нация, народ, трудящиеся классы. Становление типа сознания, качественно отличного от партикуляристского, продолжалось и в годы Директории, Консула! а Империи. В определенной степени подстегнуло его развитие и унижение национального достоинства в период Реставрации.

Если определяющим моментом для партикуляристского сознания являлась полная включенность в микрокосм той или иной сравнительно узкой группы, то для популистского типа сознания в качестве подобного конституирующего момента выступало ясное представление о причастности индивида к такой широкой общности, как народ.

Тема народа затрагивается почти в трети всех известных нам писем рабочих 30-40-х годов XIX в. При этом так или иначе ощущается, что пролетарии пишут не о нейтральной по отношению к ним абстрактной категории: свои собственные, личные переживания, проблемы, идеи они отождествляют с народными. Благодарят ли они газету за патриотическую направленность, скорбят ли о том, что их любимый поэт П.-Ж.Беранже решил оставить перо, критикуют ли правительство - неизменно личное и народное в их высказываниях и соответственно в мыслях слиты воедино. Начитанный человек, но бедняк из бедняков (ему приходилось выполнять самые грязные и низкооплачиваемые работы: старьевщик, гребенщик, ассенизатор) Понти писал в одном из своих писем: «Друзья, есть ли что-нибудь более интересное для нас, чем *наши* общие чувства, с которыми мы можем ознакомиться в *нашей* газете; да-да, именно в *нашей* ... с ее помощью мы слышим друг друга от одного края Франции до другого. Поблагодарим же тех людей, что своими руками патриотов воздвигли для *нас* эту *народную* трибуну»³⁸ (курсив мой. - Е.К.). В приписке рабочего-ювелира к коллективному посланию парижских пролетариев в «Bon Sens» говорилось: «Я с радостью присоединяюсь к этому скромному свидетельству благодарности моих товарищей; давно уже *мы* чувствовали необходимость создания мощного противоядия, способного нейтрализовать зловерное влияние газетенок, вдохновляемых полицией. Честь и хвала бескорыстным патриотам,

которые основали «Bon Sens» и предоставили *народу* возможность участия в общественной полемике»³⁹ (курсив мой. - Е.К.). Каменщик А.Паливо, выступая в своем письме против чрезмерных налогов, что падают в первую очередь на бедные слои населения, спрашивал, почему не облагают налогами предметы роскоши. Но, видимо, его смутила собственная смелость и в конце, как бы извиняясь, он написал '«Ранее я никогда не говорил о *народных* интересах, но я ведь говорю о своих *собственных* интересах, а о *своих* делах все неплохо судят»⁴⁰ (курсив мой. - Е.К.). В подобном же духе написаны десятки писем рабочих. Слова «мы», «народ», «наши», «народные» составляют в них единый синонимический ряд; самоидентификация «мы - народ» очевидна. Но какое содержание вкладывали в слово «народ» французские пролетарии 30-40-х годов. Это можно определить, соотнеся значение слова «народ» с представлениями рабочих о нации и о других макрообщностях, частью которых они себя ощущали.

Чтобы смягчить разрушительные последствия механизации, один из корреспондентов «Bon Sens», рабочий-наборщик, указывал на необходимость ассоциации всех заинтересованных сторон: и хозяев, владельцев машин, и рабочих, страдавших от их распространения. Свое послание в газету он заканчивал призывом: «Пусть ассоциация способствует превращению скопища чуждых друг другу людей, что называют сейчас французской нацией (nation francaise), в подлинное французское общество (veritable societe francaise)».⁴¹ В этом письме наиболее явно выражено представление рабочих о нации как о совокупности всех классов французского общества. В значении «вся страна», «Франция» употреблено слово «нация» в письмах пролетариев Е.Нарди и Ш.Франсуа. Первый из них выражал свою полную солидарность с Конвентом, «благородным собранием, которое... презрев предрассудки, осудило на смерть короля, предавшего нацию».⁴² Второй противопоставлял славное прошлое Франции низкой политике правительства доктринеров. Он писал: «При столь посредственном короле, как Людовик XV, мы еще сохраняем свое величие. Мы создаем сеть бесчисленных дорог... и они разносят во все концы великой страны (dans toutes les partis de la grande nation) богатства и плоды просвещения»⁴³. Значения слов «нация» и «народ» не совпадали ни в одном из имевшихся в нашем распоряжении сочинений рабочих. Ни в одном из них не употребляется и понятие «tiers etat». Отсутствие в лексике рабочих термина, обозначающего трудящиеся массы и буржуазию как определенное политическое или социальное целое, свидетельствует о том, что, хотя в революции 1830 г. буржуа и пролетарии выступали союзниками, это был явно «брак поневоле» и закончился он вскоре после «трех славных дней». В 40-е же годы разрыв между этими классами еще более углубился. Народ в популистском сознании - это масса трудящегося, обездоленного люда. В письме рабочего-парижанина Деманжо под народом («народными классами» - «classes populaires») понимались бедные люди. Деманжо писал: «...необходимо объяснить народным классам, что именно они особенно должны интересоваться политическими делами... Я считаю, что политика нас касается даже больше, чем так называемого высшего класса общества; если богатые интересуются политикой всего лишь из самолюбия или корысти, то для бедных политика - вопрос жизни и смерти».⁴⁴ Рабочие, возмущавшиеся распространением в Париже газет, субсидируемых полицией, определяли народ как «самый многочисленный и самый бедный класс».⁴⁵ В другом коллективном послании под народом подразумевались прежде всего труженики мастерских.⁴⁶

Популистский тип сознания по своей структуре гораздо сложнее, чем партикуляристский. Достаточно отметить тот факт, что представление о причастности к народу не могло устранить микрогруппового «мы» по той простой причине, что микрогруппы продолжали существовать и играть огромную роль в социальной жизни пролетариев. Впрочем, эта двойная самоидентификация не несла в себе внутренней противоречивости. Изживание же партикуляристского типа сознания осуществлялось прежде всего путем разрушения свойственных

ему системы ценностей и особенностей мышления: исключительности микрогруппового «мы» традиционализма, иерархичности. В письмах рабочих в «Bon Sens» и «Reforme» контуры системы ценностей популистского сознания выступают довольно явственно. В основе ее лежат великие принципы французской буржуазной революции XVIII в.: Свобода, Равенство, Братство. Но Свобода, Равенство, Братство в понимании рабочих значительно отличались и от трактовки этих принципов в теоретических трудах идеологов буржуазии и от их интерпретации в массовом сознании самих буржуа.

Некоторые из наиболее грамотных, интеллектуально развитых работников сами отмечали эти различия. «Всегда находятся злонамеренные люди, которые хотят извратить смысл самых великих понятий, - говорил типографский рабочий на митинге в честь 14-й годовщины Июльской революции. - Вы помните все те бесчисленные несправедливости, которые пытались прикрыть словом «свобода». Во имя свободы подвергали опасности единство нации, во имя свободы личности отбрасывали социальную свободу, во имя свободы торговли и промышленности закабалили тружеников. Сколько раз эгоисты и деспоты рядились в тогу свободолюбцев!» Правда, свою «народную», «пролетарскую» свободу рабочий сумел охарактеризовать лишь очень расплывчато: свобода-это великое слово, в значении которого чудесным образом сливаются права, обязанности и достоинства человека, свобода «обеспечивает право и возможность делать свое дело, исполняя все то, что должно служить морали и нации».⁴⁷ Большинство же рабочих, вероятно, не пыталось проводить такие сравнения, какие делал типограф, участник политического митинга в Париже, и тем не менее специфичность, своеобразная «классовость» их стихийного понимания Свободы, Равенства, Братства довольно очевидна.

Условием восприятия принципов Великой буржуазной революции выступало то, что они в определенной степени отвечали глубинным интересам трудящихся масс. В глухой провинции шахтеры Рансье (деп.Арьеж) в августе 1789 г. выдвинули требование, чтобы им не препятствовали пользоваться свободой продавать руду по той цене, которая будет установлена комиссией, избранной самими шахтерами, и чтобы ни муниципалитет, ни какие-либо другие власти не вмешивались в их дела. Свое право на свободу они аргументировали тем, что «нация неустанно требует свободы, а ее представители прилагают последние усилия для ее установления».⁴⁸ Те же шахтеры Рансье, требуя отмены пошлыны с добываемой ими руды, в августе 1830 г. писали в своей петиции о недопустимости «столь тяжкого бремени... в эпоху царства свободы».⁴⁹ Рабочие городка Лувье (деп.Эр) собрались 3 сентября 1830 г. перед ратушей, громко требуя, чтобы правительство понизило цены на хлеб. Раздавались крики: «Да здравствует свобода! Да здравствует Хартия! Дайте нам хлеба!» Б том же месяце в Мон-де-Марсан (деп.Ланды) произошли серьезные беспорядки. Лозунгами их участников были: «Долой налоги! Да здравствует свобода!»⁵⁰ Явно и бедняки Мон-де-Марсана, и рабочие Лувье (крупного центра текстильной промышленности) восприняли свободу, ими, казалось, завоеванную в июле 1830 г., как отмену налогов, как улучшение их тяжкого положения. Иногда народное понимание свободы принимало раблезианские формы на манер лозунга Телемской обители: «Делай, что хочешь!» Так, возчик из Фонтенбло решил, что после Июльской революции больше не будут штрафовать кучеров, спящих в повозках на проезжей части.⁵¹ А один парижский угольщик, привлеченный к ответственности за ночной дебош в своей комнате, следующим образом оправдывался на суде: «Почему мне мешали петь и танцевать в своей же комнате? Угольщик-хозяин у себя дома. Что, уже нельзя развлекаться и в своих четырех стенах? А как же Хартия? Ладно, как только я выберусь из тюрьмы, я отправлюсь в Марокко, может, там больше свободы, а этой стране, пусть ей будет хуже!»⁵² Свобода-это право жить по-человечески - так можно суммировать представление рабочих об этом великом принципе. Но грамотные, наиболее развитые пролетарии от этого изначального, экономического и экзистенциального, понимания свободы приходили к осознанию значимости свободы политической.

Одной из характерных черт популистского сознания стал правовой эгалитаризм. В различных сферах общественной жизни рабочие боролись против проявлений дискриминации, произвола и незаконий. Рабочие с недоумением и негодованием вопрошали, почему ограничивают их прием в национальную гвардию⁵³, почему столь бесправны женщины, почему трудящиеся платят непропорционально большие налоги.⁵⁴ Останавливалось их внимание и на произволе полиции в отношении бедных цветочниц и на таких глобальных вопросах, как фактическое неравенство бедных и богатых. «При рождении и смерти равны и богач, и бедняк, граждан отличают, но не разделяют только таланты и человеческие достоинства»⁵⁵, - писал портной Л.Шаррон. Пролетарии требовали, чтобы перед лицом государства все были равны - независимо от происхождения и имущественного положения.

Тем более нетерпимым казалось рабочим популистского типа - сознания неравенство в среде самих пролетариев. В брошюре П.Моро, слесаря из Оксерра и духовного руководителя «Союза работников Тур де Франс», прямо говорилось: «Революция провозгласила равенство всех граждан, и современный человек более не может мириться со всяческими кастами... которые когда-то, возможно, и имели право на жизнь»⁵⁶ Несовместимость иерархизма с идеалами равенства не раз приводила в 20-30-е годы XIX в. к внутренним конфликтам в компаньонажах.

Раскол внутри компаньонажа «Девуар» в 1830 г., например произошел именно из-за бунта «аспирантов» против их неравноправного положения в организации. Таковы же были истоки конфликта среди столяров и каменотесов «Девуар де Либерте».⁵⁷

Принцип братства в популистском сознании играл не менее существенную роль, чем свобода и равенство. Он послужил одним из краеугольных камней своеобразной просветительской утопии, свойственной французским рабочим популистского типа сознания.

Немало строк, полных горького трагизма, посвятили пролетарии списанию своего тяжелого положения. На протяжении полугода страдая от безработицы, часовщик Ш.Беранже писал: «За эти шесть месяцев я даже отвык трудиться, но мои жена, дети, мать и я сам отнюдь не отвыкли есть».⁵⁸ Не менее мрачная картина предстает в письме плотника Менаже. «Признаюсь, - говорилось в его письме, - я частенько проклинаю наше правительство, видя жен и детей моих соседей. Особенно зимой, во время мертвого сезона, они вынуждены питаться хуже, чем каторжники, они часто болеют, так как не находится и чашки бульона. чтобы поддержать их силы».⁵⁹

Рабочие жаловались на дороговизну, на падение заработной платы, на фальсификацию продовольственных товаров. Тяжкая была жизнь, и рабочие не могли не мечтать о ее изменении. Но подобно Сен-Симону и Фурье пролетарии популистского типа сознания надеялись, что общество будет преобразовано совместными усилиями всех классов. Вера в разумность и беспристрастность людей явно ощущается в письмах многих рабочих. Так, сапожник Бросс, видимо, полагал возможным доказать богатым и знатным, что нищета народа в конечном итоге идет им только во вред. Он писал: «Так как есть люди, которые не понимают, что все интересы взаимосвязаны, и которые думают, что нищета одного способствует обогащению другого, то я постараюсь объяснить таким людям, что они совершают серьезную ошибку...» Далее Бросс развертывал свои доказательства, смысл которых сводился к тому, что «вследствие народной нищеты уменьшатся доходы домовладельцев, сократится государственный бюджет, упадет зарплата чиновников».⁶⁰

Утопическая вера части рабочих в то, что достаточно будет показать высшим классам истинную картину народных бедствий и состоятельные люди не преминут прийти на помощь бедным и униженным, сохранялась и в 40-е годы. Она вдохновляла тысячи пролетариев, поддержавших идею лидера республиканской оппозиции Ледрю-Роллена о проведении всеобщего обследования положения рабочего класса во Франции.⁶¹ Именно подобного рода иллюзии объясняют, почему некоторые рабочие столь решительно выступали против тех буржуазных публицистов, которые со страхом и горечью писали о неумолимой борьбе между Собственниками и неимущими, богатыми и бедными, буржуа и пролетариями. Обращаясь к редакции «Bon Sens», один из рабочих

корреспондентов этой газеты писал: «Все ваши усилия направлены на то, чтобы просветить класс трудящихся («classe laborieuse») и уничтожить в зародыше семена раздора, что зреют в обществе. Это святое, достойное дело. В полную противоположность вам газеты, субсидируемые полицией, похоже, имеют своей задачей раздуть разногласия и способствовать разжиганию гражданской войны. По их словам, все население разделено на два лагеря: с одной стороны-собственники, с другой - трудящиеся... и эти последние якобы угроза собственности.⁶² Написать это письмо рабочего непосредственно побудила опубликованная в официозной газете «Sens Commun» заметка некоего оптового торговца. Пролетарий расценил ее как призыв к буржуазному террору, к «воспоминаниям 93-го года».⁶³

Утопическое братство людей разных состояний в глазах популистски ориентированных рабочих выступало залогом мирного улучшения положения трудящихся классов.

Но это отнюдь не означает, что популистское сознание в XIX в. полностью лишилось революционного содержания. Дилемма - или инициатива высших классов и государства, или в самом крайнем случае, если жизнь станет совершенно невыносимой – восстание - присутствовала в сознании даже совсем невоинственно настроенных пролетариев. Очень четко она сформулирована в стихотворении лионского рабочего поэта Л.-А.Берто:

*Народ умирает от голода,
Оплатите же щедрее его неустанный труд.
Или вы хотите, чтобы пред вами в день битвы...
Вновь предстали огненные слова:
Жить работая или умереть сражаясь?*⁶⁴

В этой связи следует еще раз обратиться к пониманию пролетариями свободы. Хотя разве что единицы среди рабочих популистского типа сознания смогли бы сформулировать, что такое политическая свобода, посягательства на нее пролетарии умели разглядеть достаточно хорошо. Множество писем в «Bon Sens» содержало протесты рабочих против намерения властей создать систему фортов вокруг Парижа. «В общем-то, я считаю, следует насколько возможно сохранять то, что уже существует... Но если правительство ради того, чтобы продлить свое существование, угрожает мне полным обнищанием... мое желание продления его Дней быстро ослабевает, в конце концов во время июльской революции мой дом не поджигали, на меня никто не покушался... Я готов пожертвовать частью своей свободы ради спокойствия, но пусть по крайней мере оставшаяся свобода мне будет гарантирована. Но смогу ли я считать себя хоть немного свободным, видя из своего дома эту цепь крепостей?»⁶⁵ Так в одном из писем выражено недовольство рабочего перспективой увидеть столицу, окруженную «бастилиями». Этот протест исходит от мирного, говоря современным языком, конформистски настроенного человека. Тем важнее это свидетельство. В других письмах рабочие гораздо энергичнее возмущались этим планом правительства. Какова же связь между свободой и фортификационными работами? У рабочих не вызывало сомнений предназначение крепостей - подавлять огнем артиллерии любую попытку народного восстания в Париже, сделать невозможной новую революцию, т.е. рабочие осознавали, что угроза новой революции является гарантом их свободы, возможности бороться мирными средствами за человеческое существование; в то же время революция, восстание-это их крайнее и последнее средство защиты (в том числе и защиты свободы в ее первом, экономическом значении).

Важным компонентом становления популистского типа сознания являлось освобождение рабочих от иррационализма. Этот процесс был очень сложным и длительным. Свое выражение он, в частности, находил в отходе рабочих от традиционализма и в стремлении приобрести положительные, научные знания. В 30-40-е годы XIX в. тяга к просвещению среди городских рабочих была огромной. О необходимости образования для народа и о боязни высших классов обеспечить возможность для получения его с едким сарказмом писал рабочий-часовщик Ш.Беранже, обращаясь к палате депутатов.⁶⁶ В письмах можно найти и личные пожелания рабочих посещать бесплатные курсы или получать

профессиональное или общее образование и вполне осознанное стремление к повышению интеллектуального уровня всего народа или особо пролетариев. Более 20% корреспондентов «Bon Sens» писали о вопросах просвещения, отмечали необходимость улучшения школ взаимного обучения, требовали заменить религиозное образование светским, расширить систему учебных заведений для женщин, а главное - сделать образование общедоступным, всенародным.

Многие грамотные рабочие были скептически настроены к проявлениям мистицизма. С интересом следя за теоретической деятельностью сенсимонистов, они осуждали их доктрину за мистицизм и теологию. Рабочий-скульптор Стурм писал о сенсимонистах: «Что касается этой секты и ее членов, пусть они испытывают склонность к мистицизму... пусть они совершают ошибки в области философии, не осмивайте их, предоставьте общественному мнению заботу о вынесении справедливого суждения - они сами вскоре поймут, что если мы можем испытывать влияние новой морали, то принятие новых догм для нас невозможно: наша вера уже не столь сильна».⁶⁷ Рабочие выступали против религиозного фанатизма, нетерпимости, обскурантизма. В их суждениях чаще слышался голос разума, чем предрассудков.

2. ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ КЛАССОВОГО СОЗНАНИЯ СТАНОВЛЕНИЕ КЛАССОВОГО ВИДЕНИЯ ОБЩЕСТВА

В своей повседневной практике народные массы почти неуловимым образом отмечают появление новых социально-экономических феноменов и дают им названия. Происходит постоянная эволюция языка и соответственно мышления. Утверждение каждого нового слова в народном сознании - факт, относящийся в равной мере к истории языка и истории социальной психологии данного народа.

Развитие рабочего сознания шло по пути усложнения его структуры и тем самым уточнения представления пролетариев о месте и роли их класса в обществе. Постепенно наряду с традиционным микрогрупповым «мы», наряду с «мы» популистского сознания начинает формироваться представление о такой общности, как «рабочие», «рабочий класс».⁶⁸

Уже в 30-е годы общее самоназвание «рабочие» («ouvriers») было очень широко распространено и не несло в себе разночтений. Приблизительно 45 % авторов писем в «Bon Sens», завершая свое послание в газету, рядом с подписью написали простое, но, видимо, очень значимое для них слово «рабочий» («ouvrier»). Некоторые употребили это слово, не называя своей профессии, другие написали: рабочий-ювелир, рабочий-столяр, рабочий-механик. Иногда встречается подпись «пролетарий» (в 9 случаях). Подмастерьем не называл себя почти никто, хотя среди авторов писем много столяров, плотников, камнетесов, которые традиционно звались подмастерьями. Ни в одном из писем при самоидентификации не встречается слово «санкюлот». О том, что к 30-м годам XIX в. в среде французского пролетариата наиболее распространенным самоназванием стало слово «рабочий», свидетельствуют не только подписи под письмами в «Bon Sens», но и петиция ткачей Парижа министру торговли и общественных работ, устав Общества позолотчиков, брошюры, песни, памфлеты, написанные рабочими.⁶⁹

Принятие рабочими общего самоназвания говорит о наличии у них психологической потребности вычленив себя из общей массы простого народа. Это была первичная ступень формирования коллективного самосознания пролетариев - «мы» низшего порядка.

Попытаемся выяснить границы этого самосознания. Не будем останавливаться на отношении рабочих к высшим классам: дворянству, крупной и средней буржуазии. Эта часть общества слишком явно находилась вне мира пролетариев. Проанализируем отношение рабочих к относительно близким к ним классам и социальным группам, которые в совокупности могут быть обозначены как трудящиеся, т.е. к крестьянству, служащим, мелкой городской буржуазии.

В среде потомственных рабочих иногда наблюдалось несколько пренебрежительное отношение к земледельцам. В документ относящемся к несколько более ранней эпохе - годам Реставрации, - отмечалось, что в Тьере рабочие бумажной мануфактуры взимали в свою пользу с учеников-выходцев не из среды рабочего класса, которых они называли деревенщиной, 150 ливров в год как бы в качестве платы за науку. Подобная же практика была распространена среди кузнецов, формовщиков, шляпников, ситцепечатников, точильщиков и др.⁷⁰

Всего лишь в трех из писем, опубликованных в «Bon Sens», говорится о крестьянстве. Член компаньонажа, столярный подмастерье Лоран в своем письме сетовал, что редакция газеты ничего не предпринимает для пропаганды идеи Фурье и их реализации. Лоран призывал немедленно начать сбор средств для создания пробного фаланстера. «Созданная затем всеобщая ассоциация, - считал Лоран, - улучшит положение не только рабочего, которое, несмотря на всю бедность, все-таки лучше, чем положение наших родителей, которые не имели средств, чтобы обучиться ремеслу, а потому занимаются землепашеством. Они намного хуже питаются, у них хуже жилища, а работа их гораздо тяжелее, чем у самых последних рабочих в городе».⁷¹ Если Лоран мечтал о полном преобразовании жизни крестьян и рабочих, то уроженец Неля, маленького городка в центре Пикардии, портной Ф.Бернар ратовал за частные, но тем не менее очень важные улучшения. Он обращался к правительству с призывом кардинальным образом изменить систему образования в деревне.⁷² Другой рабочий, Бреняр, в своем письме критиковал члена палаты депутатов генерала Демарсе, которого ранее считал защитником народных интересов. Бреняр был удивлен, что во время обсуждения закона о торговле зерном Демарсе занимали лишь интересы крупных собственников, а не среднего и бедных классов. Рабочий выражал надежду, что «в скором времени он (генерал Демарсе. - Е.К.) предоставит рабочим, крестьянам и другим бедным людям случай аплодировать ему».⁷³

В рассмотренных нами примерах своеобразно преломилось свойственное различным типам сознания отношение к крестьянству. Для партикуляристского сознания упомянутых рабочих бумажной мануфактуры города Тьера была свойственна отчужденность от всего, что находилось за рамками их цеховой общности. У корреспондентов же «Bon Sens» намечалось уже классовое видение общества. Они ощущали определенное единство со всеми бедными классами, но отнюдь не отождествляли их полностью.

Наиболее однозначным было отношение рабочих к служащим. Бремя от времени сталкиваясь с этой категорией наемных работников в судах, муниципалитетах, нотариальных конторах, где сами они чаще всего выступали в роли обвиняемых, просителей или клиентов низшего порядка, рабочие сохраняли тягостные воспоминания как о длительных, непонятных и уже в силу этого унижительных процедурах, так и об обращении с ними конторских работников. Служащие подчеркивали свое более высокое общественное положение. Женщина-работница писала в «Bon Sens»: «В конторах служащие принимают посетителей в зависимости от того, как они одеты, как будто душа человека находится в его сюртуке».⁷⁴ Но рабочие отнюдь не склонны были признавать справедливость подобного отношения. Наоборот, грамотные, квалифицированные рабочие гордились своей принадлежностью к пролетариату. Парижанин, рабочий-механик Ж.Боном писал о себе с гордостью: «Я не осведомитель, даже не полицейский, короче - я просто человек из народа, пролетарий, как сейчас говорят... Я предпочитаю оставаться тем, кто я есть, ни от кого не зависеть, думать так, как мне хочется, и открыто излагать свое мнение».⁷⁵

Служащие в глазах пролетариев выступали как представители учреждений не только бесполезных, но и вредных для рабочего класса, а за свою работу они получали вознаграждение более регулярное и более высокое, чем рабочие. Рабочий Бреняр сетовал по этому поводу: «Служащие всегда получают один и тот же оклад вне зависимости от того, мало или много они работают».⁷⁶ Чтобы устранить эту несправедливость, один парижский портной предлагал части чиновников государственного аппарата вообще прекратить выплату заработной платы.⁷⁷ Столяр-подмастерье из предместья Сен-Мартен разработал целую систему мер, призванных улучшить экономическое положение рабочих Парижа. Для этого, считал он, необходимо уменьшить таможенные пошлины, а чтобы сокращение доходов города не отразилось опять же на участи рабочих, сократить число бесполезных служащих, а неуволненных заставить работать не меньше, чем рабочие: с 6 часов утра до 8 часов вечера.⁷⁸ Приведенные данные позволяют предположить, что служащие представлялись рабочим совершенно чуждой их интересам социальной группой.

Сложнее определить отношение рабочих к мелкой городской буржуазии. Некоторые слои ее по внешним, второстепенным признакам почти не отличались от рабочих; границы этого класса всегда были очень подвижны и размыты. Если рабочему удавалось накопить небольшую сумму денег, то часто он сам пытался стать именно таким мелким буржуа. Наличие различных форм субподряда в среде рабочего класса в значительной степени усложняло осознание пролетариями отличий своего класса от мелкой буржуазии. К тому же существовала довольно значительная прослойка независимых ремесленников, обходившихся без найма рабочей силы. Все это не могло не оставить следа в сознании рабочих, а следовательно, и в их языке. Так, Блеве, поставивший рядом с подписью под письмом в «Bon Sens» слово «рабочий», начинал свое послание следующим образом: «Я как человек из народа, ремесленник...»⁷⁹ Подобный же тип самоидентификации встречается в ряде других писем.

Для рабочих писем и песен того времени характерно было синонимическое употребление терминов «рабочий» и «ремесленник». При этом заслуживает быть отмеченным, что низшие слои ремесленников сплошь и рядом именовали себя рабочими.⁸⁰ Это, конечно, не означает, что и хозяева мастерских, которые по формальным признакам являлись ремесленниками, также причислялись к рабочему классу. Однако источники не дают ответа на вопрос, где проходила, с точки зрения рабочих, грань между просто ремесленником (*artisan*) и ремесленником-хозяином мастерской (*maitre de l'atelier*).

В ремесле в отличие от крупного капиталистического производства экономические отношения хозяина и работника всегда облечены в причудливую, всякий раз особую, неповторимую форму личных отношений человека с человеком. Когда непосредственно физическим трудом заняты и хозяин, и наемные работники, эта «внешняя» форма играет особенно большую роль. Тем более, что даже с последовательно экономической точки зрения во Франции первой половины XIX в. прослеживается наряду с торжествующим капитализмом еще не окончательно поглощенный и интегрированный мелкотоварный уклад. Ремесло, особенно вдали от центров капиталистического предпринимательства, тяготело к архаичным методам производства и сбыта, некоторые люди пытались противопоставить погоне за чистоганом верность моральным принципам.⁸¹ Экономическая патриархальность позволяла сохраняться и патриархальности во взаимоотношениях между нанимателем и работником. Дух «моральной экономики»: единство хозяина и рабочего как производителей, соседей и просто людей (считавших себя чаще всего католиками, т.е. признававших нормы христианской этики) - проникал и в эпицентры капитализма.

Тем не менее обратим внимание на следующий факт. Столярный подмастерье А.Пердигье был противником классовой борьбы пролетариата, осуждал стачки, в своих многочисленных работах никогда не называл хозяев эксплуататорами, и все же из его воспоминаний можно довольно определенно заключить, что между рабочими и нанимателем, хозяином даже совсем небольшой ремесленной мастерской, всегда сохранялась определенная дистанция. Буржуа (так ремесленные рабочие в глаза и за глаза в начале XIX в. называли своего хозяина) мог быть плохим или хорошим, лодырем или отличным работником, скупердеем или относительно щедрым - в любом случае к «своим» рабочие его не причисляли.

Не менее сложными, чем с хозяевами мастерских, были отношения рабочих с мелкими лавочниками, владельцами кабачков и таверен. В одном из писем в «Bon Sens» рабочий-механик из Сент-Антуанского предместья выступал против монополии парижских булочников на торговлю хлебом. Он возмущался тем, что торговцы, злоупотребляя своим привилегированным положением, наживались нечестным путем за счет пролетариев.⁸²

О напряженных отношениях между рабочими и лавочниками свидетельствует и небольшой инцидент, происшедший летом 1845 г. в Париже. Маленький мальчик взял несколько черносливин из корзинки, выставленной у дверей лавочки. Хозяин магазина поймал ребенка и в наказание за «преступление» запер его в темный подвал. Мальчик сперва тихо плакал, но так как его заключение длилось почти целый день, то он начал громко кричать. Прохожие останавливались, узнавали в чем дело (маленькое окошко из подвала выходило на улицу), но никто не вмешивался вплоть до того часа, когда после окончания трудового дня домой повалили рабочие. Возмущенные работники попытались взломать дверь бакалейщика. Характерно, что при этом все окрестные лавочники тоже закрыли свои магазины: они испугались возможного бунта. Спокойствие было восстановлено с помощью полиции.⁸³ С ядовитым сарказмом писал о бакалейщиках Венсар-старший, обращаясь к бедноте:

*Когда Беллона вас призовет
В отряды пехтуры,
Пыла не видно, предпочитаете вы
Растить капусту, тачать штаны!
Слабо вам следовать гордым путем
Детей бакалейщиков, что без ропоту
Смело идут к офицерским чинам,
Купленным к нужному сроку.⁸⁴*

Довольно многочисленные в первой половине XIX в. продовольственные волнения, в которых активнейшее участие принимали рабочие, были направлены в значительной степени против лавочников, особенно против бакалейщиков и владельцев булочных.⁸⁵ Подчас некоторые сцены, разыгрывавшиеся на улицах французских городов в 30-40-е годы XIX в., поразительно напоминали сцены времен Великой буржуазной революции.

В Париже 30 сентября 1846 г. с беспокойством ожидали предстоявшее на следующий день повышение цен на хлеб. Чтобы сэкономить несколько су, многие бедные семьи закупили побольше. В Сент-Антуанском предместье столь бойкая торговля позволила булочникам закрыть свои заведения раньше обычного, и рабочие, возвращаясь домой после трудового дня, наткнулись на запертые двери, хлеб купить было негде. В нескольких местах собрались возмущенные толпы рабочих: говорили о скупщиках, об угрозе голода, страсти накалялись. Дверь одной из булочных взломали... Лишь вмешательство полиции предотвратило назревавший бунт.⁸⁶

Стремление если не по достатку, то хотя бы по образу и стилю жизни считаться принадлежащим к более высокому классу, чем на самом деле, было уже в немалой степени распространено среди мелких хозяев первой половины XIX в. Желание прыгнуть выше своих возможностей побуждало одних к мелочной скаредности, других к мошенническим проделкам⁸⁷; основными жертвами при этом оказывались зависимые от буржуа рабочие.

В газетах того времени частенько появлялись сентиментальные истории, которые раздражают своей мещанской душещипательностью до тех пор, пока не поймешь и не представишь страшную драму маленького человека, отданного на каждодневное поругание типов наподобие хозяев таверны господ Тенардье из романа В.Гюго «Отверженные».

Мелкие буржуа осознанно и неосознанно подражали крупным, но при этом ни один лавочник или ремесленник никогда не мог избавиться от ненависти, густо настоенной на зависти, по отношению к более удачливому классу капиталистов, буржуа в полном смысле этого слова. Мелкий хозяйчик не устал обличать состоятельных людей в безнравственности: это был для него основной пункт обвинения капитала. В своей среде он следовал (или делал вид, что следует) правилам морали, вопрос же о том, что нормы нравственности следует соблюдать и в отношениях с рабочими и прислугой, в мозгу истинного буржуа, не отягощенного предрассудками патриархальщины, вставал не часто. Мелкий хозяйчик старался всеми силами подчеркнуть свое отличие от «низших классов», а это требовало средств. Он залезал в долги, по крохам обсчитывал работавших у него по найму. В «Истории Бордо» рассказывается о таком человеке. В 1831 г умер известный в городе мраморщик, владелец дома и мастерской, вполне приличный гражданин с умеренным, но, как казалось, стабильным достатком. После его смерти выяснилось, что он задолжал своим немногочисленным рабочим 565 франков, а его часы и столовое серебро заложены в ломбарде⁸⁸. Презрением и ненавистью расплачивались рабочие с подобными «отцами-благодетелями».

В то же время к отдельным лавочникам и трактирщикам рабочие питали вполне братские чувства, ведь именно из числа этой категории лиц выбирались «матери» и «отцы» компаньонажей, у них же обычно хранились фонды рабочих обществ взаимопомощи, в их помещениях происходили часто тайные собрания этих организаций. Но в целом мелких хозяйчиков как социальную группу рабочие отделяли от своего класса. Экономические противоречия между лавочниками и покупателями (последние были часто должниками первых) оказывались в итоге доминирующим фактором. Даже утопически предлагая привести к полному согласию интересы мелких буржуа и рабочих, как это делал в своем письме в «Bon Sens» часовщик Ш.Беранже⁸⁹, пролетарии говорили о торговцах, как об особой группе. Более того, хотя диапазон взаимоотношений между мелкими буржуа к рабочими был очень широк и выводить среднюю этих взаимоотношений чрезвычайно трудно, все же с довольно большой уверенностью можно сказать, что отчужденность между этими социальными группами на протяжении первой половины XIX в. возрастала.

Итак, можно констатировать, что у французских рабочих в 30-40-е годы XIX в. было определенное осознание специфики своего положения. Они довольно четко отделяли близкие и даже родственные в некоторых социально-экономических аспектах группы от собственно пролетарской массы. Представление о существовании рабочего класса как особой общности было устойчивым в сознании уже довольно многих пролетариев. Употреблялось ими и само сочетание слов «рабочий класс». В одном из писем пролетариев в газету говорилось: «С точки зрения влияния на судьбы рабочего класса (classe ouvriere) значительную серьезность представляет вопрос о внедрении машин...»⁹⁰ Проспект газеты «Artisan, journal de classe ouvriere» гласил: «Безусловно, самый многочисленный и самый полезный класс общества - это класс рабочих. Без него капиталы не представляют никакой ценности, без него нет машин, нет промышленности, нет торговли... Он живет в нищете и рабстве, не замечая этого, испытывая все виды унижений от тех, кому он создает состояние».⁹¹

Не менее существенным моментом в процессе становления классового сознания пролетариата являлось постепенное формирование у рабочих понимания основных характерных черт противостоящего класса.

Борьба с хозяином по вопросам заработной платы, длительности рабочего дня, условий труда была явлением более чем очевидным. Соответственно не только в начале XIX в., но и в эпоху «старого режима» в сознании рабочих, ориентированных партикуляристски либо популистски, не могло не существовать представление об определенных враждебных социальных силах. Но имелись отличия в образе этих сил, свойственном для классового, популистского и партикуляристского типов сознания. Видимо, наиболее характерным для популистского и партикуляристского типов сознания являлось представление о личностной основе производственных отношений между хозяином и работником. Совместный труд, проживание под одной крышей, приблизительно одинаковые культурные интересы и развлечения служили реальной базой для подобного представления. Например, в эпоху Реставрации еще справлялись ежегодные осенние праздники ремесленных корпораций, в которых принимали совместное участие хозяева и их подмастерья.⁹² Сведений об этих праздниках в годы Июльской монархии нам уже не удалось обнаружить. В условиях узкого рынка труда патрон дорожил своими квалифицированными работниками и неизбежные конфликты старался уладить таким образом, чтобы не растерять ценную рабочую силу. Иногда даже переводя предприятие из одной местности в другую, хозяин старался перевести на новое место и своих рабочих. Именно так поступил в середине XVIII в. известный мануфактурист Оберкампф, вывезший из Швейцарии во Францию не только оборудование, но и ситцепечатников. Впоследствии, как доказали современные французские историки, Оберкампф подчас платил наиболее квалифицированным рабочим, фактически не используя их (из конъюнктурных соображений он частично свертывал производство), так как это казалось ему более предпочтительным, чем позволить уйти специалистам с редкой квалификацией к другому предпринимателю.⁹³ Тем не менее силу антагонизма между рабочими и хозяевами и в эпоху «старого режима» не следует преуменьшать. Правда, этот антагонизм являлся как бы «семейным» и проявлялся скорее спорадически, чем постоянно.

Пережитки подобной патриархальности в классовых отношениях были очень живучи и в 30-40-е годы XIX в. Особенно они были свойственны рабочим, занятым на небольших предприятиях. Пролетариям казалось, что путем соглашений и создания каких-либо совместных с предпринимателями органов можно будет восстановить разваливавшиеся «человеческие» отношения. Именно по этому пути некоторое время шли парижские печатники. В 1842 г. они договорились с хозяевами о внедрении единого тарифа, тогда же была создана комиссия для улаживания всех споров, касавшихся оплаты труда. Комиссия состояла из равного количества рабочих и хозяев. Каждый год в сентябре обе стороны соглашения принимали участие в банкете, собиравшем не менее 700-800 человек для празднования «счастливых» установлений 1842 г.⁹⁴

Часто при характеристике предпринимателей работники подразделяли их прежде всего на хороших и плохих. Печатник Ж.-Ф.Барро в брошюре «Суждения пролетария» (1833) мастерски разгромил Б.Эне, главного редактора «*Journal de Debats*», за его злостные выпады против рабочего класса. В то же время в своей критике Барро опирался на мнения «хороших» буржуа. Он так и писал: «Множество мануфактуристов и хозяев мастерских, находясь со своими рабочими, считают, что они среди друзей; когда некоторым из них мы показали ваше (Б.Эне. - Е.К.) макиавеллевское писание, со справедливым возмущением они отбросили его...»⁹⁵ Эне казался печатнику тем более зловредной фигурой, что он пытался «вливать в сердца собственников ту злобу, которой была переполнена его собственная душа, и разжечь ненависть к пролетариям среди всех тех, кто хоть чем-нибудь владел».⁹⁶ «Что выиграет общество от того, что трудящееся большинство будет вечно являться жертвой тунеядствующего и корыстного меньшинства?» - вопрошал один из руководителей стачки парижских

портных Гриньон.⁹⁷ Подобно тому как в социалистических учениях той поры морально-этическая характеристика капиталистов преобладала над политико-экономической, так и среди самих рабочих, независимо от того, были они знакомы с идеями утопического социализма или нет, большое распространение имел морально-этический подход к буржуазии.

И тем не менее противоположность прежде всего экономических интересов буржуа и пролетариев именно как двух различных классов постепенно осознавалась рабочими. Происходило постепенное избавление от иллюзий. Горечью несбывшихся надежд еще полны первые трезвые, реалистические выводы, подобные тому, к которому пришел рабочий типограф О.Колен. Он писал: «Мы живем без особых претензий, желаем добиться счастья только своим трудом, но мы воображали, что являемся предметом забот богатых капиталистов, крупных предпринимателей, которых обогащают наши руки; но не о нас они думают, их заботят лишь продукты нашего труда; если б они могли обойтись без нас, для них мы тотчас же стали бы столь же презренными созданиями, что и для "благородного сословия"».⁹⁸

В материалах, относящихся к 40-м годам XIX в., гораздо чаще, чем в источниках 30-х годов, содержатся высказывания рабочих о классе капиталистов. Кстати, само слово «капиталисты» получило широкое распространение именно в 40-е годы. Постепенно в сознании пролетариев представление о враждебной социальной группе («они») приобретало общенациональный масштаб. Становилась более резкой и сама характеристика буржуазии. Шахтер из Анзенских копей писал в «Atelier»: «Эти несчастные рабочие проводят большую часть своей жизни под землей, добывая уголь и тем самым обогащая множество бессердечных капиталистов, которые постыдным образом наживаются за счет заработной платы рабочих...»⁹⁹ Откровенной ненавистью пронизан образ буржуа в некоторых песнях пролетарских шансонье.

На хозяев своих

Скупых

И злых

Мы полжизни кладем

И у мира крадем

Себя самих.

Будем пить, друзья, нам нельзя трезветь:

*Каждый день труда приближает смерть*¹⁰⁰, -

писал Ш.Жилль, вспоминая о днях, проведенных им на фабрике свинцовых белил, где воздух был настолько пропитан вредными испарениями, что работник очень скоро оказывался перед выбором: или бросать работу и голодать, или умереть от отравления.

В апреле 1846 г. предприниматели Парижа решили учредить жюри для поощрения особо примерных рабочих. «Reforme» и рабочие газеты «L'Atelier» и «Union» первоначально поддержали эту патерналистскую идею, но вскоре в их редакции стали приходить письма с протестами рабочих. Так, в письме рабочих-литейщиков меди, под которым стояло 200 подписей, ясно выражалось недоверие к этой затее предпринимателей.¹⁰¹ Утопические или патерналистские проекты «ассоциации труда и капитала» среди части пролетариев встречались с законным скептицизмом. Высказывались идеи о полной невозможности сотрудничества с буржуазией. В 1845 г. группа рабочих пыталась создать широкую производственную ассоциацию («Compagnie des Industries Unies»). Их план не удался, но характерны те цели, которые ставили перед собой эти рабочие. Они собирались наладить производство, не прибегая к помощи ни предпринимателей, ни коммерсантов. Объединенные рабочие должны были на свой страх и риск производить изделия, заниматься поисками сырья и сбытом готовой продукции. Их отношение к капиталистам было очень четко сформулировано в проекте устава предполагавшейся ассоциации: «Интересы хозяина находятся в фатальном противоречии с интересами рабочего... поэтому он будет заменен обществом акционеров, которые из своей среды изберут управляющих». Каждый акционер должен был обязательно участвовать лично в производственном труде.¹⁰²

Классовое сознание является сложным духовным феноменом, Было бы более чем наивно предполагать, что его становление осуществляется с одинаковой скоростью в сознании всех пролетариев. Рождаются и получают распространение первоначально те структурные элементы классового сознания, которые как бы навязываются индивидам самими условиями их жизни. В сознании людей, а тем более массы людей легче всего закрепляются те представления, для усвоения которых не требуется сложной умственной деятельности.

Из элементов классового сознания наибольшей очевидностью отличается представление о том, что общество состоит из двух частей: «мы - рабочие, они - фабриканты, капиталисты, эксплуататоры». Именно поэтому процесс формирования этого представления и получил наиболее всеобщий характер. В той или иной степени подобное видение общества было свойственно огромному множеству работников французской промышленности. Помимо уже приведенных выше доказательств это подтверждается самим характером, а также многообразием причин; обусловивших возникновение и распространение данного воззрения.

* * *

Глубокое и всестороннее воздействие на сознание рабочих оказала промышленная революция. Партикуляризм мышления является естественной формой отражения партикуляризма общественной жизни. Промышленная революция уничтожала всевозможные перегородки и разграничения. Недостаточно было законодательным путем ликвидировать цехи, надо было уничтожить саму почву их существования. Это приносила только промышленная революция.

Менялись взаимоотношения между рабочими и хозяином. В эпоху промышленного переворота рабочий все чаще сталкивался уже не с человеком, который мог быть плохим или хорошим, скупым или щедрым, а с персонифицированным проявлением неумолимого закона капиталистической конкуренции. По мере развития капитализма для предпринимателя возможность проявления его человеческой сущности в сфере производства и рыночных отношений неудержимо сокращалась. Отчуждение личности становилось всеобщим явлением. Утверждалось функциональное мировоззрение, роль подчиняла человека, диктовала свои нормы. Жестокость и бесчеловечность принимали облик рациональности. «Рабочие фабрики, состав которых все время меняется, кажутся предпринимателю безликой массой; для него это не люди, а человекоединицы, живые машины, менее послушные и не такие надежные, как настоящие» писал французский историк Ж.Мишле, воочию наблюдавший осуществление промышленной революции во Франции.

В 1836 г. в Лилле - городе, где, по оценке Э.Бюре, существование пролетариев было самым нищенским во всей Франции, - крупный предприниматель Мимерель писал: «Участь рабочих плохой не назовешь, их труд не чрезмерен, так как рабочий день длится не более 13 часов. Кому надо жаловаться на судьбу, так это мануфактуристам, которые получают сейчас малые прибыли».¹⁰⁴ Автор этих строк просто не понимал их вопиющего цинизма, так как он полностью «абстрагировался» от каких-либо гуманистических ценностей. Чаще всего подобное «абстрагирование» предпринимателей длилось на протяжении всей их жизни.

Несоблюдение законов конкуренции автоматически жестоко каралось. В одном из номеров «Gazette des Tribunaux» за 1835 г. сообщалось, что на предприятии по выплавке цинка и меди в Бове был уволен директор за излишне мягкое отношение к рабочим. Рабочие потребовали отмены этого решения и объявили забастовку. Добиться желаемого им не удалось, наоборот, бывший директор, обвиненный в том, что способствовал организации коалиции рабочих, был приговорен судом к тюремному заключению.¹⁰⁵

Эпоха, когда обиженный на скупость и мелочные придирки хозяина подмастерье брал расчет и уходил полный уверенности, что работу он везде найдет, отступала в прошлое. Унифицировались и хозяева, и рынок труда. И более всего этому способствовала механизация производства.

По мере того как повсеместно стали рассыпаться патриархальные, «человеческие» отношения между хозяевами и их работниками, у последних стало складываться представление не о противостоящих им «плохих» хозяевах, а уже о классе капиталистов. Практика экономической борьбы учила рабочих понимать сущность явлений. «Рабочие, страдающие от внедрения машин, отрицают, что механизация - это благодеяние для общества; владельцы станков отрицают другую истину, что механизация обрекает на нищету множество остающихся без работы печатников...» - четко заключал наборщик Паран.¹⁰⁶ Парижские ткачи писали в петиции министру торговли и общественных работ:

«В Париже на протяжении последних лет значительно возросла выделка кашемировых, шелковых, шерстяных и хлопчатобумажных тканей, так что теперь этот город в определенной мере может рассматриваться как важный центр производства подобной продукции. В этой отрасли занято значительное число рабочих, и численность их должна еще возрасти, но вследствие конкуренции, которую развязали между собой фабриканты, цены на рабочую силу ужасно упали; последнее время зарплаты не хватает для удовлетворения самых элементарных потребностей рабочих...»¹⁰⁷

В этих двух документах пролетарии очень здраво, со строго экономической точки зрения судят о предпринимателях своих отраслей промышленности. Представления о классе капиталистов в целом еще нет. Оно еще только складывается. И тем не менее пусть пока общественный кругозор рабочих был ограничен рамками профессии или отрасли, в их текстах иногда явно отражалась одна из тенденций становления классового сознания, которому свойственно отнюдь не морально-этическое, а политико-экономическое видение общества.

Немаловажное значение для складывания представления «мы - рабочие» имел специфический юридический статус большинства работников крупной промышленности и ремесленного производства. В конце XVIII-первой половины XIX в.¹⁰⁸ каждый промышленный рабочий обязан был иметь особую книжку, в которой отмечалось имя, описание его внешности и место работы. При переходе с одного предприятия на другое хозяин подписывал книжку, без его подписи, а тем более без книжки рабочий не мог быть вновь нанят на работу. Кроме предпринимателей, книжку визиновали также полицейские чины. Хозяева имели право записывать в нее долги, оставшиеся за рабочим, так что на новом месте из зарплаты работника вычитались причитавшиеся старому хозяину суммы.¹⁰⁹ С помощью книжки и системы долгов предприниматель мог привязать к себе рабочего на долгие годы. Хотя не все драконовские постановления о рабочих книжках строго соблюдались, дискриминация в отношении пролетариев была очень явной. Ни крестьян, ни независимых ремесленников постановления о рабочих книжках не касались. Рабочая книжка, предоставляла обширное поле для проявления хозяйского произвола: так, вполне можно было выгнать рабочего с предприятия и не подписать ему при этом книжки, лишив его тем самым работы не только в настоящем, но и в будущем.¹¹⁰

В целом рабочая книжка как бы выделяла промышленных пролетариев из общей массы лиц, занимавшихся ручным трудом.

Сформированность и широкое распространение представления «мы - рабочие» свидетельствует о том, что французский пролетариат 30-40-х годов XIX в. достиг (по терминологии Г.Г.Дилигенского¹¹¹) идентификационного уровня общности. Но появление макрогруппы, столь высокого уровня общности, обуславливается факторами не только экономического и юридического порядка. Признание массой индивидов причастности их «я» к определенному классу общества (в условиях довольно значительной по сравнению с докапиталистическими формациями социальной мобильности) - феномен, рождению которого предшествовало определенное социально-психологическое развитие членов данной макрогруппы. Дилигенский предполагает, что в историческом и логическом плане идентификационному уровню общности должен предшествовать уровень типологической, который определяется тем, что члены данной макрогруппы «имеют общие один или несколько социально-психологических признаков, но группа не выступает как некое социально-психологическое единство, она представляет собой, так сказать,

арифметическую сумму индивидов или первичных групп, объединение которых не создает никакого нового социально-психологического качества».¹¹² Вопрос о специфике типологических признаков пролетарской психологии имеет большое самостоятельное значение и по существу является вопросом о специфике классовой психологии пролетариата. Не предпринимая специального анализа, отметим лишь два наиболее очевидных момента, характерных для психологии французских рабочих 30-40-х годов XIX в.

В наиболее полной монографии о забастовочном движении периода Июльской монархии рассматриваются 382 стачки; 40% из них носили наступательный характер:¹¹³ пролетарии требовали увеличения заработной платы, сокращения рабочего дня.

Наступательный характер стачек рабочих - факт заурядный. Но сравним данный «заурядный факт» с крестьянским движением того же периода истории Франции. Подавляющее большинство требований, выдвинутых крестьянами в ходе довольно многочисленных волнений, носило или оборонительный (против введения новых налогов, против фискальных переписей), или консервативный (отстаивание различных сервитутов, общинных прав на землю, пастбища) характер.¹¹⁴ Стремление добиться увеличения заработной платы, сокращения рабочего дня свидетельствовало о росте потребностей пролетариата. Именно растущие потребности и готовность к коллективной борьбе ради их реализации отличали психологию пролетариев уже в 30-40-е годы XIX в. Крестьянскому населению, включенному в гораздо меньшей степени в систему капиталистических отношений, был свойствен лишь очень медленный, почти незаметный рост потребностей, отнюдь не мотивировавший их классовой борьбы. С другой стороны, парцелла способствовала развитию упрямого крестьянского индивидуализма.

Расширенное воспроизводство неизбежно порождает и расширенное потребление - так в самом общем виде можно объяснить рост потребностей пролетариата. При конкретно-историческом же рассмотрении оказывается, что рабочие, выдвигая, например, требование повышения заработной платы, ссылаются на то, что в какой-либо другой местности за тот же труд кто-то получает больше или что рабочие другой специальности, выполняющие работу приблизительно равной с ними сложности, имеют заработную плату выше. Так, когда в сентябре 1845 г. забастовали плотники Сент-Этьена, они добивались того, чтобы им платили столько же, сколько их товарищам в Лионе. В сентябре следующего года руанские кровельщики аргументировали свое требование повышения заработной платы тем, что каменщики получали больше их - 3 франка в день.¹¹⁵

По мере того как стачки становились все более частым, обычным явлением в жизни французских рабочих, вырабатывался и получал широкое распространение определенный стереотип поведения стачечника. Контуров этого стереотипа очень четко вырисовываются в диалоге, состоявшемся на процессе по делу о стачке 1844 г. в Рив-де-Жье. Рабочий рассказывал: «20 апреля, как обычно, я шел со своим товарищем Раулем на шахту Шато, тут мы встретили нескольких рабочих, которые сказали, чтобы мы не шли работать. - И вы повернули назад? - спросил председатель суда. - Да, месье. - Но почему? - Нам же сказали... - Вы, наверное, испугались? - Нет, месье. - Вам не угрожали? - Нет. - Что же, первый встречный вам скажет не идти работать и вы ему подчинитесь? - Нет, месье. - А сейчас вы работаете? - Нет, месье. - Почему? Вам угрожают? - Нет, месье. - Так почему же тогда, еще раз спрашиваю, вы не работаете? - Я не могу работать без остальных. - Но вы знаете, что многие рабочие уже возобновили работу и что их охраняют от тех, кто хотел бы им помешать. Значит, вы остаетесь дома по собственной воле? - Да, месье, я не хочу работать без остальных...»¹¹⁶ Так думал и говорил отнюдь не руководитель, а рядовой участник стачки, который был на процессе не обвиняемым, а свидетелем. Если судить только по его ответам на суде, то этот рабочий даже не очень ясно представлял цель стачки, но он понимал, как он должен был себя вести, если забастовали его товарищи. Отличительные черты стереотипа поведения забастовщика налицо: это подчинение коллективной воле, верность по отношению к товарищам, внутригрупповая дисциплинированность, активность при достижении коллективных целей.

Насколько принятие этого стереотипа было императивным, свидетельствуют многочисленные факты насилия работников по отношению к их товарищам, не соблюдавшим неписаный кодекс стачечника - прежде всего принцип подчинения личных интересов интересам коллективным. Единство - вот единственное оружие, которое могли противопоставить своим угнетателям рабочие 30-40-х годов. В рамках стачечных коллективов квалифицированные и неквалифицированные работники добивались единства всеми силами.¹¹⁷ Наличие определенных общих психологических черт (специфических по своей динамике потребностей, стереотипа поведения стачечника), свойственных для очень многих работников 30-40-х годов XIX в., говорит о том, что пролетариат той поры вполне представлял собой типологическую общность, что в свою очередь служило предпосылкой и одной из причин формирования представления «мы - рабочие».

ОРГАНИЗАЦИИ РАБОЧЕГО КЛАССА

Более высоким уровнем психологической общности, чем идентификационный, Г.Г.Дилигенский считает уровень солидарности, для которого характерно, что «члены макрогруппы не просто идентифицируют себя с ней, но обладают достаточно разработанной системой представлений о целях своей группы на макрогрупповой арене». Важнейшим условием складывания уровня солидарности признается организационная структурированность макро-общности. Приводит Г.Г.Дилигенский и взятую в самом общем виде структуру внутренней организации макрогруппы с более или менее развитой психологической общностью. Это трехзвенная структура, представленная, во-первых, определенными подгруппами идеологов и организаторов, во-вторых, первичными микрогруппами, в-третьих, формальными и неформальными лидерами микрогрупп как связующим элементом между первым и вторым звеном.¹¹⁸

Используя разработанный Дилигенским понятийный аппарат, посмотрим, что представлял собой с точки зрения организованности французский рабочий класс 30-40-х годов XIX в.

В годы Июльской монархии можно выделить 5 основных типов организаций, в которые входили рабочие. Это компаньонажи, общества взаимопомощи, общества сопротивления (*societes de resistance*), тайные республиканские общества, объединения рабочих- сторонников той или иной утопической социальной системы.

В XIX в., в отличие от XVIII, выделялись не две, а три основные группы компаньонажей. Первая-это камнетесы-компаньоны «этранже» по прозвищу «волки» и столяры и слесари «Девуа-ра де Либерте» (гавоты). И те и другие основателем своих компаньонажей считали царя Соломона. «Дети» одного и того же основателя обычно поддерживали дружеские отношения и в междоусобных драках приходили друг другу на помощь. Вторая группа - это столяры и слесари «Девуара» (девораны) и камнетесы - «волки-гару». Третья группа - «Дети отца Субиза» - плотники по прозвищу «весельчаки» («*drilles*»).¹¹⁹ Помимо этих трех групп существовали еще компаньонажи кузнецов, сапожников, лудильщиков, пекарей. Пожалуй, самыми активными в первой половине XIX в. были компаньонажи строительных рабочих, во всяком случае именно они чаще всего упоминаются в судебных и полицейских документах.

Структура, обычаи и традиции компаньонажей оставались такими же, какими они были в XVIII в. Каждый из компаньонажей имел свои символы, свой праздник в день какого-либо святого. Отправляясь в путь или в день праздника, подмастерье украшал шляпу лентами цветов своего компаньонажа. В каждом городе Тур де Франс (компаньонажи действовали не во всех городах; почти нет сведений о них на севере Франции) существовало как бы руководство местного отделения: первый компаньон, рулер, отвечавший за найм работников, «мать» или «отец» - хозяйка кабачка, в котором столовались, а часто и жили компаньоны. Местное отделение -определение условное, так как никакого верховного органа не было; хотя каждый компаньонаж охватывал значительную часть Франции, то было тело без головы.

Раздоры между компаньонажами, несмотря на все попытки реформаторов (А.Пердигье, П.Моро, Госсэ¹²⁰) положить им конец, продолжались на протяжении всех лет Июльской монархии. Правда, после революции 1848 г. прогрессивные тенденции, казалось, восторжествовали. В Париже был создан «Клуб компаньонов всех деуаров», его члены выдвинули проект слияния всех ветвей «строителей Храма». В марте 1848 г. конституировался комитет для выработки федерального устава, который санкционировал бы слияние.¹²¹ А вскоре Париж увидел красочную манифестацию единства, около 10 тыс. работников со знаками своих компаньонажей прошли по площади Республики. И все же старый партикуляристский дух не был изжит полностью. Менее чем через два месяца после вселявшей столь большие надежды демонстрации между камнетесами-членами разных компаньонажей вновь произошла крупная потасовка.¹²² В годы II Империи, приходя уже в полный упадок, компаньонажи продолжали свои нелепые распри. Внутреннего перерождения этих архаических организаций так и не произошло. Составляя существенный элемент в организационной структуре рабочего класса 30-40-х годов XIX в., компаньонажи фактически препятствовали тому, чтобы эта структура обрела подлинно классовый характер.

Выше мы уже писали о деятельности общества взаимопомощи в среде неквалифицированных рабочих. Подобного рода простейшие экономические организации имелись и у работников, занимавшихся квалифицированным трудом. Так, в числе парижских мютюэлистов барон А. де Жерандо в книге «Общественная благотворительность» называет объединения краснодеревщиков, типографов, ювелиров, сапожников, механиков, граверов.¹²³ Всего в Париже, по его подсчетам, было 228 обществ взаимопомощи, в которые входило приблизительно 17 тыс. рабочих.¹²⁴

В создании некоторых обществ взаимопомощи принимали участие священники и легитимисты, но рабочие очень скоро постарались избавиться от опеки этих непрошенных друзей. В целом эти общества держались в стороне от политики и являлись легальными, полиция, со своей стороны, бдительно охраняла их политическую девственность. Некоторые из них сохранили свой аполитизм даже во время февральской революции. Об этом сообщает А.Одиганн, в этом плане вполне заслуживающий доверия, так как он особо интересовался проникновением «зловредных» идей в рабочую среду. Характеризуя общества взаимопомощи лильских рабочих, Одиганн с удовлетворением подчеркивал, что социалистическая пропаганда их не затронула. О четырех же мютюэлистских ассоциациях текстильных рабочих Кале и Сен-Пьер-ле-Кале он отзывался довольно неопределенно: «Хотя эти общества остались вне политики, каждое из них легко могло послужить гнездом для социалистической агитации».¹²⁵ Об участии обществ взаимопомощи в стачечном движении известно немного: лишь иногда их скромные денежные фонды, использовались забастовщиками. Как раз одним из важнейших отличий этих организаций от обществ сопротивления являлось то, что в цели первых борьба с хозяевами отнюдь не входила. Во всяком случае так считали сами предприниматели, иногда даже поощрявшие развитие мютюэлизма. Подобной же точки зрения придерживались либеральные исследователи рабочего вопроса Виллерме, Одиганн и, наконец, столь сведущие люди, как чины полиции.¹²⁶

Совершенно иным было отношение властей к обществам сопротивления. Впрочем, до того момента, как начиналась стачка, посторонним лицам общество сопротивления от общества взаимопомощи отличить было почти невозможно. Правда, некоторые из обществ сопротивления не пытались принимать легальную мютю-элистскую оболочку и действовали тайно. В любом случае деятельность обществ сопротивления не ограничивалась работой по оказанию помощи больным и безработным товарищам. Тайно эти организации пытались наладить взаимоотношения с им подобными рабочими организациями. Целью этих контактов чаще всего была координация стачечных действий, выражавшаяся в основном в финансовой поддержке бастовавших товарищей. Так, в письме, перехваченном полицией, рабочие фарфоровых заводов Лиможа заранее

предупреждали коллег в Сен-Дени о готовящейся стачке. Вероятно, подобного рода предувещания были разосланы и в другие города, так как во время длительной стачки 1837 г. лиможские фарфорщики получали финансовую помощь от своих товарищей из различных мест Франции.¹²⁷ Была оказана денежная поддержка и бастовавшим в апреле 1843 г. кожевникам Парижа. Их стачка также заранее готовилась обществом сопротивления.¹²⁸

Одной из наиболее известных организаций подобного рода в эпоху Июльской монархии являлось Филантропическое общество портных. Именно о членах этого общества писал генеральный прокурор Ренна: «(Их) явная и непосредственная цель - помощь больным и безработным, цель на ближайшее будущее, которую они скрывают, но о которой говорят среди своих и о которой известно из перехваченной переписки, - добиться путем стачки повышения заработной платы. В письмах более осторожные (члены организации) сдерживают нетерпеливых, советуют сохранять выдержку и прежде всего вносить вклады в резервную кассу, чтобы во время согласованной остановки работ можно было использовать ее фонды... Наконец, третья цель, рассчитанная на длительную перспективу, - это одновременное и всеобщее наступление на социальный порядок, в основе которого лежит принцип частной собственности. Запись протоколов их заседаний открывается двумя преамбулами, в которых излагаются идеи общего порядка об эксплуатации человека человеком и которые представляют собой не что иное, как ... поношение всех собственников».¹²⁹ В середине 30-х годов XIX в. филантропические общества портных, имевшие единый тип организации (они переняли его у республиканского «Общества прав человека и гражданина») и поддерживавшие друг с другом отношения, действовали в Париже, Лионе, Марселе, Пуатье, Ниме, Нанте, Анжере.¹³⁰ Со временем, возможно, из сети этих организаций мог бы развиться боевой профессиональный союз, но государственной машине удалось уничтожить рождавшееся объединение французских рабочих-портных.

Враждебность политического режима Луи-Филиппа интересам рабочих была слишком явной, чтобы взоры пролетариев, задумывающихся об общих вопросах, вскоре не обратились на республиканскую оппозицию орлеанизму. Приход рабочих в республиканские общества начался в первые же годы Июльской монархии.¹³¹ Еще в «Обществе друзей народа» (1830-1833) имелись секции, состоявшие из рабочих. Они были созданы по инициативе неоякобинца О.Кона. В «Обществе прав человека и гражданина» в 1833-1834 гг. действовала специальная комиссия по пропаганде среди рабочих. В нее, в частности, входил лидер стачки парижских сапожников в 1833 г. Эфраэм. Известно, что членами «Общества прав человека и гражданина» также были: руководители стачки портных 1833 г. Гриньон, Тронсе и Морен; рабочий Герино, автор одной из пропагандистских брошюр этого общества; пролетарии-корреспонденты «Bon Sens», Стурм и Ш.-М.Анне; один из будущих редакторов рабочей газеты «Atelier» Ш.-Ф.Шеве.¹³² Прекрасный знаток истории Франции XIX в. Ж.Вейль считал, что численности в 4 тыс. человек «Общество прав человека и гражданина» достигло прежде всего благодаря значительному притоку пролетариев в эту организацию.¹³³

В определенной степени точка зрения Вейля подтверждается анализом социального состава свидетелей, выступавших на суде по делу о восстании 13 апреля 1834 г. Среди свидетелей было 16 членов «Общества прав человека и гражданина» и лишь двое из них не принадлежали к рабочему классу (торговец П.Лятур и художник А.Ривулен). Остальные четырнадцать - это сапожники (2), портные (4), столяры (2), повара (3), маляр, типограф и чеканщик. Двое из рабочих: портной Ипполит Сандоз и столяр Дусе - являлись к тому же руководителями секций (Сандоз - секции Монтаньяров). А повар Фр.Казимир в своем выступлении на суде говорил о том, что многие из его товарищей по профессии, так же как и он сам, входили в «Общество прав человека и гражданина».¹³⁴

Приблизительно в середине 30-х годов в истории республиканских обществ во Франции наступил новый этап развития. Во-первых, рабочие стали основным элементом этих организаций.¹³⁵ Во-вторых, целью республиканских обществ теперь выступала уже не только политическая, но и социальная революция. В 1834 г. один из признанных лидеров республиканцев, О.Бланки, написал статью «Кто варит суп, то пусть и ест его», в которой он совершенно четко выступил за уничтожение частной собственности и за переустройство общества на принципах всеобщей ассоциации.¹³⁶ Своими новыми взглядами Бланки не мог не делиться со своими соратниками. И действительно, в составленном им вопроснике «Общества семейств» (1835-1837), хотя и ничего не говорится о характере наилучшей системы распределения собственности, признается необходимость именно социальной революции.¹³⁷ В 1835-1836 гг. в Лионе сложилась одна из первых в ту пору тайных коммунистических организаций - «Общество цветов». Инициаторами ее создания были шелкоткачи Ж.Бенуа, Ж.-М.Перре, учитель Гринан, предприниматель Г.Эдан, а также Морен, Шале, Гранже, А.Блан. Спустя некоторое время к ним присоединились помощник нотариуса Ф.Блан, шелкоткачи К.Бретонвилль и С.Коммиссер, рабочий по бархату П.Шейлан; всего сохранились сведения о 19 членах этого общества.¹³⁸ В 1838 г. оно присоединилось к парижскому «Обществу семейств», одновременно переименовавшись в «Общество равных». К лионскому отделению «Общества семейств» около 1840 г. аффилировалась ранее самостоятельно возникшая организация коммунистов под названием «Будущее».¹³⁹ В 1841 г. в рабочих предместьях Лиона Бротто и Круа-Русс начала действовать другая тайная необабувистская организация «Реформированные карбонарии». Между «карбонариями» и «равными» существовала определенная связь. Во всяком случае в числе коммунистов, пославших коллективное письмо в газету «Democratic lyonnaise», были активный участник «Реформированных карбонариев» Ж.-У.Нажлен и Фр.Бургинён из «Общества равных».¹⁴⁰

О «Реформированных карбонариях» во время судебного процесса в сентябре 1844 г. комиссар полиции сообщал, что эта организация состояла более чем из 30 секций, каждая из которых включала по 18-19 человек, и секции поддерживали контакт друг с другом посредством связных. Ежемесячно уплачивались членские взносы в размере 25 сантимов. 14 июля 1844 г. организация устроила банкет, на который допускались только имевшие билет с написанными на нем начальными буквами слов: Единство, Братство, Общность, Равенство. Целью общества было установление коммунизма. Перед судом по делу об этой организации предстали 12 человек. За исключением одного кабатчика и одного сапожника, все это были шелкоткачи-рабочие (именно не хозяева мастерских, а просто «ouvriers en soie».¹⁴¹

Идей революционного коммунизма придерживалась значительная часть участников тайных парижских республиканских обществ, таких, как «Унитарии», «Работники-эгалитарии», «Революционные легионы», «Новое общество времен года». Их деятельность приходилась на конец 30-х и 40-е годы XIX в.¹⁴² Коммунистическим по своей программе и пролетарским по составу было также малоизвестное «Общество коммунистов-материалистов».

Дело о парижском «Обществе коммунистов-материалистов» слушалось в июле 1847 г. Эта организация, видимо, была совсем Малочисленной. Во всяком случае на суде говорилось только об 11 ее участниках; 10 из них сидели на скамье подсудимых, один, сапожник Ж.Сан, сбежал. Деятельность «Общества» заключалась в изучении работ Кабе, Дезами, Констана, сочинения Прудона «Что такое Собственность?» Эти книги передавались из рук в руки, а также читались вслух на общих сходках. Для революционных Целей члены «Общества коммунистов-материалистов» считали возможным прибегать к экспроприациям, но ни одной ими не было совершено.¹⁴³

Более или менее подробно мирные объединения пролетариев, созданные, прежде всего сенсимонистами и Э.Кабе, мы рассмотрим в следующем параграфе, а сейчас отметим только некоторые различия, которые имелись между тайными обществами рабочих-республиканцев и теми формами объединения пролетариев, которые предложили социалисты-утописты, противники революционного насилия. Тайные республиканские общества сторонников различных революционных коммунистических систем (Бланки, Бабефа, Дезами, Пийо) готовились к осуществлению непосредственно политической деятельности в виде восстания. В отличие от них объединения рабочих сенсимонистов и икарійцев были ориентированы на мирную реформаторскую деятельность по преобразованию общества. Сенсимонисты рассчитывали на то, что большинство людей в скором будущем обратится в их религию и затем перестроит общество в согласии с сенсимонистскими принципами. Кабе, человек, довольно гибкий в вопросах тактики, в течение нескольких лет испробовал сенсимонистский вариант мирной пропаганды; разочаровавшись в нем, он прибег к методу Фурье и решил создать показательную коммунистическую колонию. Этот путь привел его к полному фиаско.¹⁴⁴

В целом организационная структура рабочего класса Франции в 30-40-е годы XIX в. представляла собой конгломерат разнородных микрогрупп, столь различных по принципам их образования, по целям их деятельности и по мировоззрению их членов, что эта структура не могла способствовать солидарным действиям хотя бы тех пролетариев, которые являлись членами обществ, компаньонажей, ассоциаций.

После февральской революции 1848 г. началось быстрое преобразование и переориентация этой структуры (появление организаций нового типа, объединение старых организаций).¹⁴⁵ Но это быстрое преобразование в условиях политической свободы было слишком недостаточно подготовлено предшествующим развитием. В итоге, когда ход событий сделал настоятельно необходимыми согласованные общеклассовые действия, пролетариат оказался к ним не готовым, прежде всего с чисто организационной точки зрения.

РАБОЧИЙ КЛАСС И УТОПИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

В качестве предпосылок формирования солидаристского уровня психологической общности Г.Г.Дилигенский называет наряду с развитой организационной структурой класса (в виде общенациональных партий, профсоюзов) идеологию, формулирующую глобальные общеклассовые цели. Для французского пролетариата 30-40-х годов XIX в. подобной идеологией являлся утопический социализм. Именно он дал идеал бесклассового общества, свободного от эксплуатации человека человеком и обеспечивающего достойное моральное, интеллектуальное и физическое развитие пролетариата. При всех различиях систем Сен-Симона и Фурье, Кабе и Луи Блана, Флоры Тристан и Дезами данные черты общественного идеала обнаруживаешь в сочинениях их всех. Также в работах всех социалистов и коммунистов-утопистов первой половины XIX в. дана бескомпромиссная критика капитализма свободной конкуренции. Иначе говоря, несмотря на имевшиеся между системами утопического социализма различия, он мог послужить первоосновой при утверждении в сознании пролетариев общей и единой цели социального преобразования. Но прежде чем решать вопрос о том, в какой степени та или иная идеология могла мобилизовать массы на солидарное действие, необходимо установить, была ли эта идеология воспринята массами.

Первой социалистической доктриной, о которой в XIX в. узнали не единицы, не десятки, а, по-видимому, тысячи пролетариев, был сенсимонизм.

Идеи сенсимонистов широко обсуждались во французской прессе. Еще в середине 20-х годов в связи с очень резким памфлетом Стендаля «О новом заговоре против промышленников» многие газеты и журналы вступили в дискуссию о сенсимонизме.¹⁴⁶

Впрочем, разве что далекие отголоски этого интеллектуального спора могли дойти до рабочих. Гораздо ближе, заметнее и доступнее для рабочих были яркие афиши, в которых сенсимонисты возвещали о своих собраниях, балах, лекциях. Одна из таких афиш с крупным заголовком «Сенсимонистская религия» в конце 1831 г. украшал стену парижского Дворца правосудия. Она как раз и попала на глаза молодому ремесленнику и сочинителю песен Жюлю Венсару. Много лет спустя он вспоминал о том впечатлении, которое произвела эта афиша на публику, всегда толпившуюся вблизи Palais de Justice. «Эти слова («сенсимонистская религия. - *Е.К.*), отпечатанные крупным шрифтом, привлекали взгляды прохожих, и все высказывались по их поводу, удивленные странным сочетанием слова религия и имени святого, который не являл собой ничего необыкновенного по сравнению со многими другими, канонизованными католической церковью. Большинство из тех, кто, подобно мне, целиком прочитал этот манифест, решили, что данный призыв к религиозному совершенствованию - еще одна уловка клерикальной партии, которая добивалась расширения своего влияния среди парижского люда».¹⁴⁷

Ругань, споры, пересуды вызывали красочные процессии сенсимонистов. В начале 30-х годов они нередко проходили по городу в своих странных одеяниях: красных беретов, синих куртках с кожаными поясами, жилетах, застегивающихся сзади; у каждого на жилете было вышито его имя. «Несколько дней тому назад сторонники учения (Сен-Симона. - *Е.К.*) проходили недалеко от моего дома... - рассказывал в одном из своих писем в газету «*Bon Sens*» рабочий-модельщик Стурм. - Они шли по двое, свободным и легким шагом, мирно, не заговаривая ни с кем из встречных. Как вдруг на них обрушились мерзкие и оскорбительные насмешки, повод для которых был настолько же ложен, насколько и абсурден...»¹⁴⁸ Подобного же рода сцена описывалась в листовке, выпущенной человеком, не разделявшим убеждений сенсимонистов, но явно с благожелательным интересом относившимся к их философским поискам.¹⁴⁹

Порог безвестности сенсимонисты преодолели, но удалось ли им добиться правильного понимания их доктрины? Нашли ли они сторонников в среде рабочего класса?

Начиная с мая 1831 г. на улице Монсиньи под руководством А.Фурнеля и К.Базар открылись образовательные курсы для парижских работников. Сперва приходило не более 20 человек. По воскресеньям для них с мая 1831 г. в зале на улице Тэтбу читались лекции, освещавшие один из аспектов сенсимонистской доктрины. Плана лекций не было, чаще всего они увязывались с каким-либо из текущих событий общественной жизни. Далее минут 40 отводилось на оглашение своеобразных письменных деклараций о принятии тем или иным пролетарием сенсимонистской веры. Каждый из вновь обращенных должен был написать нечто вроде автобиографии и декларации своих новых сенсимонистских взглядов. Наконец, последняя часть занятий посвящалась ответам на вопросы слушателей. Слушатели могли задавать учителям-сенсимонистам любой интересовавший их вопрос. С августа 1831 г. помимо воскресных лекций были организованы занятия по понедельникам для рабочих, уже несколько продвинувшихся в усвоении сенсимонизма. Число слушателей быстро увеличивалось. Учитывая этот факт, организаторы разделили Париж на 12 секторов (по числу округов) и в каждом из них создали сенсимонистский центр для рабочих и работниц. Уже в августе 1831 г. 220 рабочих (из них 100 женщин) объявили о том, что они принимают сенсимонистскую веру. От 300 до 400 рабочих посещали занятия сенсимонистской школы, не выражая как-либо своего мнения об учении своих наставников.¹⁵⁰ В октябре 1831 г. Фурнель, генеральный директор «Ступени рабочих» (такое название в сенсимонистской иерархии получило созданное специально для пролетариев объединение), рассказывал членам сенсимонистской церкви, что в их веру обратилось 330 посещающих занятий, а 151 человек собираются в недалеком будущем также исповедоваться и тем самым формально вступить в число неопитов.¹⁵¹ В большинстве своем слушателями сенсимонистских чтений в Париже были высококвалифицированные рабочие.¹⁵²

Сенсимонисты пытались осуществить пропаганду своих идей и в других городах Франции. Их общины появились в Лионе, Тулузе, Монпелье, Марселе, Бресте и даже в Алжире. Известны попытки небольшой группы страсбургских сенсимонистов вести работу среди рабочих.¹⁵³

Особенно большой активностью отличались лионские сенсимонисты. Так, им, видимо, удалось установить некоторые контакты с членами мютюэлистского общества ткачей. В апреле 1832 г. посланный Анфантенем в Лион сенсимонистский миссионер Риб составил список лиц, достойных получать «Globe» (журнал сенсимонистов). В этом списке фигурировали и лидеры лионских (мютюэлистов Буври и Шарнье. Сенсимонист и один из ближайших Друзей Анфантена Арлес-Дюфур в 1832 г. сотрудничал в лионской газете «Echo de la fabrique», издававшейся на паях ткачами-хозяевами, полупролетариями по своему социальному статусу. В 1832 г. эта газета регулярно печатала сообщения о деятельности сенсимонистов в Лионе.¹⁵⁴

В январе 1833 г. несколько сенсимонистов, следуя призыву своего «отца» Анфантена переходить от теоретической к практической политике, нанялись в качестве простых рабочих в мастерские и на стройки Лиона. Спустя некоторое время в донесении лионской полиции отмечалось: «...нескольким сенсимонистам удалось приискать себе работу в различных мастерских. Везде их появление вскоре ознаменовалось стачками или иными какими-либо беспорядками. Так совершенно справедливо им приписывается возмущение рабочих-литейщиков. Малоприспособленные к столь тяжелому труду, они (сенсимонисты. - Е.К.) убедили рабочих... в недостаточности заработка и необходимости его увеличения. Именно в этом причина коалиции, имевшей целью принудить хозяев повысить заработную плату».¹⁵⁵

С другой стороны, влияние сенсимонистской пропаганды на лионских рабочих отмечал столь объективный наблюдатель, как Л.-Р.Виллерме. В 1835 г. в Лионе в кабаках, которые посещались преимущественно ткачами, Виллерме приходилось слышать, как работники заявляли, что часть передаваемого по наследству имущества богачей должна переходить в общественную казну, в результате чего уменьшились бы налоги, а полезные учреждения "получили бы дополнительные дотации. Так как подобные высказывания лионских пролетариев не раз доходили до слуха исследователя, то он пришел к выводу, что «сенсимонизм, сам того не желая, в некоторой степени подготовил печальные события... 1831 и 1834 гг.»¹⁵⁶

В начале 30-х годов сенсимонисты добились широкой известности в среде наиболее грамотных, общественно активных пролетариев крупных городов и особенно Парижа. В значительной степени под влиянием сенсимонистской критики капитализма свободной конкуренции формировались общественные воззрения многих из тех работников, которые в конце 30-х и в 40-е годы составили кадры редколлегий уvrierистских газет «La Ruche Populaire», «L'Union», «Fraternite de 1845», «La Travail», «Atelier», тайных республиканских организаций¹⁵⁷, икарийского содержания.

Рабочие брали из учения сенсимонистов то, что соответствовало их собственным смутным, внутренним устремлениям, но не желали создавать новую церковь. К тому же даже наиболее верные ученики сенсимонистов из рабочих с трудом воспринимали проповедь братской любви к капиталистам. Слишком уж эта любовь шла вразрез со всем жизненным опытом пролетариев. Так, С.Флаша, работник-сенсимонист, которого собирались назначить директором одного из подразделений в сенсимонистской иерархии, заявил одному из руководителей «Ступени рабочих»: «Отец мои, когда в прошлое воскресенье вы говорили о тяготах привилегированного класса... говорили, что он тоже страдает... рассказывали, что в его среде есть великодушные сердца, вы причинили мне такую боль, что я почувствовал себя неспособным выполнять те обязанности, которые вы собираетесь на меня возложить. Я рабочий и вы можете поставить меня как миротворца перед строем таких же, как я, рабочих, и в день восстания вы найдете меня живого или мертвого там, куда вы меня поставили, но если вы меня с той же целью поставите перед строем буржуа и они выступят с оружием в

руках, я предупреждаю вас, я вырву у них штыки, и, возможно, поверну это оружие против них самих. В моем сердце живет такая ненависть к привилегированным, что для меня просто невозможно обращаться к ним со словами мира, которым вы нас учите. С самого моего детства они мучили меня, и я их ненавижу столь же сильно, сколь и презираю. Так что я не чувствую в себе достаточно сил, чтобы стать директором округа».¹⁵⁸

С интересом воспринимая идеи сенсимонистов об ассоциации, о новой морали, о необходимости отмены права наследования, рабочие ставили под сомнение их план преобразования мира. Упования на возникновение новой вселенской церкви, которая путем обращения человечества в новую сенсимонистскую религию восстановит справедливость и органическое единство людей, представляли в виде утопии, утопии тем более сомнительной в глазах французских работников, что в душе у многих из них глубоко укоренился антиклерикализм. Церковь любого рода представлялась им институтом подозрительным.

Восприятие столь сложной и многогранной доктрины, как сенсимонизм, даже теми 200 или 300 рабочими, которые прямо объявили себя сенсимонистами, было противоречивым, часто неадекватным. Ж.Венсар считал, что «многие пролетарии, испытывая отвращение к жизни наемного работника, пришли к сенсимонизму с единственной надеждой - распрощаться навсегда со своим пролетарским прошлым».¹⁵⁹ В определенной степени с суждением Венсара совпадает вывод Д'Альмана, единственного исследователя, ознакомившегося с «исповедями» рабочих. Он писал: «В этил иногда наивных, но всегда искренних символах веры (profession? de fois) ощущается стремление, приобщившись к новой вере, обрести в ней не только спасение, но и счастье в самом прямом смысле этого слова».¹⁶⁰ И Венсару, и Д'Альманю явно казалось, что прозелиты из пролетариев надеялись через сенсимонизм прежде всего улучшить свое собственное положение.

Однако было бы ошибкой считать, что все рабочие-сенсимонисты приняли новую «веру» или просто посещали занятия в «Ступени рабочих» только ради индивидуального избавления от пролетарского статуса. Этому противоречит и пример самого Ж. Венсара, неутомимого подвижника в деле повышения интеллектуального уровня рабочих, и его племянника П.Венсара, руководившего «Обществом объединенных корпораций» в 1848 г.¹⁶¹, и М.Бернара, коммуниста, возглавившего вместе с О.Бланки и А.Барбесом республиканское восстание 12 мая 1839 г.¹⁶², и рабочего публициста, автора первой демократической хартии французского пролетариата Ш.Беранже. Все четверо в начале 30-х годов, будучи в ту пору еще никому не известными работниками, пришли к сенсимонистам и приняли их веру. Явно не индивидуалистическими побуждениями руководствовались эти люди, отдавшие столько сил общественному делу.

Возникнув как плод творческих усилий одного или нескольких мыслителей, идеологическая система получает свое развитие и распространение благодаря пропагандистской деятельности самих идеологов и их непосредственных адептов, а также благодаря воспроизведению основных положений данной доктрины не только в сочинениях ее создателей и их последователей, но подчас и в произведениях ее противников. Ведь случается, что негативные опровержения нового учения имеют эффект, противоположный ожидаемому «опровергателями». Трудно проследить все пути распространения учения сенсимонистов. Во всяком случае следует отметить, что сенсимонистские образы и понятия встречаются не только в текстах рабочих, приверженцев доктрины.¹⁶³ Многие идеи сенсимонистов: об организующей роли банковской системы, о распределении благ и обязанностей в соответствии с принципом компетентности, о необходимости религиозного обновления мира или оставались пролетариям непонятными, или вызывали у них недоверие.

Отход еще в начале 30-х годов части интеллигентов и рабочих от сенсимонизма и обращение к фурьеризму, возможно, в некоторой степени объяснялись тем, что в социетарной теории Ж.Лешевалье, А.Трансон, Рокур, Д.Вере, Р.Гендорф¹⁶⁴ увидели логическое развитие и завершение сенсимонистской доктрины. В учении Фурье подкупало внимание к нуждам и потребностям каждого индивидуума. Возбуждала энтузиазм гармония человеческих отношений, которая должна была воцариться в фаланстерах. Общественный идеал, красочно описанный Ш.Фурье в полуфантазмагорических и в то же время поразительно захватывающих трудах, отличался почти чувственной осязаемостью.

Привлекал рабочих и предложенный Фурье утопический способ перехода к лучшему устройству общества. Во всяком случае, некоторым он казался очень ясным и простым. В письме столярного подмастерья Лорана в редакцию газеты «Bon Sens» говорилось: «Я удивлен, что вы до сих пор ничего не сказали о системе Фурье, которую, мне кажется, можно легко и просто претворить в жизнь, так как Фурье вместо того, чтобы нападать на собственность, предлагает увеличить доходы богатых людей. Из его работ я знаю всего несколько номеров «Phalanstere». Но вы, господа, должно быть, читали и оценили все то, что есть хорошего в его системе. Почему бы вам не обратиться с призывом к вашим подписчикам? Я уверен, что вскоре были бы собраны необходимые средства для создания пробной фаланги. Я верю, что это лучший способ прийти к всеобщей ассоциации».¹⁶⁵

В 30-е годы пролетарии могли ознакомиться с идеями Фурье не только на основе его собственных сочинений и публикаций его учеников в журнале «Phalanstere». Изложению этого нового учения, как и характеристике сенсимонизма, посвящала свои страницы газета лионских ткачей «Echo de la fabrique». В сентябре 1833 г. в Париже на улице Сюлли ремесленник-гравер Фюжер открыл курс бесплатных и общедоступных лекций о социетарной теории. Лекции проводились по вечерам в помещении мастерской Фюжера.¹⁶⁶ Время от времени устраивались банкеты для рабочих, симпатизировавших идеям фурьеризма. Председательствовал на них обычно В.Консидеран¹⁶⁷, наиболее активный и талантливый из учеников Фурье. К сожалению, ни о характере этих банкетов, ни о численности присутствовавших на них рабочих сведений не сохранилось.

В конце 30-х и в 40-е годы XIX в. в среде рабочего класса продолжалось распространение сенсимонистских и фурьеристских идей. Хотя сенсимонистская церковь распалась и большая часть ее приверженцев отказалась от своих прежних убеждений, глубокая критика капитализма свободной конкуренции, некоторые черты социалистического идеала менильмонтанских мудрецов продолжали привлекать людей.

В декабре 1839 г. группа рабочих во главе с Венсаром-старшим начала издавать газету «Ruche Populaire». Большинство членов ее редакции в прошлом входили в сенсимонистскую «Ступень рабочих» 168. Сам Ж.Венсар, как и его племянник Пьер вплоть до конца 30-х годов не только сохраняли верность сенсимонистским идеалам, но и личную привязанность к «отцу» Анфантену. В 1838 и даже в 1839 г. продолжало еще существовать объединение сенсимонистов, о чем свидетельствуют списки внесших взнос в общую кассу. Каждый список (всего их известно пять) начинался словами: «Подписной лист пролетариев в пользу Отца». Под тремя списками стоят даты: 8 августа 1837 г., 8 февраля 1838 г. и 8 августа 1839 г. В списке 1837 г. указан 31 человек, среди них - будущие редакторы «Ruche Populaire» Л.-М.Понти и оба Венсара. В списке 1839 г. - всего 11 фамилий, и уже нет ни П. Венсара, ни Понти.¹⁶⁹

Если сенсимонистское движение после расколов 1830-1832 гг. и судебного процесса над его руководителями явно пришло в упадок и слабые попытки нескольких энтузиастов не могли его возродить, то фурьеризм вплоть до революции 1848 г. сохранялся именно как движение. Его усилению, в частности, способствовало то, что, как указывалось, некоторые сенсимонисты пересмотрели свои взгляды и стали активными проповедниками учения Фурье. После смерти Фурье в 1837 г. признанным главой этой школы стал В. Консидеран, человек, безусловно уступавший Фурье в теоретическом отношении, но зато гораздо лучше мэтра разбиравшийся в текущей политике. Современники, впрочем, и как теоретика оценивали Консидерана очень высоко. Об этом говорит хотя бы свидетельство его интеллектуального противника Б.-П.Анфан-тена. «Мой дорогой Консидеран, - обращался к нему в октябре 1834 г. духовный вождь сенсимонистов, - я ожидал твою книгу с нетерпением и вот теперь, наконец, прочитал ее с огромным интересом (речь идет о книге «Destinee sociale». Т.I-III. Р., 1834. - Е.К.)-, это, безусловно, вещь захватывающая и убедительная. Без сомнения, до сих пор ничего лучше не было написано в защиту социетарной теории... Я бесконечно восхищен критической частью твоей работы (рассмотрением основных пороков современного общества); мне понравились все главы о развитии цивилизации, интересно все, что ты говоришь об ассоциации...»¹⁷⁰ И все же прежде всего Консидеран был практиком-пропагандистом. Он сумел наладить регулярный выпуск фурьеристских изданий: брошюр, различных популярных экспозе, журнала. Наибольшее значение из них имела газета «Democratie pacifique». В середине 40-х годов за месяц распространялось от 41 до 77 тыс. экземпляров этой газеты

Поддерживали контакты с рабочими и фурьеристы, настроенные оппозиционно по отношению к Консидерану, входившие преимущественно в Гармонический союз Я. Чинского. Рабочие-фурьеристы этого объединения в июне 1838 г. приобрели на кооперативных началах пекарню, которая в своем первоначальном социетарном виде просуществовала около трех лет 172.

Группы фурьеристов имелись и в провинции: в Реймсе (деп.Марна), Вьенне (деп.Изер). В 1848 г. в Гренобле образовался Социетарный клуб, куда входили и лица физического труда 173. Либеральный экономист А.Одиганн отмечал, что в годы революции в Седане среди рабочего населения наряду с идеями Луи Блана получил распространение и фурьеризм. Рабочие даже создали кооперативную лавку под названием «социетарная бакалея».¹⁷⁴

Хотя распространение фурьеризма и сенсимонизма продолжалось в 40-е годы, тем не менее обе эти доктрины постепенно оттеснялись на второй план интеллектуальной жизни Франции. *Vive Liberta и Век Просвещения*

Как утверждали современники: писатель-социалист Э.Сю, пролетарий, участник июньского восстания 1848 г. Пенар, умеренный республиканец Э.Пельтан 175-в 40-е годы наибольшей популярностью среди рабочих пользовались икарийский коммунизм Э. Кабе и социалистическое учение Л.Блана 176. Что касается Кабе, соглашался с этим мнением и префект департамента Сена Делессер. Он представил королю длинный список «зловредных книг», который начинался с брошюрок Кабе, которые, по словам префекта, «распространялись с бесконечной настойчивостью». Далее среди книг, имевших социалистическую направленность и оказывавших наибольшее влияние на народ, Делессер отметил «Евангелия» Ламенне, «Истинное христианство» Кабе, «Организацию свободы и всеобщего благополучия» Дезами, «Экономические противоречия» Прудона, «Очерк о свободе рассматриваемой как принцип и цель человеческой деятельности» Д.Стерн.¹⁷⁷

В немалой степени популярность икарийской доктрины объяснялась большой известностью во Франции личности самого Э.Кабе. После Июльской революции Кабе некоторое время на Корсике исполнял обязанности генерального прокурора. С 1831 по 1834 г. он являлся одним из самых левых членов палаты депутатов. Уже в те годы Кабе отличался пониманием значения политической пропаганды и широкого просвещения народа. В мае 1833 г. он писал редактору органа лионских ткачей «Echo de la fabrique», что, создавая

историю революции 1830 г., надеялся представить сочинение, полезное народу. Руководствуясь этой же целью, он постарался второе издание книги выпустить очень значительным для того времени тиражом - 12 тыс. экз.¹⁷⁸ После возвращения Кабе из эмиграции в 1839 г. на него вновь вскоре обратились взоры грамотных рабочих, особенно парижан. С позиций истинного демократа Кабе повел непримиримую борьбу против проекта построения фортов вокруг Парижа, против антинациональной внешней политики Луи-Филиппа, против все более смещавшейся вправо газеты «чистых» республиканцев «National». Часть рабочих считала Э.Кабе «народным заступником» еще до того, как он опубликовал в 1840 г. свой знаменитый роман «Путешествие в Икарию».

Весной и летом 1839 г. Кабе безвыездно жил в Дижоне. Тем не менее вскоре после республиканского восстания 1839 г. одна консервативная газета сообщила, что он незадолго до «беспорядков» несколько раз предпринимал подозрительные поездки в Париж. Редакция газеты явно желала внушить своим читателям мысль о причастности Кабе к восстанию.¹⁷⁹

Вся предшествующая деятельность Э.Кабе и сложившееся о нем мнение способствовали тому, чтобы его коммунистическая проповедь была встречена рабочими с большим интересом. Популярности икарийского коммунизма немало способствовал и тот факт, что Кабе излагал свои взгляды очень простым, понятным языком.

С 18 марта 1841 г. Кабе начал издавать газету «Populaire». В 1846 г. тираж ее в среднем равнялся 3500 экз. Число постоянных подписчиков достигало 2745. Американскому исследователю К. Джонсону удалось выяснить социальный статус 497 подписчиков. Из их числа приблизительно 85% приходилось на рабочих¹⁸⁰. Накануне революции 1848 г. в Лионе насчитывалось 252 подписчика «Populaire», во Вьенне (деп. Изер) - 62, в маленьком Живоре (деп. Рона) - 24.¹⁸¹

Сторонники икарийского коммунизма представляли собой своеобразное объединение, духовным вождем и одновременно верховным главой которого являлся сам Э.Кабе. По данным Джонсона, значительные группы икарийцев были в 22 городах Франции, в том числе в таких крупных центрах промышленности, как Мюлуз, Руан, Рив-де-Жье.¹⁸² В каждой группе имелся один или несколько постоянных корреспондентов Кабе. Благодаря письмам <воих единомышленников он мог постоянно следить за ходом коммунистической пропаганды в провинции. Так, его гренобльский корреспондент Гонтье сообщал об успехе брошюры Кабе «Guide du Citoyen» и просил подготовить еще одно издание. Кабе тут же откликнулся на это предложение.¹⁸³ Икарийцы поддерживали в финансовом отношении газету «Populaire». Кабе писал Гонтье в Гренобль, что он разослал всем своим корреспондентам циркуляр, цель которого - собрать для залога за газету как можно большую сумму.¹⁸⁴ Связь между икарийцами сохранялась, видимо, и в период февральской революции. Икариец А.Понсе 27 апреля 1848 г. сообщал Кабе из Лиона: «... наша доктрина теперь как никогда подвергается нападкам со стороны слепцов и злонамеренных людей». С целью противодействия этим нападкам он предлагал в каждом крупном городе, и особенно в Лионе, основать чисто коммунистический клуб, но допускать туда и коммунистов-сторонников других систем. Свободные дискуссии в этих клубах будут способствовать распространению доктрины, считал Понсе.¹⁸⁵

Созданное Кабе объединение пролетариев, несмотря на его разветвленность и продолжительность существования, было, как и сенсимонистская «Ступень рабочих», образованием довольно эфемерным. Хотя в отличие от Анфантена Кабе не претендовал на звание «верховного отца», по существу он был для икарийцев не менее авторитарным главой, чем Анфантен для сенсимонистов. Более того, Анфантен никогда не прибегал к такой ожесточенной критике в адрес сенсимонистов, выражавших свое несогласие с его мнением, какую очень часто обрушивал на головы слушников Кабе. Так, своими резкими ответами в «Populaire» он по существу заставил замолчать типографского рабочего Марколино-Пра, который выступил против проекта создания икарийской колонии в Америке.¹⁸⁶ Объединение рабочих-икарийцев могло эволюционировать только в той степени, в какой был способен к развитию его глава Э.Кабе. В этом заключалась одна из серьезнейших слабостей всего икарийского движения.

Вопрос о влиянии революционных коммунистов в среде французского пролетариата в 40-е годы XIX в. scrupuleзнейшим образом изучен А.Р.Иоаннисяном.¹⁸⁷ Поэтому отметим только некоторые конкретные факты, характеризующие степень распространенности идей революционного коммунизма. Еще в 1830 г. в Париже была опубликована книга Ф.Буонаротти «Заговор во имя равенства». Десять лет спустя Г.Гейне среди книг, читаемых парижскими рабочими, наряду с сочинениями Робеспьера и Марата называл «Учение и заговор Бабефа» Буонаротти, а также пасквилы Корменена, «Историю революции» Кабе.¹⁸⁸ Именно знакомство с книгой Буонаротти сделало из лионского ткача Ж.Бенуа коммуниста. В год обращения его в «новую веру» Бенуа работал в Кальбуре, небольшом селении близ Лиона, там он и попытался излагать знакомым работникам принципы учения Бабефа, но не встретил понимания.¹⁸⁹ Все же в 1835-1836 гг. появилась группа рабочих-коммунистов, основной целью которой являлась пропаганда «нового» учения. Эта группа впоследствии оформится в виде тайного «Общества цветов». На рубеже 30-40-х годов в Лионе и его окрестностях возникли тайные коммунистические общества «Будущее» и «Реформированные карбонарии».¹⁹⁰ Рабочие могли ознакомиться с идеями бабувизма не только благодаря книге Буонаротти. С сентября 1837 по март 1840 г. выходила газета Лапоннерэ «Intelligence», в которой с большим сочувствием и довольно подробно излагалась эта коммунистическая доктрина. Систематическую легальную пропаганду идей революционного коммунизма вести не удавалось. Все газеты этого направления:

«L'Egalitaire», «Humanitaire», «Fraternite de 1841» в Париже, «Travail» в Лионе-издавались очень незначительными тиражами и существовали недолго.¹⁹¹ Тем большее значение приобретали банкеты, которые устраивались коммунистами. На Бельвилльском банкете 1 июля 1840 г. присутствовало более тысячи рабочих, вслед за ним прошли коммунистические митинги подобного же рода в Лионе и Руане.¹⁹²

Итак, можно констатировать, что к 1848 г. часть (следует добавить: часть, которая исчислялась тысячами) грамотных работников крупных городов, особенно Парижа и Лиона, придерживалась коммунистических и социалистических убеждений. Сравнительная малочисленность этой группы не должна вводить в заблуждение. То были самые образованные, самые активные, часто самые влиятельные пролетарии. В принципе они могли повести за собой широкую массу рабочего класса. И действительно, это случилось в июне 1848 г. Среди руководителей баррикад было много рабочих-коммунистов.¹⁹³ Достаточно много, чтобы поднять пролетариев на восстание, но слишком мало, чтобы обеспечить его победу.

Не говоря уже о доктринах Дезами, Бланки, Пийо, даже пацифистские теории Кабе, Фурье, Сен-Симона и его учеников несли в себе большой революционный заряд. Все эти утописты стояли на позициях полного неприятия существовавших общественных порядков. Они заявляли, что общество должно быть изменено самым радикальным образом и как можно скорее. Подобные утверждения способствовали революционизированию сознания рабочих, хотели того или нет сами авторы доктрин. Но, внося значительный позитивный вклад в развитие классового сознания пролетариата, идеологи-утописты одновременно сеяли иллюзии, избавление от которых на собственном практическом опыте (особенно в период с февраля по июнь 1848 г.) очень дорого стоило французскому рабочему классу. Именно за распространение в среде рабочих пацифистских, классово-примиренческих иллюзий К.Маркс и Ф.Энгельс сурово осуждали своих современников-теоретиков утопического социализма и коммунизма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процесс становления рабочего класса включает в себя историю его экономического, социально-психологического и организационного формирования. В духовной сфере показателем завершения исторического конституирования пролетариата является формирование его классового сознания. Возникновение и степень зрелости классового сознания зависят от уровня развития капиталистических отношений в промышленности (и в целом в стране), от степени социальной однородности пролетариата, психической близости его основных социальных групп; от того, насколько оказались преодоленными формы доклассового сознания; наконец, от того, насколько интеллигенции и другим группам, владеющим широкой гуманитарной культурой и вставшим на сторону пролетариата, удалось выработать пролетарскую идеологию и внедрить ее в сознание рабочих масс.

Пролетариат возникает как класс в ходе развертывания промышленной революции. Но своеобразие духовного облика рабочего класса каждой конкретной страны в значительной степени определяется тем, что представляли собой социальные группы, исторически предшествовавшие пролетариату в сфере промышленного производства. Для Западной Европы, в частности для Франции, это прежде всего вопрос о духовном облике ремесленных и мануфактурных рабочих XVIII в.

Промышленность Франции доиндустриальной поры, т.е. эпохи, «старого порядка», являла собой сложное переплетение капиталистического и мелкотоварного укладов, опутанных архаическими установлениями, генетически связанными с феодальной регламентацией производства. Соответствующим было и влияние данной экономической системы на общественное сознание трудящихся масс.

Французские работники эпохи «старого порядка» не обладали еще сознанием общности их интересов. Господствовал партикуляристский тип видения общественных отношений, рабочие были разбиты на множество независимых друг от друга микрогрупп, находившихся нередко во враждебных отношениях.

Идеал справедливого общественного устройства городского плебейства конца XVIII в. (который разделяли и многие рабочие) был пронизан надеждами на повсеместное утверждение мелкотоварного способа производства, воцарение экономического режима равной мелкой собственности, покровительствуемой государством. Наиболее полное воплощение эти мечты получили во время Великой буржуазной революции в русле движения санкюлотов. В XVIII в. бытовала и определенная идеализация внутрицеховых отношений между мастерами и подмастерьями.

Партикуляристское сознание не исчезло в XIX в. Сохранение ряда свойственных ему представлений и психологических установок обуславливалось существовавшей на протяжении веков корпоративной организацией ремесла, определенной разобщенностью общественной жизни, традициями архаичных организаций ремесленных рабочих-компаньонажей. Для партикуляристского сознания были по-прежнему характерны: узость общественного кругозора, традиционализм, иррациональность, аполитичность, сопровождавшаяся верой в доброго монарха. Товарищей по классу рабочие этого типа жестко делили на «своих» (членов одного компаньонажа, земляков) и «чужаков».

Но начиная с эпохи Великой буржуазной революции партикуляристское сознание резко не соответствовало бурному политическому и все ускоряющемуся экономическому развитию страны. Осуществленное революцией преобразование правовых отношений привело к исчезновению архаических добуржуазных норм юрисдикции. Ликвидация сословий и корпораций, местных привилегий, утверждение принципа равенства всех граждан перед законом уничтожили множество перегородок между различными группами рабочего люда. На смену партикуляристскому шло популистское сознание с характерным для него ясным представлением о причастности индивида к такой общности, как народ.

Популистское сознание явилось в значительной степени плодом преобразования сознания трудящихся масс в ходе революции конца XVIII в. Система общественных ценностей популистского типа сознания органично связана с великими принципами этой революции. Но в рабочем сознании свобода - это прежде всего право жить по-человечески: не голодать, не страдать от притеснений богачей и власть имущих, а принцип равенства - это символ эгалитаризма, как юридического, так и экономического.

В годы революции рабочие люди сделали первые шаги на пути становления классового сознания.

В полной же мере этот процесс развернулся в первой половине XIX в. Хотя во Франции той поры было велико еще значение мелкотоварного уклада, большинство промышленных наемных рабочих было уже включено в систему капиталистических производственных отношений. Классовая структура общества все более и более обнажалась, становилась очевидной и для обыденного сознания. Но постепенная консолидация пролетариата, исчезновение аморфной группы тружеников, занятых в ремесленных мастерских, функционировавших в соответствии с законами мелкотоварного уклада, не отменяли внутриклассовых различий.

Анализ социальной структуры французского пролетариата первой половины XIX в. показывает, что наибольшим своеобразием с точки зрения образа жизни и социальной психологии отличались три отряда рабочего класса: полурабочие-полукрестьяне, урбанизированный неквалифицированный пролетариат и квалифицированные рабочие.

Полурабочие-полукрестьяне, несмотря на свой двойной экономический статус, духовно были еще преимущественно включены в крестьянский мир. По своему сознанию эта группа стояла по существу еще вне рабочего класса.

Неквалифицированные городские рабочие подвергались капиталистической эксплуатации в наиболее откровенной форме. И именно в силу беспощадности этой эксплуатации, в силу новизны своего социального положения, в силу непреодоленной конкуренции в своей собственной среде они во многом находились как бы в идеологическом вакууме. Утратив систему традиционных, чаще всего крестьянских ценностей, они не успели еще завоевать для себя тех условий жизни, которые позволили бы подняться до восприятия новой республиканско-демократической и социалистической культуры. И тем не менее эта группа пролетариата отнюдь не застыла в своей духовной отверженности. В первой половине XIX в. шло интенсивное социально-психологическое развитие работников неквалифицированного труда. Коллективный труд, каждодневная невидимая борьба с казарменными порядками раннего капитализма, взрывы страстей во время стачек и луддитских выступлений формировали психологический облик этих рабочих. Во время наиболее крупных классовых битв пролетариата 30-40-х годов XIX в. неквалифицированные рабочие нередко солидаризировались с восставшими.

Говоря о том, что к 1848 г. французский пролетариат достиг не только типологического, но в значительной степени и идентификационного уровня общности, мы имели в виду как квалифицированных, так и неквалифицированных работников французской промышленности. Но если классовое сознание для неквалифицированных рабочих, этих «варваров промышленности», являлось специфической формой их духовного возвращения в гражданское общество, то для квалифицированных городских рабочих классовое сознание выступало как новая форма общественно-политической ориентации.

Кристаллизация классового типа сознания, выработка аутентичных для него форм мировосприятия первоначально происходили главным образом под влиянием промышленной революции.

Экономические кризисы, затрагивавшие прежде всего промышленность, наглядно показывали рабочим специфику их классового положения. Машинизация работала в том же направлении.

Уже в начале XIX в. крестьян, служащих, мелкую городскую буржуазию рабочие четко отделяли от своего класса. Представление о пролетарском «мы» воплотилось в самоназвании «рабочие». Иногда рабочие называли себя «пролетариями». Слово «санкюлот» в народной лексике не пережило революции конца XVIII в., слово «подмастерье» встречалось редко. Принятие рабочими общего самоназвания говорит о психологической потребности вычленения своей группы из общей массы простого народа. Одновременно шло складывание представления «они - буржуа, капиталисты», притом важно отметить, что это представление отличалось не только традиционным морально-нравственным подтекстом, но и новым, по сути, политико-экономическим значением.

Уже в первой половине XIX в. прослеживаются некоторые психологические черты, отличавшие рабочих от других социальные группы трудящегося люда. Это их социальная активность, обусловленная во многом динамичным характером потребностей, это глубоко укоренившийся стереотип поведения стачечника, суть которого - подчинение коллективной воле, верность товарищам, внутригрупповая дисциплинированность.

В то же время, и это особенно необходимо подчеркнуть, важным формирующим фактором классового сознания французского пролетариата стал опыт Великой буржуазной революции, аккумулированный в популистском сознании. Взаимодействие популистского и классового сознания можно охарактеризовать через категорию «снятие». Все сохранявшее актуальность, действенность в новых условиях переходило в классовое сознание. Так, характерное для французского популизма сознание права народа на восстание как крайнее средство защиты народной свободы перешло в классовое сознание. В рабочем сознании латентно существовала определенная готовность к восстанию. Но чем подкреплялась эта готовность? Источники показывают, что французский пролетариат уже обладал довольно сложной и разветвленной организационной структурой. В компаньонажи, общества взаимопомощи, общества сопротивления, тайные республиканские организации, сенсимонистскую «Ступень рабочих», в объединение икарийцев входили десятки тысяч работников. В то же время эти организации были чрезвычайно разрозненны. Многие передовые пролетарии Парижа, Лиона, Марселя и других городов Франции стремились к установлению «режима общности», но в известных им коммунистических и социалистических доктринах предлагались утопические средства достижения цели. В результате такого своеобразного развития классового сознания французский пролетариат оказался способным на одно из величайших в истории XIX в. восстаний - июньское восстание 1848 г., но в то же время характер предшествующей исторической эволюции обусловил его организационную слабость и определенную разобщенность в рамках страны в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

К предисловию

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 367.
- ² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 307, 311.
- ³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 52.
- ⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 148.
- ⁵ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 47.
- ⁶ Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII—XIX вв. Под ред. П. Н. Галанзы. М., 1957, с. 250.
- ⁷ Там же, с. 260.
- ⁸ Там же, с. 331.
- ⁹ Там же, с. 280.
- ¹⁰ Там же, с. 342.
- ¹¹ Там же, с. 382.
- ¹² См. Захер Я. Французская революция в документах. Л., 1926, с. 300.
- ¹³ Бабеф Г. Сочинения. Т. 4. М., 1982, с. 270—291.
- ¹⁴ Буонаротти Ф. Заговор во имя равенства. Т. II. М.—Л., 1948, с. 142.
- ¹⁵ Lagousse de la langue française P., 1979, p. 1644.
- ¹⁶ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 12. М., 1956, с. 105.
- ¹⁷ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 47—48, т. 32, с. 306—307, 373—375, т. 34, с. 37—38.
- ¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 48.
- ¹⁹ Роллан Р. Собр. соч. в 14-ти томах. Т. 13. М., 1958, с. 490.
- ²⁰ См. об этом Лукин Н. М. Ленин и проблема якобинской диктатуры — В кн. Лукин Н. М. Избр. труды, т. I. М., 1960, Персов М. С. Использование В. И. Лениным исторического опыта буржуазных революций XVII—XIX вв. — В кн. История и историки. М., 1965, Медведев А. И., Ревунечков В. Г. Взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса на проблемы истории Великой французской революции и современная наука — Вестн. ЛГУ, 1968, № 8, Он же. Обращение ЦК к Союзу Коммунистов (1850) и некоторые вопросы истории Великой французской революции — Вестн. ЛГУ, 1971, № 14, Медведев А. И. Идеологическое наследие В. И. Ленина — научная основа разработки проблем истории французской революции 1789—1794 гг. — В кн. Доклады симпозиума по истории Франции XVIII столетия и ее связей с Россией, Украиной и Молдавией. Кишинев, 1970, Вебер Б. Г. В. И. Ленин и историческое наследие якобинцев — В кн. Французский ежегодник 1970. М., 1972, Daline V. Lénine et le jacobinisme — Annales historiques de la Révolution française, 1971, N 203, Bruhat J. La Révolution française et la formation de la pensée de Marx — Annales historiques de la Révolution française, 1966, N 184, Jaeck H. P. Die französische Bürgerliche Revolution von 1798 im Frühwerk von Karl Marx 1843—1846. Berlin 1979.
- ²¹ См. Манфред А. З. Великая французская революция и современность (к 175-летию революции) — Новая и новейшая история, 1964, № 4, с. 62—63.
- ²² В библиографическом приложении журнала «Revue historique» за 1959—1976 гг. названы 713 книг о французской революции — в среднем 42 книги в год (см. Соколова М. Н. Современная французская историография. М., 1979, с. 197), считая и статьи, в одной Франции в 1960—1979 гг. ежегодно выходило о французской революции около 200 работ (подсчитано В. С. Посконым по Bibliographie annuelle de l'histoire de France, années 1960—1979. P. 1961—1980).
- ²³ См.: Далин В. М. Французские историки эпохи Реставрации — В кн.: Далин В. М. Историки Франции. М., 1981.
- ²⁴ Токвиль А. Старый порядок и революция. СПб., 1906, с. 33—34.
- ²⁵ См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 114, т. 18, с. 288, т. 22, с. 308—309.
- ²⁶ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 44—47, т. 21, с. 83—84; т. 38, с. 52, 349, 367.

- ²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 203; т. 32, с. 216.
- ²⁸ См.: Жорес Ж. Социалистическая история французской революции. Т. 1—6. М., 1976—1983.
- ²⁹ В дальнейшем Р. Кобб отошел от прогрессивных общественных и научных позиций.
- ³⁰ Памяти Альбера Соболя (1914—1982). — Новая и новейшая история 1983, № 1, с. 199—202. См. также целиком посвященный А. Соболю номер журнала: Annales historiques de la Révolution française, 1982, N 250.
- ³¹ См.: Гавриличев В. А. Великая французская буржуазная революция конца XVIII в. в советской историографии (1917—1960). Библиогр. указатель. Казань, 1961.
- ³² См.: Дунаевский В. А. Советская историография новой истории стран Запада. 1917—1941. М., 1974, гл. II; Далин В. М. Изучение Великой французской революции в СССР. — В кн.: Далин В. М. Историки Франции.
- ³³ Проблемы якобинской диктатуры. — В кн.: Французский ежегодник. 1970 М., 1972; Ревуненков В. Г. Очерки по истории Великой французской революции. Якобинская республика и ее крушение. Л., 1983.
- ³⁴ Vovelle M. Une approche marxiste de la Révolution française. — La Pensée, 1981. N 220, p. 123.
- ³⁵ Histoire économique et sociale de la France. T. 111, vol. 2. P., 1976, p. 476.
- ³⁶ В целом ряде работ советских авторов дана обстоятельная критика этих концепций. См.: Соколова М. Н. Современная французская историография. М., 1969, гл. II; Афанасьев Ю. Н. Историзм против эклектики. М., 1980, гл. III, § 4; Далин В. И. Историки Франции, с. 241 и сл.; Адо А. В. Буржуазная ревизия истории Французской революции XVIII в. — В кн.: Социальные движения и борьба идей. М., 1982, с. 41—69; Ловчев В. М. Западногерманская буржуазная историография Великой французской революции. Автореф. канд. дис. Казань, 1983.
- ³⁷ Афанасьев Ю. Н. Указ. соч., с. 223.
- ³⁸ Манфред А. З. Великая французская революция. М., 1983, с. 419.
- ³⁹ Furet F. Faut-il célébrer le bicentenaire de la Révolution française? — L'Histoire, 1983, N 52, p. 74.
- ⁴⁰ Bulletin de la Commission Nationale de Recherche Historique pour le bicentenaire de la Révolution française, N 1. Novembre 1983. P., 1984.
- ⁴¹ Vovelle M. La Révolution française n'est pas un objet froid. — Révolution, 1983, N 176, p. 8.
- ⁴² Ibid., p. 6.
- ⁴³ Furet F. Op. cit., p. 71.
- ⁴⁴ Soboul A. Comprendre la Révolution. P., 1981, p. 379.
- ⁴⁵ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 34, с. 286; т. 37, с. 125; см. также: Воден А. М. Из воспоминаний. Беседа с Энгельсом. — В кн.: Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1969, с. 106.
- ⁴⁶ Материалы о защите были тогда же опубликованы в журнале «Критическое обозрение», 1879, № 9, с. 17—36; см. также: Вебер Б. Г. Труд И. И. Кареева «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в.». — В кн.: Вебер Б. Г. Историографические проблемы. М., 1974, с. 256—280.
- ⁴⁷ В 1909 г. Н. М. Лукин представил выпускное сочинение на тему «Падение Жиронды».
- ⁴⁸ См.: Далин В. М. Изучение Великой французской революции в СССР. — В кн.: Далин В. М. Историки Франции, с. 72 и сл.; Галкин И. С. Н. М. Лукин — революционер, ученый. М., 1984; Силаева М. В. Кафедра новой и новейшей истории стран Европы и Америки. — В кн.: Историческая наука в Московском университете. 1934—1984. М., 1984, с. 152 и сл.

К введению

¹ Les patrons, les ouvriers et l'état. Le régime de l'industrie en France de 1814 à 1830. T. I. P., 1912. p. 57.

² На 1776 год приходится пик реформаторской деятельности генерального

контролера финансов, фактически первого министра королевства Турго.

³ Наполеон не был ни сторонником теорий «просвещенного» и ни их реализатором. Для него эти теории являлись позавчерашними. Авторитарными методами он наводил порядок в уже вполне «хозяйстве».

⁴ Furet F., Richet D. La Révolution. Vol. 1—2, P., 1965—1978. P., 1978. Robert J. M. The French Revolution. et al. Развернутую критику этих работ см.: Адо А. Новая ревизия истории Французской революции XVIII в. — В кн.: Движения и борьба идей. М., 1982; Блуменау С. Ф. «Анналы» французской революции конца XVIII в. — Вестн. Моск. ун-та. II. № 3.

⁵ Guérin D. La lutte de classes sous la Première République. Vol. 1—II. P., 1968.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 102.

⁷ См.: Дилигенский Г. Г. Рабочий на капиталистическом Исследование по социальной психологии французского рабочего 1969; Он же. Некоторые методологические проблемы исследования больших социальных групп. — В кн.: Методологические проблемы психологии. М., 1975; Галкин А. А. Марксизм-ленинизм и профростования сознания рабочего класса. — В кн.: Атакующий класс. Дн 1973; Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 19

К главе 1

¹ К. Маркс писал о физиократах: «Фактически это первая си зирующая капиталистическое производство и изображающая в ит естественных законов производства те условия, в которых капитал и в которых он производит, но, с другой стороны, она выступает буржуазное воспроизводство феодальной системы, господства зем енности; промышленные же отрасли, в которых капитал раньше в самостоятельное развитие, кажутся ей «непроизводительными» отр а всего лишь придатками земледелия» (Маркс К. и Энгельс Ф ч. I, с. 20).

² Histoire économique et sociale de la France. T. II. P., 1970, p.

³ Les Cèvennes de la montagne à l'homme. Toulouse, 1979, p. 131.

⁴ Bouloiseau M. Préface. — In: Cahiers de doléances du baillage de Rouen pour les Etats généraux de 1789. P., 1957, p. XLVI

⁵ См.: Далин В. М. Мануфактурная стадия капитализма XVIII в. в освещении «русской школы». — В кн.: Люди и идеи. М темкин Ф. В. Промышленная революция во Франции. Т. с. 79—81.

⁶ Хроническая нерентабельность была свойственна государстве тям «королевским» мануфактурам.

⁷ См.: Потемкин Ф. В. Промышленная революция во Ф с. 146—148.

⁸ Gazette de France, 24.2.1786.

⁹ См.: Харрис Дж. Расхождение в технологии и промыш тии Англии и Франции до 1800 г. М., 1970, с. 7.

¹⁰ Vidalenc J. Quelques remarques sur le rôle des Anglais dar on industrielle en France, particulièrement en Normandie de 1750 à nales de Normandie, 1958, N 3, p. 275

¹¹ Ibid., p. 276—277.

¹² Мануфактуры первой категории нередко тоже носили это н Fremy. Histoire de la manufacture royale des glaces en France XVIII ss. P., 1909, p. 298.

¹⁴ Martin Saint-Léon E. Histoire des corporations de métier p. 551.

- 212

⁴⁸ Cahiers de doléances du baillage de Troyes et du baillage de
pour les Etats Generaux de 1789 Vol II Troyes 1909 N 30

⁴⁹ D'Argenson Mémoires — Цит по Les écrivains, témoin p. 1964, p. 93

⁵¹ Richelet P. Dictionnaire de la langue françoise ancienne et moderne.

⁵² Правда, следует отметить, что в XVIII в. само понятие «проект»

находилось в стадии конституирования. У людей того времени еще не было представления о типологическом единстве мира, «множестве» и «разнообразии».

представление о типологическом единстве мира «искусств и ремесел, домашнего производства и горного дела. Таким образом, говоря о про-

как совокупности всех этих трех видов производства, по отношению мы совершаем вынужденную модернизацию (Harsanyi P. De quand

Sée H. A. propos du mot «industrie» — *Revue historique*, 1925,

⁵³ Histoire générale de la presse française T I P, 1969, p. 171

⁵⁵ « Il ne laissa pas l'après-dînée d'aller chez plusieurs ouvriers »

он» — «После обеда он (Петр I — Е К) не преминул поехать ос-
 шие мастерские» (Saint Simon Mémoires Moscou 1976 p. 333).

⁵⁶ Verlet P. L'art du meuble à Paris au XVIIIe siècle P., 1968, t. 1, p. 108.

⁵⁷ Последовавшие после отмены реформы Тюрго эдикты о во-

корпораций в провинциях лишали права набирать учеников тех маст
которые не приобретут метризу нового образца

⁵⁸ Cahiers de doléances des corps et corporations de la Ville d'Alençon, 1789, p. 87.

⁵⁹ Chassin Ch-L. *Le Génie de la Révolution*. Les élections de 1863, p. 427-428.

⁸⁰ Morin P Dictionnaire complet françois et hollandois Amsterd.
S. 790 Подобная трактовка слова «оуугиер» во французско-голланд.

ре, видимо, объясняется тем, что с точки зрения укорененности в м
знании капиталистического духа Голландия XVIII в. опережала все

«благородно»-дворянскую Францию. Для голландцев XVIII в. раз-
лично-экономическом положении наемного работника и безземельного

ально-экономическом положении наемного работника и независимого
месленника была и более значимой, и более очевидной, чем для их
ков французов.

⁶¹ Lottin A Chavatte, ouvrier lillois Un contemporain de Lor

⁶² Рабочими себя называли мастера по пошиву парусов, корабе

ники, конопатчики, мастера по изготовлению весел (Cahiers de dolear
lage du Havre p 61, 108—109, Cahiers de doléances de la senechaus

⁶³ В Трива и Марселе в 1789 г. муниципальные власти дали раз

В Труа и Марселе в 1789 г. муниципальные власти дали раз
браться и выработать наказы не только полноправным мастерам хо
и подмастерьям. В Труа состоялись два таких собрания, на одном

ставлены рабочие всех основных ремесел за исключением трикотажного человека), на другом — только подмастерья трикотажного производства.

В Марселе в компании по выборам депутатов в Генераль

участвовали рабочие-конопатчики, сапожники, столяры и шляпники
собраниях сапожники, столяры и шляпники выработали наказы ис-
от подмастерьев, назовем их: сапожники, столяры и шляпники

178 102 Cahiers de doléances du baillage de Troyes, t I Troyes 190

178, 193, Cahiers de doléances de la senechaussee de Marseille , p 174)

⁶⁴ Cahiers de doléances du baillage de Troyes, t I p 178—179,
⁶⁵ Cahiers de doléances de la senechaussee de Marseille p 104

⁶⁶ Ibid, p. 67

⁶⁷ XVIII век не знал еще ни политических, ни всеобщих экономических стачек. Лионская стачка 1786 г., охватившая одновременно рабочих нескольких специальностей и переросшая в восстание, в этом плане чуть ли не единственное за весь XVIII век исключение. Забастовки устраивались ограниченным числом работников одной профессии и оставались внутренним делом определенной корпорации, определенного компаньонажа. Общественное звучание стачка приобретала обычно в том случае, если в конфликт вмешивались центральные или муниципальные власти. Тогда стачка нередко вызывала симпатию и у других работников. Но, пожалуй, чаще в XVIII в. стачки способствовали лишь укреплению микрогруппового единства рабочих и не вели еще к развитию макрогруппового сознания.

⁶⁸ Например, экономист начала XVIII в. Буагильбер писал: «Дух бунта и непокорства настолько распространился, что в торговых городах приходится сталкиваться со случаями, когда 700—800 рабочих (ouvriers) одного производства вдруг покидают мастерские, бросают незаконченную работу единственно по той причине, что им хотели на одно су уменьшить оплату...» (Boisguillebert *Traité de grains*. — Цит. по: *Histoire économique et sociale de la France*, vol. II, p. 683).

⁶⁹ Guiraud P. *Patois et dialectes français*. P., 1968, p. 27. Это обследование осуществлялось по прямому предписанию Учредительного собрания. Депутат собрания аббат Грегуар разослал во все концы страны анкету с вопросами о степени распространенности различных говоров, об употреблении французского языка, о состоянии народного образования. Ответы были получены почти из всех областей и провинций Франции (Gaziez. *Lettres à Grégoire sur les patois en France*. — *Revue des langues romanes*, 1874—1879, t. V—XV, série I 3; Ону А. Выборы 1789 года во Франции и наказы третьего сословия с точки зрения их соответствия истинному настроению страны. Ч. I. СПб., 1908, с. 402—407).

⁷⁰ Brunot F. *Histoire de la langue française des origines à 1900*. T. III. P., 1947, p. 243—245.

⁷¹ Marry-Lafon M. *Tableau historique et littéraire de la langue parlée dans le midi de la France*. P., 1842, p. 194, 196—197, 210—211.

⁷² Так, даже из Бордо Грегуару сообщали, что в городе торговли седелками, носильщики, прислуга и вообще низшие слои продолжают говорить на гасконском наречии, являющемся смесью латинского, испанского и английского языков и лишь постепенно приближающемся к французскому, в деревнях же гасконское наречие господствует (Ону А. Указ. соч., с. 404).

⁷³ Brunot F. *Op. cit.*, t. III, p. 276.

⁷⁴ В коллективной собственности корпораций нередко находилось и вполне материальное имущество: складские помещения, дома. Так перед революцией корпорации марсельских грузчиков (porte-faix) принадлежали лавка на улице Монброн и жилой дом на улице Соль (De Regis de la Colombière M. *Les patronales et usages des corporations et associations qui existaient à Marseille avant 1789*. P. — Marseille, 1863, p. 123—124).

⁷⁵ *Cahiers de doléances des corps et corporations de la ville d'Alençon...*, p. 87.

⁷⁶ *Cahiers de doléances de la sénéchaussée de Marseille...*, p. 85.

⁷⁷ *Ibid.*, p. 71.

⁷⁸ *Les patrons, les ouvriers et l'état. Le régime de l'industrie en France de 1814 à 1830*. P., 1922, p. 9—11.

⁷⁹ Hauser H. *Les Compagnonnages d'arts et métiers à Dijon aux XVII et XVIII siècles*. P., 1907, p. 6.

⁸⁰ Наиболее полный список профессий, в которых имелись компаньонажи, см.: Baguet P., Guiraud J. N. *Ils voyageaient la France. Vie et traditions des compagnons du Tour de France au XIX siècle*. P., 1980, p. 401—404.

⁸¹ Записи этого тайного языка сохранились в рукописных заметках одного из первых исследователей истории французских рабочих П. Венсара (см.: ИПА, ф. 250, оп. 1, д. 10, л. 40). В XIX в. он стал общеизвестным в рабочей среде, некоторые слова и выражения компаньонов прочно вошли в рабочий жаргон. Хозяина предприятия во Франции и сейчас рабочие очень часто в своем кругу называют обезьяной.

⁸² Bluche F. *La vie quotidienne au temps de Louis XVI*. P., 1980, p. 261—265.

⁸³ *Cahiers de doléances de la sénéchaussée de Marseille...*, p. 174.

⁸⁴ Cavignac J. *Le compagnonnage dans les luttes ouvrières au Xe s. L'exemple de Bordeaux*. — *Bibliothèque de l'Ecole des chartes*, 1968, 2 livr., p. 380.

⁸⁵ См.: Брюа Ж. *История рабочего движения во Франции*. М.

⁸⁶ *Histoire économique et sociale de la France*, t. II, p. 678.

⁸⁷ Queniat J. *Culture et société dans la France de l'ouest au 1er siècle*. T. I. Lille, 1977, p. 249.

⁸⁸ *Ibid.*, p. 251.

⁸⁹ О посещении парижскими рабочими театра итальянской комедии Лаграве Н. *Le théâtre et le public à Paris de 1715 à 1750*. P., 1972.

⁹⁰ О будущем генерале революции Гоше, служившем в юности кочем дядя Мерльер писал: «Он жил у нас два года, и мы все время замечательно днем или ночью он читал больших авторов вроде Вольтера, Жюль и прочих...» (Цит. по: Mornet D. *Origines intellectuelles de la France (1715—1787)*. P., 1934, p. 428—429).

⁹¹ Цит. по: Mornet D. *Op. cit.*, p. 426.

⁹² *Cahiers de doléances de la sénéchaussée de Marseille...*, p. 104.

⁹³ *Ibid.*, p. 174.

⁹⁴ Цит. по: Babel A. *Les artisans et les domestiques d'autrefois*.

⁹⁵ *Oeuvres complètes d'Alexis de Tocqueville*, t. VIII. P., 1865, p. 53.

⁹⁶ Мерсье Л.-С. *Картины Парижа*. Вып. 1. М.—Л., 1935, с.

⁹⁷ *Cahiers de doléances de la sénéchaussée de Marseille...*, p. 3.

⁹⁸ *Ibid.*, p. 81.

⁹⁹ Queniat J. *Op. cit.*, p. 233—234.

¹⁰⁰ *Histoire générale de la presse française*, t. I, p. 171.

¹⁰¹ Rocquain F. *L'esprit révolutionnaire avant la révolution. 1715—1878*, p. 131. (Павалык — убийца короля Генриха IV).

¹⁰² Bluche F. *Op. cit.*, p. 18.

К главе 2

¹ Soboul A. *Precis d'histoire de la Révolution française*. P., 1962, p. 2. См.: Люблинская А. Д. *Французское крестьянство в XVI—XVII вв.*, 1978, с. 18.

³ Labrousse E. *Esquisse du mouvement des prix et des revenus au XVIII siècle*. T. I. P., 1933.

⁴ Soboul A. *La civilisation et la révolution française. Part II. La France*. P., 1982, p. 214.

⁵ Rudé G. *The crowd in the French revolution*. L.—N. Y., 1967, p.

⁶ Мифы и крайний эмпиризм в массовом сознании составляют при симбиозе, конкретными деталями подкрепляются легенды и наоборот.

⁷ Rudé G. *Op. cit.*, p. 31—32.

⁸ Brun V. *Guerres maritimes de la France: Port de Toulon. Ses administrations depuis son origine jusqu'à nos jours*. T. II. P., 1861, p.

⁹ См.: Чеканцева З. А. *Народные движения во Франции накануне революции конца XVIII в.* — *Новая и новейшая история*, 1958, с. 66.

¹⁰ См.: Тарле Е. В. *Соч.* в 12-ти томах. Т. 2. М., 1957, с. 368; Чеканцева З. А. *Указ. соч.*, с. 70.

¹¹ См.: Чеканцева З. А. *Указ. соч.*, с. 63.

¹² Цит. по: Чеканцева З. А. *К истории народных движений во время революционной ситуации 1787—1789 гг.* — В кн.: *Проблемы и новейшая история*. М., 1978, с. 108.

¹³ Лотте С. А. «Дело Ревельона». — В кн.: *Французский 1789*. М., 1959, с. 91—92.

¹⁴ Выборы в Париже в Генеральные Штаты в 1789 г. (Из писем к Дюма). — *Красный архив*, 1939, № 3 (94), с. 177.

¹⁵ Rudé G. *Op. cit.*, p. 37.

- 16 Мари Жанну Трюмо помиловали ввиду ее беременности
17 Rude G Op cit p 39, Лотте С Д Указ соч с 99
18 Les elections et les cahiers de Paris en 1789 Doc recueil et annot par
Ch I Chassin Vol 3 P 1889, p 53
19 См Тарле Е В Соч в 12 ти томах, т 2, с 31
20 Cahiers de doléances de la senechaussée de Marseille pour les Etats Gene
raux de 1789 Marseille 1908 p 104
21 Цит по Люблинская А Т Бастиния и ее архив — В кн Ф д
цузский ежегодник 1958 М, 1959, с 114
22 Galard de Montjoye Histoire de la Revolution de France et de la
semblée nationale P 1792 — Цит по Godechot J La prise de la Bastille
P 1965 p 229
23 Soreau E Ouvriers et paysans de 1789 a 1792 P 1936 p 105
24 Бабелф Г Соч в 4-х томах Т I М, 1975, с 231—232
25 Godechot J Op cit p 235
26 Ibid p 242
27 Memoires de Bailly — Цит по Godechot J Op cit p 417
28 Кропоткин П А Великая французская революция 1789—1793 М
1979, с 71
29 См Тарле Е В Соч в 12 ти томах, т 2, с 54
30 См там же, с 56
31 Rude G Op cit p 65
32 См Тарле Е В Соч в 12 ти томах т 2, с 53
33 В двадцатых числах августа в Пале Рояле за оскорбление националгон
гвардии и призыв к мятежу был арестован безработный повар Э Жерве «Вся
эта буржуазная гвардия и прочая публика таскающая форму — выкрикиват
он — че более чем куча дерьма, десятка слуг достаточно чтобы устроить бал
карнавал всеу этому отродю, вырядившемуся в синие сюртуки с батыми от
воротами, все эти буржуа, все без единого исключения — дерьмо! Если бы в
Париже 60 тысяч слуг могли объединиться с рабочими всяких профессий все
эти типы попрытались бы по домам вместе со своей дерьмовой формой» Жерве
был приговорен к девяти годам галер хотя в прежние времена за тот же
ступок он получил бы не более двух лет тюрьмы (Rude G Op cit p 65)
34 События Великой французской революции в литературной корреспонден
ции Бтен де Сенмора (Публикация Е И Лебедевой) — В кн Французский
ежегодник 1981 М 1983 с 226
35 Rude G Op cit p 67
36 Ibidem
37 Rude G Op cit p 68
38 Cahiers de plaintes et doléances des dames de la Halle et des marches de
Paris P 1789 p 4—5
39 Fournier l'Heritier Cl Memoires secrets de Fournier l'Americain
P 1890 p 27
40 Цит по Rude G Op cit p 77
41 У дворянства был шанс сохранить в обществе и государстве мощные
политические позиции, сплотившись как специфическая социальная группа с
мельных собственников Дворянство же подобно третьему сословию стремилось
быть всем Данное стремление к полной гегемонии в обществе формально под
креплялось социальной разнородностью французского дворянства конца XVIII в
но то была дезинтегрирующая разнородность
42 Французы лишённые права участия в выборах, стали называться пассив
ными гражданами
43 Цит по Тарле Е В Соч в 12 ти томах, т 2, с 154—155
44 Там же, с 159
45 Hampson N Les ouvriers des arsenaux de la marine au cours de la Re
volution Française (1789—1794) — Revue d'histoire economique et sociale 1961
N 3 p 304
46 См Гобель Г События А Распространение идей Руссо и истоще
вание руссоизма По атьманахам времен Великой французской революции —
В кн Французский ежегодник 1978 М, 1980
47 Williams G A Artisans and Sans culottes L 1968 p 28
48 Mathiez A Le club des cordeliers pendant la crise de Varennes
massacre du Champ de Mars P 1910 p 6
49 Ревуненков В Г Парижские санкюлоты эпохи Великой буржу
революции Л, 1971, с 16
50 См Ревуненков В Г Указ соч, с 17
51 Vovelle M La chute de la monarchie, 1787—1792 P, 1972, p 199
52 dechot J La Societe Française pendant la Revolution — In Histoire
societe française P 1953
53 Mathiez A Op cit p 26
54 Ibid p 15 Ж П Марат характеризовал К Дансара как «усыпител
торый делает много шума по пустякам»
55 Mathiez A Op cit p 19
56 См Ревуненков В Г Очерки по истории Великой французско
волюции Падение монархии 1789—1792 Л, 1982, с 97
57 Жорес Ж Социалистическая история французской революции
кн 2 М, 1977, с 299
58 Сочинения Крамзина Т 3 М, 1820, ч 3, с 126—127
59 L'ami du peuple 1791 N 374
60 Aulard A Histoire politique de la revolution française P, 1909, p
61 Rude G Op cit, p 81
62 Ассигнаты — бумажные деньги, обеспеченные национальными имуще
ми С 6 мая 1791 г казначейство начало выпускать мелкие купюры по 5
рсов Подробнее об ассигнатах см Фальккер С А Бумажные деньги Ф
цузской революции (1789—1797) М, 1919, Дагин С А Инфляция в
социальных революций М, 1983
63 Babilard 36 1791, N 1 («Babilard» новая газета либера
монархического направления, начавшая выходить с июня 1791 г, подробно
щала политические споры, столкновения, возмущения, что в ту пору так
случались на улицах Парижа Газета также уделяла много внимания по
ческим дискуссиям в парижских кафе и в садах Тюильри и Пале Рояля)
64 Послушать ораторов Пале Рояля постоянно приходили большие гр
работных (Babilard 5 6 1791)
65 Babilard 5 6 1791
66 Высказывание Талейрана — Цит по Тарле Е В Соч в 12 ти тс
T 11 М, 1961, с 33
67 Papiers de Chaumette, publ avec une introduction et des notes
F Braesen P 1908 p 106
68 См Тарле Е В Соч в 12 ти томах, т 2, с 181
69 Марат Ж П Избранные произведения Ч III М, 1956, с 14
70 Цит по Ревуненков В Г Очерки по истории Великой француз
революции, с 128
71 Rude G Op cit p 83
72 Babilard 25 6 1791
73 Rude G Op cit p 85
74 Histoire parlementaire de la Revolution française ou Journal des asse
lees nationales depuis 1789 jusqu'en 1815 T XI P 1834, p 113
75 Rude G Op cit p 90—91
76 Ibid p 91
77 Babilard 6 8 1791
78 Monnier R Le Faubourg Saint Antoine (1789—1815) P 1981 p 12
79 Babilard 2 8 1791
80 Babilard, 7 8 1791
81 Уже в августе 1791 г газета «Babilard» отмечала «Все время ходят
хи о готовящихся вооруженных восстаниях» (Babilard 7 8 1791) Но тогда эти слухи казались
преувеличенными
82 Он говорит «Знаете ли вы, что подымает против Франции поч Евро
Это мысль, что рано или поздно мы перендем к республиканской системе
тогда страна будет залита кровью граждан, погибнет собственность и страна
останется от когоне своего троиз Газеты за рубежом пишут, что горсть бун
шников навязывает во всю Европу свои идеи и законодательство, собирая
эmissары этих бунтовщиков провозвещают аграрный закон в городах и селах

суверенитет народа узурпирован несколькими тысячами сбитых с толку людей, которые вообразили себя олицетворением нации. За рубежом справедливо боялись, как бы злодеи, подстрекающие рабочих на восстание, не привели к чему-то нашему прекрасное королевство и зло этой чудовищной эпидемии не проникло бы и к соседним народам» (Babillard, 4.8.1791).

⁸² См. подробнее: Манфред А. З. Великая французская революция. М., 1983, с. 117.

⁸³ См.: Робеспьер М. Избранные произведения. Ч. I. М., 1965, с. 182.

⁸⁴ В конце XVIII в. кофе являлся предметом массового потребления горожан. Утром, отправляясь на работу, парижские рабочие часто подкрепляли кофе с молоком. Прямо на перекрестках улиц им торговали (по 2 соля за чашку) «кофейные барышни» с большими белыми бидонами (Aubert R. En pantalouilles sous la terreur. Reflexions et commentaires sur le Journal d'un bourgeois de Paris. 1791—1796. P., 1974, p. 23).

⁸⁵ Rudé G. Op. cit., p. 107.

⁸⁶ Godechot J. Fragments des mémoires de Charles-Alexis Alexandre Sur les journées révolutionnaires de 1791 et 1792. — Annales historiques de la Révolution française. 1952, N 126, p. 176.

⁸⁷ См. о сентябрьских избиениях: Caron P. Les massacres de septembre. P., 1935.

⁸⁸ Нам представляется неверным распространенное в исторической литературе мнение, что санкюлотизм как социально-политический феномен возник в 1789 г. Еще Ф. Энгельс в письме к К. Каутскому по поводу его статей о французской революции в «Neue Zeit» писал: «...следовало бы все же в той или иной мере упомянуть, каким путем эти стоящие вне сословного порядка и по этому относительно бесправные, стоящие вне закона плебей лишь в ходе революции постепенно пришли к тому, что ты называешь «санкюлотизмом» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 126).

⁸⁹ Как утверждал Л.-С. Мерсье, слово «санкюлот» появилось еще до революции: некий поэт Жильбер, известный разве что своей исключительной бедностью, опубликовал пасквиль на философов; в ответном памфлете Жильбера обзывали санкюлотом (сочинение так и называлось: «Санкюлот»). С тех пор в литературной среде некоторое время санкюлотами звали всех убого одетых а торгов. Это уничижительное прозвище бедняков вновь появилось во время революции (Bignot F. Histoire de la langue française des origines à 1900. T. IX. P., 1937, p. 716).

⁹⁰ Babillard, 7.6.1791.

⁹¹ Газета «Babillard», возможно, несколько утрируя факты, рассказывает следующую незатейливую историю, происшедшую в августе 1791 г. Некто А. Кретьен, торговец лимонадом, известный своими пламенными речами в саду Тюильри, как-то раз пришел в баню, но свободных мест не оказалось. Возмущенный, он стал ругать владельца бани, а затем обрушился и на власти муниципалитета, департамент, Национальное собрание. Банщик попросил посетителя уюмониться. На это Кретьен с еще большим возмущением возопит: «Чего мониться!? Кому? Мне? Да ни за что. Я якобинец, кордельер, бешеный!» Затем он вытащил из кармана пистолет и объявил, что эту игрушку он приберегает на тот случай, если кому-нибудь изобретет в голову его оскорбить («Babillard», 4.8.1791). Как видим, Кретьен, явный санкюлот и по отношению к властям предержащих, по манерам, в 1791 г. называл себя якобинцем, кордельером, бешеным, а не санкюлотом.

⁹² Характерную в этом отношении историю рассказал в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзин. В марте 1790 г. жители маленькой деревушки в горах Юры чуть не убили трактирщика за неосторожные слова о нации. Трактирщик спяну объявил, что он «плюет на нацию». «Все патристы взволновались и хотели его повесить; однакож, наконец, умилились, дали ему проспать и принудили его... публично в церкви на коленях просить прощения у милостивого Господа» (Сочинения Карамзина, т. 3, ч. 3, с. 46).

⁹³ Цит. по: Vovelle M. La chute de la monarchie..., p. 249.

⁹⁴ Цит. по: Тэн И. История французской революции. Ч. 5. Харьков, 1912, с. 114.

⁹⁵ Цит. по: Tonneson K. D. La defaite des sans-culottes. Mouver laire et reaction bourgeoise de l'an III. Oslo—P., 1959, p. XVIII.

⁹⁶ В письме от 7 мая 1793 г. к А. Шометту, прокурору революционной мумы Парижа, Бабеф, характеризуя депутатов Конвента, через ряд косвенно определяет свое представление об истинных санкюлотах: «Нет среди вас настоящих санкюлотов!... Почти ни один из вас не из подлинного третьего сословия!... Третье сословие не представлено в Нет, почти ни один из вас, это видно, никогда не испытал раздирающих нужды...» (Бабеф Г. Сочинения. Т. 2. М., 1976, с. 378).

⁹⁷ В своей газете «Pere Duchesne» Эбер писал: «Хотите увидеть культотства, отправляйтесь на чердаки, где ютятся рабочие» (Цит. Буль А. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. Наружение и революционное правительство 2 июня 1793 года — 9 термидора, 1966, с. 233).

⁹⁸ Soboul A. Problèmes du travail en l'an II. — Annales historiques de la Révolution française, 1956, N 144, p. 241.

⁹⁹ Révolutions de Paris, 23—30.3.1793.

¹⁰⁰ См.: Собыль А. Указ. соч., с. 298—300.

¹⁰¹ См.: там же, с. 239—240.

¹⁰² См.: Собыль А. Указ. соч., с. 240—241.

¹⁰³ Monnier R. Op. cit., p. 134.

¹⁰⁴ Monnier R. Op. cit., p. 134.

¹⁰⁵ См.: Собыль А. Указ. соч., с. 241—242.

¹⁰⁶ По переписи 1789 г., проведенной в связи с созывом Генералитов, население Парижа составляло 524 186 человек; по данным переписи за II—III год Республики, в городе было 640 504 жителя; продолжая администрация Парижа, исходящая в своей работе из числа считала их в III год Республики 636 772 человека (см.: Собыль А. с. 234).

¹⁰⁷ Braesch F. Essai de statistique de la population ouvriere de 1791. — La Revolution française, 1912, t. 63, p. 288.

¹⁰⁸ Rudé G. Op. cit., p. 123.

¹⁰⁹ О восстании 31 мая — 2 июня см.: Гордон А. В. Роль секций и их Центрального революционного комитета в восстании 2 июня 1793 г. — В кн.: Французский ежегодник. 1963. М., 1964.

¹¹⁰ См.: Тонкова-Яковлева Р. М. Движение народных масс в сентябре 1793 г. — В кн.: Из истории общественных движений и их отношений. М., 1957.

¹¹¹ Собыль А. Указ. соч., с. 119.

¹¹² Cobb R. Note sur la repression contre le personnel sans-culot à 1801. — Annales historique de la Révolution française, 1954,

¹¹³ Rudé G. Op. cit., p. 146—147.

¹¹⁴ Существовало как бы негласное разделение функций: идеологическое и необходимость реорганизации власти брали на себя якобинцы (в первом случае совместно с жирондистами) после того как выявлялись Париже и в стране новая расстановка сил, добивались ее законодательного признания. Санкюлоты и их неизвестные или малоизвестные вожаки готостания и добивались их победы, чтобы затем уступить власть более последовательной политической группировке.

¹¹⁵ Советские историки и политологи неоднократно отмечали организационную взаимосвязь между идеологией и политической организацией. «Партии, А. С. Маныкин, — появились вместе с общенациональными задачами, в которых требовалась сравнительно большая организация и программы, сформулированной в той или иной форме, или, говоря иными словами, идеологически. Именно наличие последней цементирует ряды партии, делает ее единой организацией. От того, насколько эта база соответствует задачам, стоящим перед обществом, в первую очередь и зависит существование партии...» (Маныкин А. С. История двухпартийной системы США. М., 1964, с. 114). См. также: Дементьев И. П., Сограин В. В. О роли идеологии двухпартийной системы США. — Новая и новейшая история, 1980, №

¹¹⁶ См.: Люблинский В. С. Народное движение 1775 г. и про

ранних плебейских и крестьянских выступлений — В кн Из истории якобинской диктатуры Одесса 1962, Rude G La taxation populaire de mai 1793 a Paris et dans la region parisienne — Annales historiques de la Revolution française 1956 N 143/2

¹¹⁷ Mathiez A La vie chere et le mouvement social sous la terreur P, 1927 p 37

¹¹⁸ Петиция парижской секции Гобеленов от 23 января 1792 г — Цит по Mathiez A La vie chere p 42

¹¹⁹ Одна из сложностей анализа политических процессов времен Великой революции заключается в том, что политические группировки за предельно короткий срок меняли свой состав и свою программу, сохраняя одно и то же название

¹²⁰ См Гордон А В Указ соч, с 42

¹²¹ Sainte Claire Deville P La Commune de l'an II P, 1946

¹²² Этот первый механизм прямой демократии многократно описывался историками К примеру, в статье Н И Владимировой рассматривается такой факт: обсудив декрет, снимавший вину с «беглеца» Людовика XVI, возмущенная толпа из цирка Пале Рояля направилась в клуб якобинцев, чтобы добиться осуждения короля-клятвопреступника (см Владимиров Н И Якобинский клуб в дни Вареннского кризиса лета 1791 г — В кн Из истории якобинской диктатуры Одесса, 1962, с 255)

¹²³ Соболев А Указ соч, с 268

¹²⁴ Mathiez A Le dix aout P, 1931, p 72

¹²⁵ См Гордон А В Указ соч, с 49, 53, See A Le procès Pache P 1914 p 147

¹²⁶ См Захер Я М Движение «бешеных» М, 1961

¹²⁷ Soreau E Op cit, p 138

¹²⁸ Ibid p 160

¹²⁹ Coornaert E Les compagnons en France du moyen âge a nos jours P, 1966 p 56

¹³⁰ Soreau E Op cit, p 230

¹³¹ Coornaert E Op cit, p 56

¹³² Цит по Coornaert E Op cit, p 57.

¹³³ Ibid p 57

¹³⁴ Coornaert E Op cit, p 55

¹³⁵ Benoist L Le compagnonnage et les metiers P, 1975 p 36—37

¹³⁶ Barret P, Gurgand J N Ils voyageaient la France Vie et traditions des compagnons du Tour des France au XIX siecle P, 1980, p 401—404

¹³⁷ Cavignac J Le compagnonnage dans les luttes ouvrières au XVIII siecle L'exemple de Bordeaux — Bibliotheque de l'Ecole des chartes, 1968 t CXXVI 2 livr p 379

¹³⁸ Встречается и другое название членов этого компаньонажа — «дети Соломона» Согласно легенде о происхождении этого девиара, он, как и все прочие истинные компаньонажи, был создан во время постройки Иерусалимского храма, а его основателем был царь Соломон (см Брюа Ж История рабочего движения во Франции М, 1953, с 79)

¹³⁹ Benoist L Op cit p 31 Правда следует отметить, что четов каких-либо конфессиональных различий между компаньонажами в XVIII—XIX вв не осталось Столярный подмастерье, автор нескольких книг и брошюр о компаньонажах А Пердигье писал в начале XIX в «Компаньон — космополит он где-то чувствует себя как дома, и все члены его компаньонажа — ему земляки Не важно где ты родился: белое твоё лицо или черное, желтое красное, медно-морское, Ману Магомет или Иисус — твой пророк, твой Бог все это — ты, но, в своем компаньонстве ты земляк, соотечественник, брат Мне приходится видеть как испанцы немцы американцы бельгийцы швейцарцы итальянцы ссорятся, марокканцы на наших выборах одерживали верх над французами и становились первыми компаньонами капиталистического общества» (Perdigier A Methodes du compagnon Mouins, 1914 p 104)

¹⁴⁰ Coornaert E Op cit p 80

¹⁴¹ Soreau E Op cit p 140

¹⁴² Корпорации были ликвидированы законом от 17 марта 1791 г. Этот

закон, безусловно, также способствовал укреплению индивидуалистических и тяги к предпринимательству в части рабочих

¹⁴³ Soreau E Op cit, p 139

¹⁴⁴ Procès Verbaux des comités d'agriculture et de commerce de la te, de la Legislative et de la Convention, publ par F Gerbaux Ch Sc P, 1906 p 426

¹⁴⁵ См Тарле Е В Соч в 12 томах, т 2, с 104—109

¹⁴⁶ Vernes (de Geneve) Le Voyageur sentimental en France sous le T I Geneve—P, an VII de la Republique, p 20

¹⁴⁷ Цит по Robiquet J La vie quotidienne au temps de la Revolution 1938, p 140

¹⁴⁸ Voilquin S Souvenirs d'une fille du peuple ou la sainte Egypte 1834 a 1836 par Madame Suzanne V P, 1866 p 29

¹⁴⁹ Ibid p 29—31

¹⁵⁰ Иногда происходили забастовки у рабочих разных специальностей, в которых участвовали различные слои трудящихся того или иного города, но при этом срабатывал скорее механизм чувства солидарности

¹⁵¹ Jacques J Vie et mort des corporations Greves et luttes sous l'ancien regime P 1948 p 99

¹⁵² См Тарле Е В Соч в 12 томах, т 2, с 104

¹⁵³ В каменноугольном бассейне Литтри в марте 1792 г пятеро отказались работать в штреке, затопленном водой, а также потребовать размеры корзин для переноски вырубленного угля Их уволил следующий же день на шахте, где они работали, объявили (Lefebvre G Les mines de Littry sous l'ancien regime et pendant l'annee de la Revolution (1744—1793) — Annales historiques de la Revolution française 1926 N 13, p 31)

¹⁵⁴ Lefebvre G Les mines de Littry de 1793 a l'an VIII — Annales de la Revolution française, 1926, N 14 p 120

¹⁵⁵ См Коробочко А Е Из истории социальных движений в первой половине XVIII в — В кн Французский ежегодник 196 с 47, 49

¹⁵⁶ Полный текст закона приведен в кн Жорес Ж Социальная история французской революции Т I, кн 2 М, 1977, с 219—221 С Шапелье см Сытин С Л Закон Ле Шапелье в оценке современной и новейшей истории, 1969, № 4

¹⁵⁷ Levasseur E Histoire des classes ouvrières et de l'industrie T I P 1903 p 27—29

¹⁵⁸ Lanzac de Laborie L de Paris sous Napoleon Le Mouvement du Travail P, 1910, p 318—340, Votiere G Les ouvriers sous l'Empire — Revue des Etudes napoleoniennes 1963 juillet—sept

¹⁵⁹ Chauvet P Les ouvriers du livre en France de 1789 a la fin de la Federation du livre P 1964, p 9, Bourdin J Les sociétés de Paris pendant la Revolution P 1937, p 117

¹⁶⁰ Bourdin J Op cit p 117

¹⁶¹ Ibid p 117—118

¹⁶² См Иоаннисян А Р Коммунистические идеи в годы Великой французской революции М, 1966, с 221—222

¹⁶³ Bourdin J Op cit p 119

¹⁶⁴ См Маркс К, Энгельс Ф Соч, т 23, с 751—752

К главе 3

¹ Цит по Dansette A Naissance de la France sous le Soreau P 1906 p 11

² «Как мелкое крестьянское хозяйство так и разоруженное ремесленное производство частично образует базис феодального способа производства, но не его разложение продолжают существовать наряду с капиталистическим производством» (Маркс К и Энгельс Ф Соч, т 23, с 34)

- ³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 384.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Statistique de la France publiée par le ministre des travaux publics, de l'agriculture et du commerce. P., 1837, p. 125.
- ⁶ Annuaire statistique et historique du département de la Haute-Saône. Vesoul 1833, n. 102—104.
- ⁷ Statistique de la France par le ministre de l'intérieur de l'agriculture et du commerce. Vol. 1—4. P., 1847—1852. В издании, как и в «Statistique de la France...» (P., 1837), приводятся сведения только о провинциальной промышленности.
- ⁸ Moreau de Jonnes A. Statistique de l'industrie de la France. P., 1856.
- ⁹ Statistique de la France. Industrie. P., 1847, p. XVIII. Авторы обследования не всегда строго следовали этому критерию: на первых же страницах «Statistique de la France» в списке предприятия лильского округа указаны промышленные заведения с числом рабочих менее 12.
- ¹⁰ Так как наибольший интерес для нас представляет социальный аспект истории промышленности, важнейшими отраслями мы считаем те, в которых было сосредоточено наибольшее количество рабочих.
- ¹¹ Статистика. М., 1969, с. 261.
- ¹² Levasseur E. Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France de 1789 à 1870. Vol. II. P., 1904, p. 100.
- ¹³ Gilie B. Recherches sur la formation de la grande entreprise capitaliste (1815—1848). P., 1959, p. 27.
- ¹⁴ См.: Потемкин Ф. В. Промышленная революция во Франции. Т. I. М., 1971, с. 266—281.
- ¹⁵ Statistique de la France. Industrie. P., 1852, p. 322—323.
- ¹⁶ Villermé L.-R. Tableau de l'état physique et moral des ouvriers employés dans les manufactures de coton, de laine et de soie. Vol. I. P., 1840, p. 16.
- ¹⁷ Dupin Ch. Forces productives et commerciales de la France. Vol. I. P., 1827, p. 147—148; Encyclopédie du commerçant. Dictionnaire du commerce et des marchands. Vol. I. P., 1855, p. 75.
- ¹⁸ Villermé L.-R. Op. cit., vol. I, p. 207.
- ¹⁹ Statistique de la France. Industrie. P., 1852, p. 348—349.
- ²⁰ Эти отрасли традиционно рассматриваются как единое целое в силу почти полной идентичности их технологических характеристик.
- ²¹ См.: Кожокин Е. М. К истории фабрично-заводского пролетариата во Франции в 30—40-е годы XIX в.— В кн.: Проблемы новой и новейшей истории. М., 1979, с. 117.
- ²² Подсчитано по: Statistique de la France. Industrie. P., 1852, p. 330—331.
- ²³ Villermé L.-R. Op. cit., vol. I, p. 19.
- ²⁴ См.: Ерофеев Н. А. Народная эмиграция и классовая борьба в Англии в 1825—1850 гг. М., 1962, с. 97.
- ²⁵ Цит. по: Потемкин Ф. В. Указ. соч., т. I, с. 326.
- ²⁶ Gaspard P. La fabrique au village. — Mouvement social, 1976, N 97, p. 17.
- ²⁷ Vanier H. La mode et ses métiers. P., 1960, p. 34.
- ²⁸ См.: Потемкин Ф. В. Указ. соч., т. I, с. 381—382.
- ²⁹ Dictionnaire de l'industrie manufacturière, commerciale et agricole. Vol. 7. P., 1938, p. 361—363.
- ³⁰ Vial J. L'industrialisation de la sidérurgie française 1814—1864. P.—La Haye, 1967, с. 141.
- ³¹ Hardach G. H. Der soziale Status des Arbeiters in der Frühindustrie. — *Sozialwissenschaft*, 1970, S. 2.
- ³² Золя Э. Собрание сочинений. Т. 18. М., 1957, с. 120.
- ³³ Demidoff A. de Voyage dans la Russie. P., 1840, p. 8.
- ³⁴ См.: Золя Э. Собрание сочинений, т. 18, с. 40; Reybaud L. La Ferrière. P., 1874, p. 20.
- ³⁵ Fleury G. Petit J. Traité de la fabrication de la fonte. Vol. 1. P., 1852, p. 223.
- ³⁶ Vial J. Op. cit., p. 145. (Подсчитано на основании данных его таблицы).
- ³⁷ См.: Данилевский В. В. Очерки истории техники XVIII—XIX вв. М.—Л., 1934, с. 192—193.
- ³⁸ Vial J. Op. cit., p. 115.
- ³⁹ Ibid., p. 114. Металлургические предприятия имелись в 46 департаментах Франции (см.: Потемкин Ф. В. Указ. соч., т. I, с. 365).
- ⁴⁰ Подсчитано по: Statistique de la France. Industrie. P., 1852, p. 322.
- ⁴¹ Цит. по: Vial J. Op. cit., p. 145.
- ⁴² Gossez R. Diversité des antagonismes sociaux vers le milieu du XIXe s. — Revue économique, 1956, mai.
- ⁴³ Statistique de la France. Industrie. P., 1852, p. 296—297.
- ⁴⁴ Baillet Ch. L'introduction du machinisme dans l'industrie française. P., 1923, p. 493.
- ⁴⁵ Schnitzler J.-H. Statistique générale de la France comparée des grandes puissances de l'Europe. Vol. III. P., 1846, p. 312.
- ⁴⁶ Moreau de Jonnes A. Op. cit., p. 245.
- ⁴⁷ Gaillard J. Les usines Cail et les ouvriers métallurgistes de France. Mouvement social, 1961, N 33/34, p. 31.
- ⁴⁸ Daumard A. L'évolution des structures sociales en France à l'industrialisation. (1815—1914). — Revue Historique, 1972, N 502, p. 437.
- ⁴⁹ Журнал мануфактур и торговли, 1843, ч. IV, № 11—12, с. 437.
- ⁵⁰ Техника в ее историческом развитии. М., 1979, с. 202.
- ⁵¹ Statistique de la France. Industrie. P., 1852, p. 296—297.
- ⁵² Valicour E. de. Nouveau manuel complet du tourneur. P., 1843, p. 177—178; Jariez J. Cours élémentaire de mécanique industrielle. P., 1843, p. 168—169.
- ⁵³ См.: Черепнев А. И. Из истории металлообработки (технология изготовления токарного режущего инструмента в XVIII в.). — В кн.: История естествознания и техники, т. 29. М., 1960.
- ⁵⁴ Statistique de la France. Industrie. P., 1852, p. 296—297.
- ⁵⁵ Schnitzler J.-H. Op. cit., vol. III, p. 314.
- ⁵⁶ Именно вследствие этого де Валикур в своем учебнике уделял значительное место описанию обработки металла с помощью простейших инструментов: напильника, метчика, винтовой доски и т. п. (Valicour E. Op. cit.).
- ⁵⁷ Schnitzler J.-H. Op. cit., vol. III, p. 303.
- ⁵⁸ Dubrunfaut. Art de fabriquer le sucre de betteraves. P., 1843, p. 47; Baudrimont A. Op. cit., vol. II, p. 660.
- ⁵⁹ Helot J. Op. cit., p. 56.
- ⁶⁰ Dubrunfaut. Op. cit., p. 489—490.
- ⁶¹ Первые предприятия с паровым централизованным подогревом еще в эпоху Реставрации (Reynier E. Les industries de la soie à Grenoble, 1921, p. 27).
- ⁶² Villermé L.-R. Op. cit., vol. I, p. 342.
- ⁶³ Ibid., p. 343.
- ⁶⁴ Reybaud L. L'industrie en Europe. P., 1856, p. 118.
- ⁶⁵ См. таблицу на с. 113.
- ⁶⁶ Потемкин Ф. В. Указ. соч., т. I, с. 309.
- ⁶⁷ Villermé L.-R. Op. cit., vol. I, p. 344.
- ⁶⁸ См.: Потемкин Ф. В. Указ. соч., т. I, с. 313.
- ⁶⁹ Atelier, 1846, mai, N 8.
- ⁷⁰ Burat A. Géologie appliquée ou traité de la recherche et de l'exploitation des minéraux utiles. P.—Leipzig, 1843, p. 464.
- ⁷¹ Ibid., p. 420—423.
- ⁷² См. таблицу на с. 113.
- ⁷³ О лампочке Дэви см.: Потемкин Ф. В. Указ. соч., т. I, с. 333.
- ⁷⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 333.
- ⁷⁵ Регистры ремесел и торговли города Парижа. — В кн.: Статистический выпуск. X. М., 1957.

- ⁸⁰ Чуть ли не классическим примером рассеянной мануфактуры считается лионское шелкоткацкое производство. Со строго политико-экономической точки зрения это не вызывает возражений (ниже мы также будем исходить именно из него), а «с точки зрения мануфактурного разделения труда, ткачество было отнюдь не простым, а напротив, сложным *ремесленным*» (курсив мой.— Е. К.) трудом» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 389).
- ⁸¹ См.: Штаерман Е. М., Трофимова М. К. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи. М., 1971, с. 67.
- ⁸² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 350.
- ⁸³ Подсчитано по: Statistique de la France. Industrie. P., 1847.
- ⁸⁴ Audiganne A. Les populations ouvrières et les industries de la France dans le mouvement social du XIXe siècle. Vol. I. P., 1854, p. 17.
- ⁸⁵ Levasseur E. Op. cit., vol. II, p. 180.
- ⁸⁶ Villermé L.-R. Op. cit., vol. I, p. 8; см. также: Levasseur E. Op. cit., vol. II, p. 178.
- ⁸⁷ Vidalenc J. Le peuple des villes et des bourgs. P., 1973, p. 186—187.
- ⁸⁸ Lasserre A. La situation des ouvriers de l'industrie textile dans la région lilloise sous la monarchie de Juillet. Lausanne, 1952, p. 53.
- ⁸⁹ Ibid., p. 50.
- ⁹⁰ Levasseur E. Op. cit., vol. II, p. 184.
- ⁹¹ Dupin Ch. Op. cit., vol. I, p. 143—144.
- ⁹² Villermé L.-R. Op. cit., vol. I, p. 319—320.
- ⁹³ Exposé de la situation du commerce et de l'industrie, soumis au roi, par le ministre du commerce et des travaux publics. P., 1832, p. 15.
- ⁹⁴ Villermé L.-R. Op. cit., vol. I, p. 216.
- ⁹⁵ См.: Потемкин Ф. В. Лионские восстания. М., 1937, с. 62—66, 153—155.
- ⁹⁶ Audiganne A. Op. cit., vol. I, p. 227.
- ⁹⁷ Reybaud L. Op. cit., p. 148.
- ⁹⁸ Подсчитано по: Statistique de l'industrie à Paris, resultant des l'enquête faite par la Chambre de commerce pour les années 1847—1848. P., 1851.
- ⁹⁹ Statistique de l'industrie à Paris. 1860. Enquête de la Chambre de Commerce. P., 1864, p. XX.
- ¹⁰⁰ «Известная минимальная величина индивидуального капитала являлась необходимой для того, чтобы число одновременно эксплуатируемых рабочих, а следовательно, и масса производимой ими прибавочной стоимости были достаточны для освобождения самого эксплуататора от физического труда, для превращения мелкого хозяйчика в капиталиста, для того, чтобы формально создать капиталистическое отношение» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 342).
- ¹⁰¹ Цит. по: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 355—356.
- ¹⁰² Т. е. мануфактурой типа элементарной кооперации работников на одном «поле труда» (см.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 333).
- ¹⁰³ Rolley J. La structure de l'industrie textile en France en 1840—1844. — Histoire des entreprises, 1959, N 3—4; Rolley J. Structure de l'industrie sidérurgique en France en 1845. — Revue d'histoire de la sidérurgie, 1960, N 2.
- ¹⁰⁴ Vidalenc J. Le peuple des villes..., p. 80.
- ¹⁰⁵ Perdiguier A. Mémoires d'un compagnon. Moulins, 1914, p. 174.
- ¹⁰⁶ Цит. по: Vidalenc J. Le peuple des villes..., p. 81.
- ¹⁰⁷ Lasserre A. Op. cit., p. 45—46.
- ¹⁰⁸ Отличительной особенностью феодальной системы ремесла являлась регламентация объема, качества и характера производства, притом цехи выступали в виде лишь одного из регламентирующих институтов. Функции по всеобщему контролю за производством осуществляли, как уже отмечалось, также государство, муниципалитеты, различного рода снудики, избравшиеся самими ремесленниками (см.: Резуненкова Н. В. К истории свободного ремесла в городах Южной Франции XIII—XV вв. — В кн.: Средние века. Вып. XXI. М. 1962; Стам С. М. Экономическое развитие раннего города. (Тулуза XI—XIII веков). Саратов, 1969).
- ¹⁰⁹ См.: La chambre de commerce. Histoire du mouvement ouvrier dans la région lilloise. P., 1941, p. 40.
- ¹¹⁰ Сами грузчики называли свою организацию как Ассоциацией портоных грузчиков (association des portefaix), так и Обществом святого Петру Павла и Нотр-Дам де Грас (Société de Saint-Pierre et Saint-Paul et de Grace).
- ¹¹¹ Règlement pour l'exercice de la profession de portefaix de la ville de Marseille. Marseille, 1817, p. 22. Этот устав действовал без существенных изменений до середины 60-х годов XIX в., когда ассоциация начала приходить вследствие конкуренции со стороны капиталистической компании сменщиков. В 1868 г. был принят новый устав (Règlement de l'association de portefaix de Marseille. Marseille, 1868).
- ¹¹² В 1848 г. ассоциация насчитывала 2500 членов (Nguyen Van faix marseillais. — Provence historique, 1960, t. XII, N 49—50, p. 363).
- ¹¹³ Règlement pour l'exercice de la profession de portefaix..., p. 5.
- ¹¹⁴ Sewell W. La classe ouvrière de Marseille sous la Seconde structure sociale et le comportement politique. — Mouvement sociale, p. 42—43.
- ¹¹⁵ Règlement pour l'exercice de la profession de portefaix..., p. 25.
- ¹¹⁶ Office du travail. Le placement des employés, ouvriers et domestiques. Nancy, 1893, p. 104; Aguet J.-P. Les grèves sous la monarchie de Juillet, 1954, p. 74, 128—129.
- ¹¹⁷ Sauzay A. La verrerie depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours. P., 1869, p. 60.
- ¹¹⁸ Sewell W. Op. cit., p. 42—43.
- ¹¹⁹ Aboucaya C. Les structures sociales et économiques de l'agglomération lyonnaise à la veille de la Révolution de 1848. Lyon, 1963.
- ¹²⁰ Statistique de l'industrie à Paris..., P., 1851; Statistique de l'industrie à Paris..., P., 1864.
- ¹²¹ ЦПА ИМЛ, ф. 250, оп. 1, д. 7, л. 9.
- ¹²² ЦПА ИМЛ, ф. 250, оп. 1, д. 7; Le Pays, 25.7.1865.
- ¹²³ ЦПА ИМЛ, ф. 250, оп. 1, д. 7, л. 15.
- ¹²⁴ История изобретения и распространения швейной машины. М., 1934, с. 13—14.
- ¹²⁵ Vanier H. Op. cit., p. 59—60.
- ¹²⁶ Perdiguier A. Op. cit., p. 54—57, 71—72, 91.
- ¹²⁷ Moreau de Jonnes A. Op. cit., p. 338.
- ¹²⁸ Мелкий товаропроизводитель, обладая собственностью, не обремененной капиталом.
- ¹²⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I, с. 417—418.
- ¹³⁰ Г. Г. Дилигенский писал об этих проблемах: «...социальные условия класса ограничивают и канализируют проявления индивидуальности, подавляют одни тенденции, стимулируют другие и, таким образом, «оформляют» личность, по-прежнему не единственно возможной, но все же в этих условиях модели» (Дилигенский Г. Г. Рабочий на капиталистическом предприятии. М., 1969, с. 47).
- ¹³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 15.
- ¹³² Vidalenc J. Le peuple des villes..., p. 188.
- ¹³³ Trempé R. Les mineurs de Carmaux. 1848—1914. Vol. I. P., 1911—192.
- ¹³⁴ Vidalenc J. Le peuple des villes..., p. 41; Hardach G. Histoire de la région lyonnaise. S. 62—63.
- ¹³⁵ Villermé L.-R. Op. cit., vol. II. P., 1840, p. 24.
- ¹³⁶ Vigier Ph. Seconde République dans la région alpine. Vol. I. P., 1914.
- ¹³⁷ Levasseur E. Op. cit., vol. II, p. 254.
- ¹³⁸ Цит. по: Потемкин Ф. В. Промышленная революция во Франции. М., 1971, с. 67.
- ¹³⁹ Vial J. L'industrialisation..., p. 150.
- ¹⁴⁰ Vial J. L'industrialisation..., p. 159.
- ¹⁴¹ Bigot de Morogues P. Du paupérisme, de la modicité et de la prévention. P., 1824; Vidalenc J. Le peuple des villes..., p. 83; Стам С. М. «mine aux mineurs» de Rancé 1789—1848. P., 1943, p. 241.
- ¹⁴² Aguet J.-P. Op. cit., p. 151—152.

- ¹⁴³ Газета «Réforme» писала 4 сентября 1847 г. о рабочих-лесорубах Бретани: «Несчастные работают то под палящим солнцем, то под проливным дождем с 4 часов утра до 8 часов вечера и получают в неделю 8 франков».
- ¹⁴⁴ Цит. по: Bonnet S. et al. *Verriers et bucherons d'Argonne aux XVIII et XIX siècles.* — *Mouvement social*, 1966, N 57, p. 160.
- ¹⁴⁵ Dumay J.-B. *Mémoires d'un militant ouvrier du Creusot (1841—1907).* Grenoble, 1976, p. 79.
- ¹⁴⁶ Vial J. *L'industrialisation...* p. 159.
- ¹⁴⁷ *Gazette des Tribunaux*, 17.5.1840; 22.5.1840; Aguet J.-P. *Op. cit.*, p. 194, 269.
- ¹⁴⁸ *National*, 27.1.1848.
- ¹⁴⁹ См.: Потемкин Ф. В. *Промышленная революция во Франции*, т. II, с. 177—178.
- ¹⁵⁰ Исключение составляет труд землекопов и некоторых категорий разнорабочих. Хотя их работа была также предельно проста, она требовала значительной физической силы и потому оставалась в основном уделом мужчин.
- ¹⁵¹ См. об их положении: Потемкин Ф. В. *Промышленная революция во Франции*, т. I, с. 61; Тарле Е. В. *Соч.* в 12-ти томах, т. 6. М., 1959, с. 39.
- ¹⁵² Цит. по: Guérif G. Charles Noiret et l'enquête de 1848 sur la profession de tisserand. — *Revue d'histoire économique et sociale*, 1971, vol. 49, N 1, p. 106.
- ¹⁵³ *Ibid.*, p. 102.
- ¹⁵⁴ Цит. по: Aguet J.-P. *Op. cit.*, p. 337.
- ¹⁵⁵ *Atelier*, 1845, décembre, N 3.
- ¹⁵⁶ *Statistique de la France. Industrie. P.*, 1852, p. 322—323, 330—331.
- ¹⁵⁷ *Dubrunfaut. Op. cit.*, p. 490.
- ¹⁵⁸ *Statistique de la France. Industrie. P.*, 1852, p. 314—315.
- ¹⁵⁹ *Sewell W. Op. cit.*, p. 38.
- ¹⁶⁰ Dolléans Ed. *Histoire du mouvement ouvrier. 1830—1871.* P., 1936, p. 15—16.
- ¹⁶¹ *Sewell W. Op. cit.*, p. 36.
- ¹⁶² Потемкин Ф. В. *Промышленная революция во Франции*, т. II, с. 9.
- ¹⁶³ Цит. по: Guillaume P. La situation économique et sociale du département de la Loire d'après «L'Enquête sur le travail agricole et industriel» du 25 mai 1848. — *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, 1963, t. X, p. 26.
- ¹⁶⁴ Blanqui A. Des classes ouvrières..., vol. I. P., 1849, p. 98; Thouvenin. De l'influence que l'industrie exerce sur la santé des populations dans les grands centres manufacturiers. — *Annales d'hygiène publique et de médecine légale*, 1846, juillet, p. 24.
- ¹⁶⁵ *Aperçu sur la condition des classes ouvrières et critique de l'ouvrage de M. Buret. P.*, 1844, p. 21.
- ¹⁶⁶ Cochin A. De la condition des ouvriers d'après les derniers travaux. P., 1862. — Цит. по: Dolléans Ed. *Op. cit.*, p. 25.
- ¹⁶⁷ Les associations professionnelles ouvrières. T. I. P., 1899, p. 330—331.
- ¹⁶⁸ Например, в начале XIX в. парижский торговый дом Буагов являлся совладельцем железорудной компании Сент-Этьена, а также металлургического комплекса Фурамбо. Торговый капитал принимал участие в эксплуатации и металлургических предприятий в Монтатьре, Эмпи (см. подробнее: Thuillier G. Georges Dufaüd et les débuts du grand capitalisme dans la métallurgie en Nivernais au XIX siècle. P., 1959, p. 37 et suiv.).
- ¹⁶⁹ Buret E. De la misère des classes laborieuses en Angleterre et en France. Vol. II. P., 1840, p. 187.
- ¹⁷⁰ Цит. по: Aguet J.-P. *Op. cit.*, p. XII.
- ¹⁷¹ См.: Тарле Е. В. *Соч.* в 12-ти томах, т. 6, с. 291—318; Guillaume P. Grèves et organisations ouvrières chez les mineurs de la Loire au milieu du XIX siècle. — *Mouvement social*, 1963, N 43.
- ¹⁷² *Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории.* Т. I. М., 1976, с. 130.
- ¹⁷³ Chanut A. et autres. Aspects industriels de la crise: le département du Nord. — In: Aspects de la crise et de dépression de l'économie française au milieu du XIX siècle. 1846—1851. P., 1956, p. 102.
- ¹⁷⁴ *Statistique de France. Industrie. P.*, 1852, p. 322—323, 330—331.
- ¹⁷⁵ Chanut A. et autres. *Op. cit.*, p. 99.
- ¹⁷⁶ Moreau de Jonnes A. *Op. cit.*, p. 43—44.
- ¹⁷⁷ Bopp M.-J. L'œuvre sociale de la haute bourgeoisie haut-rhin La bourgeoisie alsacienne, Strasbourg, 1967, p. 392.
- ¹⁷⁸ См.: Тарле Е. В. *Соч.* в 12-ти томах, т. 6, с. 181.
- ¹⁷⁹ Bopp M.-J. *Op. cit.*, p. 392.
- ¹⁸⁰ Villerme L.-R. *Op. cit.*, vol. I, p. 329.
- ¹⁸¹ *Ibid.*, p. 104.
- ¹⁸² Маркс К. и Энгельс Ф. *Соч.*, т. 2, с. 370.
- ¹⁸³ Подсчитано на основании данных, опубликованных в «Gazette des Tribunaux» и в кн.: Aguet J.-P. *Op. cit.*
- ¹⁸⁴ *Enquête sociale*, 20.10.1846.
- ¹⁸⁵ *Dictionnaire de l'industrie manufacturière, commerciale et agricole.* P., 1834, p. 268.
- ¹⁸⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 250, оп. 1, д. 7.
- ¹⁸⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 250, оп. 1, д. 9/2—5, л. 48; Vinçard P. Les Paris. P., 1863, p. 44.
- ¹⁸⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 250, оп. 1, д. 9/2—5, л. 52.
- ¹⁸⁹ Levasseur E. *Op. cit.*, vol. II, p. 253.
- ¹⁹⁰ Perdiguer A. Biographie de l'auteur du livre du compa réflexions diverses. P., 1846; Nadaud M. *Mémoires de Leonard. Armaçon. Bourgneuf*, 1895, p. 107.
- ¹⁹¹ *Réforme*, 9.8.1845.
- ¹⁹² ЦПА ИМЛ, ф. 250, оп. 1, д. 9/2—5, л. 50.
- ¹⁹³ *Démocratie pacifique*, 8.7.1845.
- ¹⁹⁴ Aguet J.-P. *Op. cit.*, p. 296.
- ¹⁹⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 250, оп. 1, д. 7, л. 67.
- ¹⁹⁶ *Réforme*, 9.8.1845.
- ¹⁹⁷ *Réforme*, 16.6.1845.
- ¹⁹⁸ *Démocratie pacifique*, 8.7.1845; Levasseur E. *Op. cit.*, vol. I, p. 258.
- ¹⁹⁹ Levasseur E. *Op. cit.*, vol. II, p. 278.
- ²⁰⁰ Moreau de Jonnes A. *Op. cit.*, p. 278.
- ²⁰¹ Perdiguer A. *Mémoires d'un compagnon*, p. 159; Corboret du peuple de Paris. P., 1863, p. 64; Monfalcon. *Histoire des é de Lyon en 1831 et 1834.* P., 1834.
- ²⁰² См.: Якимович Т. К. Французский реалистический очерк. М., 1963, с. 51—52.
- ²⁰³ Dautry J. 1848 et la IIe République. P., 1957, p. 37.
- ²⁰⁴ Как уже отмечалось, марсельские грузчики представляли собой диффусную группу рабочего класса. По уровню заработков, культурности они вполне могли быть причислены к квалифицированным работникам.
- ²⁰⁵ Gelu V. Marseille au XIX siècle. P., 1971, p. 153.
- ²⁰⁶ Сообщения о существовании в среде рабочих певческих общин у Виллерме (Villerme L.-R. *Op. cit.*, vol. I, p. 103—104).
- ²⁰⁷ «Машинный труд, — писал Ф. Энгельс, — до крайности захватывает человека, подавляет многообразие игры мускулов и отнимает всякую возможность свободной физической и духовной деятельности» и Энгельс Ф. *Соч.*, т. 2, с. 404).
- ²⁰⁸ Braun J. Tour de France d'un artisan alsacien sous le Rest In: *Artisanat et culture d'Alsace.* Strasbourg, 1965, p. 225.
- ²⁰⁹ Имеются также сведения о существовании в Эльзёфе в 30-40-е гг. XIX в. подобных бесплатных курсов для рабочих. Их основал инженер-технолог М. Альян (Dictionnaire de l'industrie manufacturière, commerciale et agricole. P., 1834, p. 268).
- ²¹⁰ См.: Тарле Е. В. *Соч.* в 12-ти томах, т. 6, с. 169—170.
- ²¹¹ Guinot J.-P. Formation professionnelle et travailleurs qualifiés. P., s. a., p. 90—92.

- ²¹² Nadaud M. Op. cit. p. 100
- ²¹³ Comte A. Le proletariat dans la societe moderne P., 1946 p. XXVI
- ²¹⁴ Bon Sens 1111 1832
- ²¹⁵ Например, о каменщиках П. Венсар писал «Кроме деревни, в которой он родился, семьи и своего ремесла каменщик ничего не знает и знать даже то, что происходит вокруг него, не хочет. Его безразличие ко всему на свете почти непобедимо». Далее Венсар отмечал безнадежный консерватизм каменщиков, которые в любой затруднительной ситуации ссылались на то, что книги они не читали, да и старики прекрасно управлялись с кирпичами без помощи книг. Лишь меньшинство каменщиков признавал Венсар, не соответствовавший этой характеристике (ЦПА ИМЛ, ф. 250, оп. 1, д. 9/6, т. 17)
- ²¹⁶ Reforme 1611 1845
- ²¹⁷ La chanson française. Le pamphlet du pauvre P. 1957 p. 111 (Перевод Е. Райской)
- ²¹⁸ См. с. 183 нашей работы
- ²¹⁹ В этой песне есть такие строки «Взгляни на эти набережные, на эти изящные дома, на эти храмы и дворцы. Посмотри на эти крепости, все это создано руками каменщика из Креза» (ЦПА ИМЛ, ф. 250, оп. 1, д. 9/6, т. 97)
- ²²⁰ La chanson française p. 156
- ²²¹ ЦПА ИМЛ, ф. 250, оп. 1, д. 9/1, л. 22
- ²²² Prati J. H. Histoire du faubourg Saint Antoine P. s. a p. 171—173
- ²²³ О Пеккер изобрет арифмометра, усовершенствованного ряд металлообрабатывающих станков (Eude E. Histoire documentaire de la mecanique française P. 1902 p. 58—59)
- ²²⁴ См. Мишле Ж. Народ М., 1965, с. 51
- ²²⁵ Aperçu sur la condition des classes ouvrières p. 17
- ²²⁶ См., например, письмо двух рабочих, бывших бригадиров национальных мастерских, в котором они во имя «порядка и собственности» осуждают июньское восстание парижского пролетариата (Le Nouvelliste Journal de Paris 171848)
- ²²⁷ Corbon A. Op. cit. p. 19—25 62—63
- ²²⁸ Это в определенной степени подтверждает (правда, для более позднего времени) исследование американского историка Дж. Скотта, который тщательно изучил судьбы высококвалифицированных рабочих стеклодувов, ремесло которых пришло в упадок вследствие утверждения машинного производства (Scott J. W. The glassworkers of Carmaux. French craftsmen and political action in nineteenth-century city. Cambridge 1974)
- ²²⁹ Тарле Е. В. Соч. в 12-ти томах, т. 6, с. 210
- ²³⁰ L'ee nouvelle 87 1848
- ²³¹ История Франции Т. 2 М., 1973 с. 306—307

К главе 4

- ¹ Schnitzler J. H. Statistique genérale de la France comparee aux autres grandes puissances de l'Europe T. I P. 1846 p. 329 333
- ² Маркс К и Энгельс Ф. Соч., т. 44, с. 5
- ³ Hugo A. France pittoresque T. III P. 1835 p. 13
- ⁴ См. Вайнштейн Г. И. Американские рабочие сдвиги в общественном сознании М., 1977, с. 121
- ⁵ О понятии «мы» см. Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история М., 1979, с. 107—116
- ⁶ Perdiguier A. Memoires d'un compaignon Moulins 1914 p. 70 83 34
- Office du travail. Le placement des employes ouvriers et domestique P. Nancy 1893
- De la vie paupere 23 7 1844 Reforme 711 1817
- ⁸ Bonnet S. et al. Les «sauvages» de l'avenir verriers et bien d'autres compagnons aux XVIII et XIX siècles — Mouvement social 1966 N 57. Gallay P. La mine aux mineurs de Rancie 1789—1848 P. 1943 p. 50
- См. Тарле Е. В. Соч. в 12-ти томах т. 6 М. 1959 с. 155 1
- Urban Workers in provincial France — International Review of social hist. 1972 N XVIII part 3 p. 665

- ¹⁰ Nadaud M. Memoires de Leonard ancien garçon maçon Boulogne p. 94
- ¹¹ Perdiguier A. Op. cit. p. 74
- ¹² Ibid. p. 137—138
- ¹³ Reforme 126 1845
- ¹⁴ Gazette des Tribunaux 1311 1831 7—83 1831
- ¹⁵ Perdiguier A. Op. cit. p. 60
- ¹⁶ Perdiguier A. Les compaignons du devoir Origine causes sions reconciliation generale P. 1848 p. 5
- ¹⁷ См. Потемкин Ф. В. Лионские восстания 1831 и 1834 с. 114 115 Coornaert E. Les compaignonnages en France du nos jours P. 1966 p. 6
- ¹⁸ Perdiguier A. Memoires d'un compaignon p. 141
- ¹⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 250, оп. 1, д. 9/6, л. 29—30 Agulhon M. Une re au temps du socialisme utopique Toulon de 1815 a 1851 P.—La p. 115
- ²⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 250, оп. 1, д. 9/6, л. 30
- ²¹ Vidalenc J. Le peuple des villes et des bourgs P. 1973 p. 1
- ²² Bon Sens 1410 1832
- ²³ Характеризуя структуру рабочей силы на мануфактуре, К. М. «Хотя мануфактура создает наряду с нерархическим расчленением простое разделение их на обученных и необученных, число последних она ограниченным в силу преобладающего значения первых» (М. Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 379)
- ²⁴ Бигаро и бруля — названия враждовавших группировок рабочих департамента Крез
- ²⁵ Perdiguier A. Memoires d'un compaignon p. 125 Perdiguier A. Les compaignons du devoir p. 10—11
- ²⁶ Agulhon M. Op. cit. p. 131
- ²⁷ Gazette des Tribunaux 3—41 1831
- ²⁸ Gazette des Tribunaux 79 1830
- ²⁹ См. Молок А. И. Восстание рабочих Марселя 22—23 июля 1830 г. — Новая и новейшая история, 1965, № 1, с. 76
- ³⁰ Gazette des Tribunaux 33 1831
- ³¹ Gazette des Tribunaux 43 1831
- ³² Gazette des Tribunaux 23 2 1831
- ³³ О значительном влиянии бонапартизма в среде французских рабочих свидетельствуют материалы «Gazette des Tribunaux» от 7 11 1831 6 3 1831 18 3 1831 а также десятки полицейских донесений и воспоминаний выявленных американским историком Э. Ньюменом, который изучал политические настроения народных масс в период 1830 г. (Newman E. What the crowd wanted in the French Revolution In 1830 in France N. Y.—L. 1975 см. также Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier français T. I P. 1964 p. 265)
- ³⁴ См. Маркс К и Энгельс Ф. Соч. т. 8 с. 208
- ³⁵ Стендаль. Собр. соч. в 12-ти томах Т. I М., 1978, с. 24
- ³⁶ Подобная противоречивость в определенной мере объяснялась неоднозначностью политики самого Наполеона, о котором Ф. Энгельс «по многим вопросам он выступал как против аристократии и буржуазии и был испровергнут их объединенным заговором» (М. Энгельс Ф. Соч. т. 44, с. 4)
- ³⁷ Автор этих слов растиральщик красок Лотен (Gazette des Tribunaux 7 1 1831) вопреки принципам партикуляристского сознания готов был на есть решительным образом вмешаться в политическую жизнь. Смысл этого вмешательства он ищет в смене одного монарха другим
- ³⁸ Bon Sens 30 1 1832
- ³⁹ Bon Sens 20 1 1832
- ⁴⁰ Bon Sens 30 1 1832
- ⁴¹ Bon Sens 30 4 1832
- ⁴² Bon Sens 30 1 1832
- ⁴³ Bon Sens 26 1833, supplement

- ⁴⁴ Bon Sens, 9.12.1832, supplément.
- ⁴⁵ Bon Sens, 23.9.1832.
- ⁴⁶ Bon Sens, 3.3.1833.
- ⁴⁷ Réforme, 8.8.1844.
- ⁴⁸ Цит. по: Garmy R. Op. cit., p. 45.
- ⁴⁹ Garmy R. Un mythe: «La mine aux mineurs» de Rancié (Ariege) de 1805 à 1848. — Mouvement social, 1963, N 43, p. 34.
- ⁵⁰ Newman E. What the crowd wanted..., p. 21.
- ⁵¹ Gazette des Tribunaux, 12.1.1831.
- ⁵² Réforme, 30.6.1845.
- ⁵³ Bon Sens, 14.10.1832.
- ⁵⁴ Bon Sens, 11.11.1832.
- ⁵⁵ Bon Sens, 9.12.1832, supplément.
- ⁵⁶ Цит. по: Bruhat H. Le mouvement ouvrier français au début du XIX siècle et les survivances d'Ancien Régime. — Pensée, 1968, N 142, p. 48.
- ⁵⁷ Dautry R. Compagnonnage par les compagnons du tour de France. P., 1951, p. 44.
- ⁵⁸ Beranger Ch. Pétition d'un prolétaire à la Chambre des Députés. P., 1831, p. 13.
- ⁵⁹ Bon Sens, 9.9.1832.
- ⁶⁰ Ibidem.
- ⁶¹ Réforme, 9.10.1847.
- ⁶² Bon Sens, 14.10.1832.
- ⁶³ Ibidem.
- ⁶⁴ Echo de la Fabrique, 16.6.1833. (Цит. по: Bezucha R. The Lyon uprising of 1834. Social and Political Conflict in the Early July Monarchy. Cambridge, 1974. p. 216. Подстрочный перевод).
- ⁶⁵ Bon Sens, 7.7.1833, supplément.
- ⁶⁶ Beranger Ch. Op. cit., p. 12—13.
- ⁶⁷ Bon Sens, 11.11.1832.
- ⁶⁸ Как уже отмечалось, в XVIII в., а возможно и ранее, партикуляристское сознание не исключало полностью сознание макрогрупповое. Просто представление о макрогрупповом «мы» отличалось гораздо большим постоянством и интенсивностью по сравнению с представлением о причастности индивида к той или иной макрогруппе: народу, нации, классу. С этой точки зрения становление топунистского и классового типов сознания следует рассматривать как процесс постепенного возрастания в глубинах рабочего сознания значения макрогрупповых представлений и ценностей в ущерб микрогрупповым.
- ⁶⁹ La chanson française. Le pamphlet du pauvre (1834—1851). P., 1957; La parole ouvrière 1830—1851. P., 1976.
- ⁷⁰ Les patrons, les ouvriers et l'état. P., 1912, p. 9—11.
- ⁷¹ Bon Sens, 14.X.1832.
- ⁷² Bon Sens, 5.V.1833.
- ⁷³ Ibidem.
- ⁷⁴ Bon Sens 9.12.1832.
- ⁷⁵ Bon Sens, 5.5.1833, supplément.
- ⁷⁶ Bon Sens, 7.4.1833, supplément.
- ⁷⁷ Bon Sens, 9.12.1832, supplément.
- ⁷⁸ Bon Sens, 23.9.1832.
- ⁷⁹ Bon Sens, 7.4.1833, supplément.
- ⁸⁰ Bon Sens, 4.11.1832; La chanson française..., p. 110—112.
- ⁸¹ В автобиографических заметках П.-Ж. Прудон рассказывал о своем отце, ебогатом пивоваре из Безансона: старик продавал пиво почти по себестоимости, е стремясь получить не причитавшегося ему за труд, и в конце концов разо- ился (Carnets de P.-J. Proudhon. Vol. I. 1843—1846. P., 1960, p. 4—5).
- ⁸² Bon Sens, 9.12.1832 supplément. Спустя 13 лет о мошенничестве тех же аристократических будничных будет писать в «Atelier» (1845, № 1) другой рабочий.
- ⁸³ Réforme, 21.8.1845.
- ⁸⁴ La chanson française..., p. 29. (Подстрочный перевод).
- ⁸⁵ Pulbeam P. Popular violence in provincial France after the 1830 Revolution. — English historical review, 1976, vol. 91, N 359.
- ⁸⁶ Atelier, 1846, octobre, N 1.
- ⁸⁷ Чаще всего «маленькие хитрости» хозяев становились пр воров только среди обманываемых ими рабочих и их близких, и доходить до суда, и тогда во всеулышание раздавались голоса с отношении к самому нуждающемуся классу. Именно в таких вы- рил на процессе в Бельфоре в июле 1836 г. заместитель прокурора пятерых мясников за систематическое обвешивание покупателей Tribunaux, 20—21.6.1836).
- ⁸⁸ Histoire de Bordeaux. T. 6. Bordeaux au XIXe siècle. Bordea
- ⁸⁹ Bon Sens, 11.11.1832.
- ⁹⁰ Bon Sens, 7.4.1833, supplément.
- ⁹¹ La parole ouvrière..., p. 215.
- ⁹² Levasseur E. Histoire des classes ouvrières et de l'ind
- ⁹³ Chassagne S. et al. Les ouvriers de la manufacture de l
- ⁹⁴ Réforme, 20.9.1847.
- ⁹⁵ La parole ouvrière..., p. 63.
- ⁹⁶ Ibid., p. 67.
- ⁹⁷ Ibid., p. 81.
- ⁹⁸ Atelier, 1846, mai, N 8.
- ⁹⁹ Atelier, 1846, mai, N 8.
- ¹⁰⁰ La chanson française..., p. 92. (Перевод Е. Райской).
- ¹⁰¹ Atelier, 1846, juin, N 9.
- ¹⁰² Réforme, 19.8.1845.
- ¹⁰³ Мишле Ж. Народ. М., 1965, с. 54.
- ¹⁰⁴ Цит. по: Rioux J.-P. La révolution industrielle. 1780—
- ¹⁰⁵ Gazette des Tribunaux, 28.12.1835; 30.1.1836.
- ¹⁰⁶ Bon Sens, 30.9.1832.
- ¹⁰⁷ Bon Sens, 13.1.1833.
- ¹⁰⁸ Рабочие книжки впервые были введены королевскими ука ре 1781 г. Учредительное собрание отменило их в 1791 г., как и в дические формальности, стеснявшие свободу торговли и промы декретами 1804—1805 гг. рабочие книжки были восстановлены, с они были распространены и на шахтеров, ранее свободных от ского документа (Annales du Travail. Moniteur des sociétés coo N 5, p. 143).
- ¹⁰⁹ Bon Sens, 2.1.1835; Zeldin Th. France 1848—1945. Amb politics. Oxford, 1973, p. 198—199.
- ¹¹⁰ Подобного рода расчет приводил иногда к кровавым драм 1834 г. в г. Вилльфанше, услышав, что хозяин отказывается книжку, обреченный на голодную смерть ситцепечатник ударом патрона на тот свет (Bon Sens, 10.1.1835).
- ¹¹¹ См.: Дилигенский Г. Г. Некоторые методологически следования психологии больших социальных групп. — В кн.: Ме проблемы социальной психологии. М., 1975.
- ¹¹² Там же, с. 198—199.
- ¹¹³ Подсчитано на основании: Agnet J.-P. Les grèves sous l juillet (1830—1847). Genève, 1954.
- ¹¹⁴ См.: Потемкин Ф. В. Промышленная революция во М., 1971, с. 77—91, 173—178, 184—188.
- ¹¹⁵ Agnet J.-P. Op. cit., p. 315, 320.
- ¹¹⁶ Gazette des Tribunaux, 1.5.1844.
- ¹¹⁷ Gazette des Tribunaux, 13.6.1839; 12.10.1843; Réforme, 21
- ¹¹⁸ См.: Дилигенский Г. Г. Указ. соч., с. 199, 202—203.
- ¹¹⁹ Perdiguier A. Les compagnons du devoir, p. 6—7.
- ¹²⁰ ИПА ИМЛ, ф. 250, оп. 1, д. 8, л. 101—102; Marillier J. et l'Union. — Actualité de l'Histoire, 1953, N 5; Puech J. La vie Flora Tristan. P., 1925, p. 127, 141—146.
- ¹²¹ Coornaert E. Les compagnonnages en France..., p. 75.

- ¹²² Dautry R Compagnonnage par les compagnons, p 45
¹²³ Gerando A de De la bienfaisance publique Vol III P, 1839, p 91
¹²⁴ Ibid p 90
¹²⁵ Audiganne A Les populations ouvrières et les industries de la France dans le mouvement social du XIXe siècle Vol I P, 1854, p 33—36, 45
¹²⁶ Bopp M J L'œuvre sociale de la haute bourgeoisie haut rhinoise — In La bourgeoisie Alsacienne Strasbourg, 1967, p 392, Coornaert E Les compagnonnages, p 64
¹²⁷ Aguet J-P Op cit, p 142—143
¹²⁸ Gazette des Tribunaux, 12 10 1843
¹²⁹ Цит по Aguet J P Op cit, p 140
¹³⁰ Ibid, p 75—87, 130—133
¹³¹ См Волгин В П Французский утопический коммунизм М, 1960, с 102, Киссельгоф И С Республиканское восстание 5—6 июня 1832 г в Париже — В кн Французский ежегодник 1974 М, 1976.
¹³² Voss B Parisian Workers and the origins of Republican socialism, 1830—1843 — p 1830 in France N Y, 1975
¹³³ Guerineau Societe des Droits de l'Homme Pourquoi nous sommes republicains, et ce que nous voulons, par le citoyen Guerineau, ouvrier, membre de la societe des Droits de l'homme (P), s a, Cuvillier A Un journal d'ouvriers Atelier P, 1954, p 56, Aguet J P Op cit, p 77
¹³⁴ См. Вейль Ж История республиканской партии во Франции с 1814 по 1870 г М, 1906, с 86—87
¹³⁵ Gazette des Tribunaux, 11—12 1 1836, 13 1 1836
¹³⁶ De la Hodde L Histoire des societes secretes et du parti republicain de 830 a 1848 Bruxelles 1850
¹³⁷ См Бланки О Избранные произведения М, 1952, с 105—106, 13—114
¹³⁸ См там же, с 117
¹³⁹ Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier français Vol I—III P, 1964—1966.
¹⁴⁰ См Иоаннисян А Р Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840—1841 гг М, 1983, с 135—138
¹⁴¹ Democratie lyonnaise Revue mensuelle politique, sociale, industrielle et lit-гаire 13 1840
¹⁴² Reforme, 23 9 1844, 24 9 1844
¹⁴³ См Венль Ж Указ соч, с 182—183
¹⁴⁴ Gazette des Tribunaux, 14 7 1847 supplement
¹⁴⁵ Rude F Voyage en Icarie Deux ouvriers viennois aux Etats Unis en 1855 1952
¹⁴⁶ См Застенкер Н Е Об организации рабочих делегатов Люксембургской комиссии 1848 г — В кн Французский ежегодник 1975 М, 1977
¹⁴⁷ Rude F Stendal et les Saint-Simoniens — Saint simonisme et parti pour industrie XIX—XX siecles, 1970, N 6, p 265—272
¹⁴⁸ Vincard-aine Memoires episodiques d'un vieux chansonnier saint simonien P, 1878, p 35—36
¹⁴⁹ Bon Sens, 11 11 1832
¹⁵⁰ В листовке рассказано, как на сенсимонистов, одетых в их своеобразную форму, с любопытством взирали прохожие, впрочем, никто не позволял себе издевательств в адрес странных путников, и лишь один господин вскричав «Это масонские! Хуже того!» Анонимный автор листовки (один экземпляр ее хранится сейчас в отделе письменных источников Государственного Исторического музея в Москве), попытался убедить издателя экзальтированного и категоричного издателя сенсимонистов, что необходимо прежде разобраться в новом учении, потом уже выступать с какой-либо критикой (ОПИ ГИМ, ф 312, оп 1, 188).
¹⁵¹ D'Allemagne H R Les saint simoniens 1827—1837 P, 1930 120—121
¹⁵² Bougle C Chez les preprets socialistes P 1913, p 19
¹⁵³ (Voiilquin S) Souvenirs d'une fille du peuple de la saint simonienne et sur par Mlle Suzanne V P 1866, p 78

- ¹⁵⁴ Emerit M Les saint simoniens a Strasbourg (1830—1840) de l'Est, 1976, N 1, p 69
¹⁵⁵ Rude F Les saint simoniens et Lyon — In Congres de Lyon, 1964 P, 1965, p 339 et suiv
¹⁵⁶ Ibidem
¹⁵⁷ Villierme L R Tableau de l'etat physique et moral des industries de coton de laine et de soie T I P, 1840, p 368
¹⁵⁸ Когда в марте 1836 г на улице Лурсин в Париже пол приготвлением пороха в подпольной мастерской пятерых рабочих из них — Бофур и Робер — оказались рабочими, ранее при сенсимонистам (Sencier G Le babouvisme apres Babeuf P, 1958 Religion saint simonienne Enseignement des ouvriers P, 1959 Vincard-aine Memoires episodiques, p 112
¹⁵⁹ D'Allemagne H R Op cit p 120
¹⁶⁰ Международное рабочее движение Вопросы истории и 1976, с 421
¹⁶¹ Вейль Ж История республиканской партии, с 145—146
¹⁶² Bon Sens 16 9 1832, La parole ouvriere p 74
¹⁶³ Все они на протяжении нескольких лет являлись очень верными сенсимонистами (Voiilquin S Op cit p 96, L socialistes de l'utopie P 1971, p 103 203)
¹⁶⁴ Bon Sens 14 10 1832
¹⁶⁵ Bon Sens 25 8 1833 В «Bon Sens» Фюжер заранее по о своей инициативе
¹⁶⁶ Bourgin H Victor Considerant Son oeuvre P, 1909
¹⁶⁷ Gossez R Presse parisienne a destination des ouvrier In La presse ouvriere 1819—1850 P 1966, p 131
¹⁶⁸ ЦПА ИМЛ, ф 225, оп 1, д 53
¹⁶⁹ ЦПА ИМЛ, ф 225, оп 1, д 39
¹⁷⁰ Gossez R Presse parisienne, p 124
¹⁷¹ Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier français
¹⁷² Leon P La naissance de la grande industrie en Daup 1954 p 764
¹⁷³ Audiganne A Les populations ouvrières, vol I p 53
¹⁷⁴ См Жамен Л Воспоминания рабочего-столяра М Jonson Ch H Utopian communism in France Cabet and the 1851 L 1974, p 145
¹⁷⁵ Следует отметить, что Л Блан, в отличие от Кабе, пол Июльской монархии определенной поддержкой не только среди и среди буржуазии (и даже ее верхнего слоя — цензовых и явствует из письма Л Блана редактору дижонской газеты Д hers), им были получены сведения от друзей, что значительное избирателей выражали готовность поддержать его кандидатуру в выборах в палату депутатов (см письмо Л Блана к Данжель ф 229, оп 1, д 44) Тогда же кандидатуру Л Блана выдвиг Вильфранш де Лораре (Renard E Louis Blanc Sa vie—son p 65)
¹⁷⁶ Цит по Gros J M Le mouvement litteraire socialiste (1904) p 3—4
¹⁷⁷ ЦПА ИМЛ, ф 226, оп 1, д 1
¹⁷⁸ См Тарле Е В Соч в 12-ти томах, т 6, с 588
¹⁷⁹ Johnson Ch H Op cit p 149
¹⁸⁰ Duhart Jean Duhart Janine La revolution de 1973 p 89
¹⁸¹ Johnson Ch H Op cit, p 149
¹⁸² ЦПА ИМЛ, ф 226, оп 1, д 20, письмо Э Кабе к Го
¹⁸³ Там же
¹⁸⁴ Там же, д 14, письмо А Понсе к Э Кабе
¹⁸⁵ Там же, д 15, письмо Марколино-Пра к Кабе
¹⁸⁶ См Иоаннисян А Р Указ соч
¹⁸⁷ См Гейне Г Собр соч Т 8 М, 1959, с 31 (Гей

жил в Париже, посещал собрания республиканцев, рабочие мастерские в предместьях)

¹⁸⁹ Vapoint J. Confession d'un prolétaire. P. 1968, p. 56—59

¹⁹⁰ См. Иоаннисян А. Р. Указ соч., с. 135—146

¹⁹¹ См. Бернштейн С. Необавуристская печать 1837—1848 гг. — В кн. Французский ежегодник 1960. М., 1961

¹⁹² Le premier banquet communiste. P. 1840, Johnson Ch. H. Op. cit. p. 74

¹⁹³ Bouton V. Profils revolutionnaires par un crayon rouge. P. 1848—1849, p. 131, Молок А. И. Некоторые вопросы июньского восстания — Вопросы истории, 1952, № 12, История Франции. Т. 2. М., 1973, с. 300—301